

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published quarterly
2019, № 1 (26)

Founders

**FSBIS “Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”,
SBI “Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)”**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Vasilyeva N.M.*, executive secretary, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Antonov E.P.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Burykin A.A.*, Doctor in Philology, Doctor in History, (ILS RAS, St. Petersburg); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyшева L.L.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Ignatieva V.B.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Illarionov V.V.*, Doctor in Philology, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov, NEFU); *Larionova A.S.*, Doctor of Arts (IHRISN SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Pokatilova N.V.*, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Popova N.I.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Sivtseva S.I.*, Doctor in History (M.K. Ammosov NEFU); *Sivtseva-Maksimova P.V.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Struchkova N.A.*, Candidate in History (M.K. Ammosov NEFU); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU), *Khazankovich U.G.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2019, № 1 (26)

Учредитель (соучредители):
**ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН»,
ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)»**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Васильева Н.М.*, отв. секретарь, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Бурькин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Илларионов В.В.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИиПМНС СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Покатилова Н.В.*, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Сивцева С.И.*, д. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Сивцева-Максимова П.В.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Хазанкович Ю.Г.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council:

Alexeev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Acad. RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Acad. RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Dr., Professor (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kuzmina E.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Takakura H.*, Dr., Professor (University Tohoku, Japan); *Shirobokova N.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *E.P. Antonov*

Editors: *N.I. Degtyareva*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Такакура Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Широбокова Н.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *Е.П. Антонов*

Редактор: *Н.И. Дегтярева*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

История и археология

<i>Ушницкий В.В.</i> Мистерии Адам-хану: жертвоприношение в честь первопродка человечества	10
<i>Васильев В.Е.</i> К генезису культа кузнецов, шаманов и воинов: триада сакральной власти	17
<i>Жукова Л.Н.</i> Древние миграции в Колымский регион в контексте этнических взаимодействий на северо-востоке Азии	24
<i>Грачев И.А.</i> Формирование национальной идентичности хакасов в рамках российской государственности (XVII–XIX вв.)	31
<i>Григорьев С.А.</i> Общественное движение коренных народов Ямало-Ненецкого автономного округа в конце XX – начале XXI вв.	41
<i>Никитина С.Е.</i> Региональные органы управления общественно-политической жизнью ЯАССР в годы Великой Отечественной войны	46
<i>Филиппова В.В.</i> Пространственный анализ образования населенных пунктов на территории Хангаласского района в XX в.	59
<i>Саввинова А.Н., Филиппова В.В.</i> Разновременные карты как источник для изучения топонимического образа Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия)	66

Языкознание

<i>Хусаинова Л.М.</i> Унификация тюркоязычных алфавитов, основанных на кириллице	71
<i>Ягафарова Г.Н.</i> Новейшая тюркская лексикография (о новом типе толковых словарей)	77
<i>Озонова А.А., Тюттешева Е.В., Федина Н.Н.</i> Языковые особенности перевода текста «Евангелия от Матфея» 1910 г. на алтайский язык	85
<i>Роббек Л.В.</i> Слово <i>тыын</i> в значении ‘мысль; сознание; разум’ в составе устойчивых словесных комплексов (по материалам «Большого толкового словаря якутского языка»)	92
<i>Курилова С.Н.</i> Иноязычные лексические переносы в языке тундровых юкагиров: тематическая группа «время»	98
<i>Попов В.Г.</i> Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования	106

Литературоведение и фольклористика

<i>Карманова (Ноева) С.Е.</i> «Выросшие из земли»: маскулинные / феминные роли персонажей в якутском хронотопе	117
<i>Столяров Ю.Н.</i> Олонхо: роль знаков и письменности в установлении мирового порядка	125
Сведения об авторах	135
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	138

CONTENTS

Historical sciences

<i>Ushnitsky V.V.</i> Mysteries of Adam Khan: Sacrifice in Honor of the First-Born of Mankind	10
<i>Vasilyev V.E.</i> The Genesis of the Cult of Blacksmiths, Shamans and Warriors: the Triad of Sacred Power	17
<i>Zhukova L.N.</i> Ancient Migrations to the Kolyma Region in the Context of Ethnic Interactions in the Northeast Asia	24
<i>Grachev I.A.</i> The Formation of National Identity of the Khakass People in the framework of the Russian Statehood (XVII–XIX centuries.)	31
<i>Grigorev S.A.</i> Indigenous movements of the Yamalo-Nenets Autonomous District at the end of the XX–XXI centuries.	41
<i>Nikitina S.E.</i> Regional Governing Bodies of the Socio-Political Life of the YASSR During the Great Patriotic War	46
<i>Filippova V.V.</i> Spatial Analysis of the Formation of Settlements in the Khangalassky Region in the XX century	59
<i>Savvinova A.N., Filippova V.V.</i> Multitemporal Maps as a Source for Studying the Toponymic Image of the Khangalassky Ulus of the Republic of Sakha (Yakutia)	66

Linguistics

<i>Khusainova L.M.</i> Unification of Turkic Alphabets, Based on Cyrillic	71
<i>Yagafarova G.N.</i> The Newest Turkic Lexicography (About the New Type of Explanatory Dictionaries)	77
<i>Ozonova A.A., Tyuntesheva E.V., Fedina N.N.</i> Linguistic Traits of the Gospel of Matthew Translated into Altai (1910)	85
<i>Robbek L.V.</i> The Word Tyyn in the Meaning ‘Thought; Consciousness; Mind’ in the Composition of Stable Verbal Complexes (Based on the Materials of the Great Explanatory Yakut Language Dictionary)	92
<i>Kurilova S.N.</i> Foreign Lexical Transfers in the Language of Tundra Yukagirs: a Thematic Group of “Time” ...	98
<i>Popov V.G.</i> The Names of Ancient Yakut Edged Weapons as an Object of Comparative Research	106

Literary Studies and Folklore Studies

<i>Karmanova (Noeva) S.E.</i> “Grown out of the Land”: Masculine / Feminine Roles of Characters in the Yakut Chronotope	117
<i>Stolyarov Yu.N.</i> Olonkho: the Role of Signs and Writing in Establishing World Order	125
Information about authors	136
The manuscripts rules	138

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

В.В. Ушницкий

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.01.

УДК 392:233.5

Мистерии Адам-хану: жертвоприношение в честь первопредка человечества

В настоящей работе использован комплексный подход, включающий в себя системный, структурно-семантический, описательный, структурно-семиотический, сравнительно-исторический, историко-типологический, статистический методы исследования, которые позволили рассмотреть фольклор и обрядность в тесной взаимосвязи как неразрывный комплекс традиционной культуры телеутов.

Впервые в научный оборот вводится статья российского этнографа А.В. Анохина «Мистерия Адам-хану», хранящаяся в Архиве МАЭ РАН (Кунсткамера). Данная статья посвящена анализу телеутского эпоса «Моления Адам-хану». Образ первочеловека Адама в телеутской мифологии очень древний. По мнению исследователей, Адам-хан в мифологии народов Саяно-Алтая связан с образом Божества Эрлик.

Вопросы вызывает время появления персонажа Адам-хана в тюркской мифологии. Еще у древних тюрков зафиксирован прародитель Адам-хан. Возможно, появление первопредка с таким именем в древнетюркской мифологии связано с вероучением миссионеров манихейской, несторианской религии или влиянием иудаизма.

Жертвоприношение в честь Адам-хана состоит из шаманского камлания и забоя жертвенного животного – быка, раздачи его мяса. Дары духам состоят из земледельческой и скотоводческой пищи. Описывается процесс снятия шкуры с жертвенного животного и варки внутренностей животных. Вино – как священная пища, подается духам с молитвами (алгысом).

Адам-хан – житель космического рая, первопредок человечества, является покровителем шаманов. Возможно, в этом образе отразились реальная история возникновения человечества, связанная с космосом, с мировой душой (философия В.Ф. Гегеля).

Ключевые слова: эпос, мифология, этнография, первочеловек, телеуты, шаманизм, Адам-хан, архивные источники, жертвоприношение.

Введение. В Архиве МАЭ РАН (Кунсткамеры) в материалах А.В. Анохина (1869–1931) нами обнаружена его статья «Мистерия Адам-хану». В ней он анализирует телеутский эпос «Моления Адам-хану».

В шаманстве телеутов, инородцев Кузнецкого уезда Томской губернии, Адам считается главным духом земли. В лице Адама телеутский шаманизм видит древнего родоначальника, от которого произошел род человеческий.

© Ушницкий В.В., 2019

На этом основании телеуты Адама называют «Адаоле» – наш отец, или «Ада кизи» – отец-человек.

Основная часть. Из статьи А.В. Анохина

Из чувства признательности, как к родоначальнику, Адаму приносят кровавую жертву, вместе с тем у него испрашивается «кут» (зародыши) на детей и скот. В жертву Адаму приносят: а) черного быка трех, пяти или семи лет; б) один туес (конок) браги (абырткы); в) шкуру крота (номон) и пять новых видов одежды женской и мужской, не бывшей в употреблении. При камлании Адаму также ставятся три туеса, подвешиваются 12 «толу», шкурки хорька (кузен) и крысы (эрлен). Все эти вещи предназначаются в жертву трем духам, живущим по пути к Адаму: Порчи Кану – один туес и три «толу», Шагаи Кану – один туес и четыре «толу» и шкурка хорька, Елбеш Кану – один туес, пять толу и шкурка крысы. Камлание Адаму совершается в разное время года, весной и поздней осенью, после уборки с полей хлеба.

Камлание Адаму обставляется торжественно и совершается при большом стечении народа, который оповещается хозяином за несколько месяцев. За два или за три дня до совершения камлания к близким родственникам для приглашения посылаются вторично специальный посол, который приглашает только одно семейство, остальных приглашает глава семейства.

За неделю до камлания в доме хозяина жарят ячмень. Жарение ячменя происходит во дворе в нескольких котлах, поставленных в ряд. Ячмень в котле мешают девушки и молодые парни особой веселкой, конец которой обвязан тряпкой. Ячменя готовят около шести или семи пудов. Затем хозяин дома увозит его на мельницу молот.

Готовят также солод из ржи, около пуда. За эту неделю в доме и во дворе наводят чистоту. Хозяйка печет много хлеба для гостей. Вечером, накануне камлания, хозяин или старший из его родственников приглашают кама. Кама привозят на телеге, а вместе с ним его бубен (чалу) и колотушку (орбы). После приветствия кам делает кропле-ные выкуренным вином из хлеба всем духам.

Часть камлания (подготовительная).

Действие 1. Ловля Адамового бура

«Бур» в камской мистерии – это конь, на котором ездит дух. Без бура дух путешествовать

не может. Кам, отправляясь с жертвою к духу, предварительно ловит его «бура», привязывает его в доме и держит до окончания камлания. Если «бур» духа не будет привязан, то кам не сможет найти самого духа дома, где он обитает, и камлание не достигнет цели. Ловля «бура» представляет собой продолжительное действие – около двух часов. Оно завершается камом с бубном при участии народа сначала в доме, а потом вне дома. «Бура» загоняют в дом палками, свистом, гамом, как будто бы настоящее животное.

Действие это совершается накануне жертвоприношения, вечером или утром в день жертвоприношения.

Действие 2. Конок урганы, приготовление абырткы (браги).

Действие это совершается утром. Сначала на улице в казанах кипятят воду, которую пропускают через солод и сито. Получается смесь сероватого цвета, которая называется «уут-суу». «Уут-суу» вносят в избу и вливают в туеса, поставленные в ряд в переднем углу. Когда туеса наполняют «уут-суу», их подвешивают на шесте над туесами «толу». 17 штук.

Около туесов ставят черемуховое раздвоенное деревце, а к нему к протянутой веревочке привязываются нитками за переносье три шкурки: хорька, крота и крысы. К каждой шкурке подвешиваются по две ленточки – одна белая, а другая плисовая. Шкурки снимаются с когтями и мордой. Древко со шкурками и йаламой называется тоже «чаалкы». Все предметы, употребляемые при означенном действии: туеса, толу, брага, древко, кам окуривает зажженным можжевеловым, кругообразно помахивая веткой.

После «алгыса» кам одевается в каптал, голову обвязывает цветным платком, садится на лавку по правую сторону от туесов и толу. Для кама всегда расстилается кусок чистой кочмы. За туесами ставят сельницу с ячменной мукой. Муку берут деревянным черпаком и всыпают в первый туес, взбалтывают особой палкой с круглой дощечкой на конце, он предназначен для Порчи Кана.

После туеса Адаму замешивают без молитв пятый туес. Конок предназначается для самого кама, готовящегося в далекое путешествие к Адаму. На пути в случае опасности кам брагой из своего туеса угощает духов, сопровождающих его; то же делает кам по окончании камла-

ния, когда приходит домой. В конке – путевой запас кама, который он держит у себя на боку, от чего и туес получил свое название (боковой, близкий туес).

Действие 3. Кропление вином духов.

Байтал-башчи (помощник шамана, по-русски: вожатый байтала – жертвенного животного) наполняет деревянную чашу водкой (аракы) и подносит шаману, который становится на середину избы. Делает кропление ложкой своим духам.

Действие 4.

Это действие совершается во дворе дома над быком, предназначенным в жертву. Быка ставят недалеко от дверей дома головой на запад. Его держит «байтал-башчи» на веревке, привязанной к рогам или шее. Кам выходит из избы, держа в левой руке «чагылткы» (палочку со шкурками), в правой – черемуховый прутик, отломленный от чагылткы, и становится позади быка. Махая чагылткы и прутиком, кам напряженным голосом поет.

Действие 5.

Ведут байтала в поле, к жертвеннику. Впереди идет байтал-башчи и ведет на веревке быка, а за ним идут участники камлания. Жертвенник устраивается в черемуховой роще, недалеко от реки. Он состоит из кучки черемуховых сучьев, высота его одна сажень, ширина – около полутора сажений. Комли сучьев кладутся на восточную сторону, поэтому кучка получается продолговатой формы. Кучка эта называется «обоо» или «обого», на южной стороне выкапывается продолговатая канава, сверх которой ставят котлы для варки мяса байтала.

Действие 6. Подношение Адаму байтала.

Действие это совершается так. К ногам быка привязывают по одной веревке и растягивают ноги в стороны, чтобы уронить быка на землю брюхом. На спину, наперевес, кладут черемуховую жердь, которой придавливают спину. Байтал-башчи при помощи палки и веревки закручивает быку морду. Бык через 5 или 8 минут издыхает.

Действие 7.

Делает «курый». Кам берет в руки пшеничную булку и, кружа ею над головой и спиной, говорит.

Затем он ломает хлеб и частицу дает хозяйну. Хозяин благоговейно ест ее. Кам дает частицы хлеба членам семейства хозяина и говорит дальше.

Действие 8. Снятие шкуры и варка мяса.

Шкура с жертвенного животного снимается обычным способом. Кровь сливается в ведро. Мясо разрезается по суставам, раскладывается в четыре казана и варится. В первом казане варятся почетные части туши – уча (филей), тож (грудинка), ан соок (тазовые кости). Во втором казане – оок сооктор (мелкие кости): арха (позвонки), кабырга (ребра), и в третьем казане варятся карта (тонкая кишка), карын (брюшина), ичеге (тонкая кишка, наполненная кровью). Кровь предварительно очищают от частиц перепонки посредством пучка прутьев, которыми мешают кровь в ведре.

При распределении мяса жертвенного животного по казанам отрезаются маленькие частицы мяса и даются детям – мальчикам. Дети нанизывают мясо на палочки и бросают в какой-нибудь котел вариться. Впоследствии за общим обедом мальчики едят мясо своего приготовления, а часть уносят домой.

Бедренное мясо («пуд эди») не варят: его нанизывают на палку и отдают каму в качестве гостинца. Части сердца (сюрэх), легкого (опок), головное мясо (иш эди) тоже не варятся, а отдаются помощнику кама байтал-башчи. Кожа, голова с горлом, части сердца, легкого, печени, голень сжигаются на обоо.

После варения мясо кладется на плетень из черемуховых прутьев, называемый «ширез» (стол), и ставится около обоо. От каждого сваренного куска мяса отрезаются части и крошатся на мелкие кусочки. Кусочки эти соединяют потом с наваром и выливают в сельницу [Архив МАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 150].

Любопытно, что в телеутском эпосе Адам – эпический герой, живущий как вполне обычный скотовод. В древнее время недалеко друг от друга жили Оо-Кан (отец сомов) и Адам. Каждый из них имел богатые владения с обширными пастбищами для скота. У них было три сына: Соо-Кан, Темир-Кан и Мордок-Кан.

Адам и Оо-Кан сначала жили дружно и согласно между собой и ездили друг к другу в гости. Но мир их был нарушен хитрым человеком, который, являясь к Адаму, дурно говорил об Оо Кане, а Оо Кану – об Адаме. Адам за бесславие решил отомстить соседу. Он натянул лук, спустил стрелу, которая Оо Кану и его сыновьям пронзила горло [Там же].

Обсуждение проблемы

В иудаизме Мидраш Берешит Раба изображает Адама в виде гиганта, заполняющего собою весь мир, сидящего на троне. В раввинистической литературе Адам так же величественен, как Бог. Славянский переводной апокриф, основанный на еврейских преданиях, изображает Адама после его смерти, как привратника потустороннего мира, сидящего на троне.

По хакасским верованиям, мифический глава всех шаманов, главный повелитель духов и великий патриарх в шаманской речи носит имя «Адам-хан», т.е. «Мой Отец – Повелитель». Идентичное наименование «Адам-хан» (Адам-хам) применяли для главы шаманов или для первого шамана все тюрки Саяно-Алтая (алтайцы, шорцы, телеуты и тувинцы). В сагайской части Хонгорая для него существовало дополнительное обозначение «*Адам Хаара Кос хан*» (т.е. 'Ясновидящий'), а среди качинцев и кызыльцев – «*Адам Хараты хан*» [Бутанаев, 2006, с. 68]. Прежде всего, Адам – был родоначальником людей и занимал самое почетное место среди всех духов, чьим местообитанием считалась земля [Функ, 2005, с. 137].

Согласно хакасской мифологии, дворец Адам-хана расположен в устье девяти морей, над которым натянут волосяной мост. Далее следует эпизод о сдвигавшихся и раздвигавшихся скалах, между которыми надо было проскочить, иначе гибель была неизбежной [Бутанаев, 2006, с. 72].

В хакасском шаманизме нет различия между мифическим боссом всех шаманов «Адам-ханом» и главою духов Нижнего мира – Ирлик-ханом. Аналогичное совмещение образов встречается и на Алтае. У телеутов Эрлик-хан чаще назывался «Адам-хан» и пользовался особым почитанием. Северные алтайцы и шорцы в своих призывах Эрлик-хана величали или «Эрлик-Ада», или «Адам» [Там же, с. 69].

По выражению Д.А. Функа: «Фигура Адама одна из ярчайших и вместе с тем самых загадочных в телеутском шаманизме» [Функ, 2005, с. 138]. В работе Н.П. Дыренковой написано, что Эрлика чаще называли Адам. В тексте камлания Адаму, записанном А.В. Анохиным, слово «Эрлик» на 272 стр. встречается семь раз. В связи с этим Д.А. Функ приходит к выводу, что имя Адам имеет эпитет *эрлик* – 'могучий, мужественный, достигший зрелости' [Там же, с. 139].

Исследуя образ Адама в представлениях телеутов, Д.А. Функ выяснил, что Адам – житель космического «рая», «планеты» *чын-т'ер*, а не подземного мира [Там же]. Образ Адама мог проникнуть в тюркскую мифологию из распространенных в Центральной Азии в средневековье манихейской веры и христианства несторианского толка. Об этом говорит и отсутствие образа Адама в мифологии тюркских народов за пределами Саяно-Алтайского региона. Вероятно, этот образ проник в мифологию саяно-алтайских этносов в период существования Кыргызского каганата, где манихейство являлось государственной религией. Об этом свидетельствует и представление, поселяющее Адама в храм или дворец [Бутанаев, 2006, с. 70–71].

Естественно, можно высказать версию о проникновении образа Адама в мифологию тюрков Южной Сибири в результате деятельности христианских миссионеров. Так, Абу-Бекр в XIV в. записал тюркскую легенду о первом человеке, относящуюся как минимум к IX в. Согласно этой легенде, на границе Китая, на горе Кара Таг вода заливала пещеру и наносила глину, которая заполняла яму в форме человека. Пещера служит маткой, и через девять месяцев под влиянием солнечного тепла вылепленное (слепок) оживает: это первый человек по имени Ай-Атам. На протяжении 40 лет он живет один, затем новое наводнение порождает несовершенное существо – женщину [Функ, 2005, с. 141].

Вопросы вызывает совпадение имени отца – ата и мужчины – адам в тюркских языках с названием библейского Адама. Следует отметить, что другие персонажи христианского культа отсутствуют в саяно-алтайской мифологии. Вероятно, культ Адама мог быть принесен иудеями, где существует культ патриархов. В иудейской традиции имеется миф о сотворении человека из бездушной материи – голема. Схожие с библейскими сюжеты о Всемирном потопе, скитании предков народа по пустыне и т.д. встречаются в фольклоре многих тюркских народов [Ксенофонов, 1977]. Можно ли связывать появление образа героя – первопредка Адама, в тюркской мифологии с популярными ныне версиями о связи лексики тюркских языков с шумерским языком Передней Азии [Аманжолов, 2003] или генезисе тюркской семьи языков от банановых языков Месопотамии?

В аккадской версии происхождения человека Бог Мардук создал человека из глины, смешанной с кровью первобытного чудовища Кингу. Подобные сюжеты не редкость для древнетюркских и монгольских сказаний [Артыкбаев, 2012, с. 82].

По словам Д.Д. Фрэзера, происхождение человеческого рода из праха земного представлялось евреям еще более естественным потому, что на их языке слово «земля» («адама») грамматически есть женский род от слова «человек» («адам»). На основании многочисленных свидетельств, обнаруживаемых в вавилонской литературе, можно полагать, что и вавилоняне представляли себе человека созданным из глины [Фрэзер, 1980].

По словам индейцев племени мичоакан (в Мексике), великий бог Тука-пача сделал первого мужчину и первую женщину из глины, но когда они стали купаться в реке, то глина так размокла, что распалась на куски. Тогда бог снова взялся за работу и во избежание новой неудачи сделал людей из пепла, но результат оказался таким же плачевным [Там же]. Таким образом, данный мифологический сюжет очень древний, и вряд ли его стоит связывать с влиянием христианства.

В.Е. Васильев обращает внимание на наличие образа Адама в якутской мифологии. В материалах Г.В. Ксенофонтова 1923 г. приводится сообщение: «... во время *ыһыаха* Эллэя за жбаном сири иһит прятался сам Адам, поэтому в отдельную посуду *матаарчах* для него наливали кумыс» [Васильев, 2012, с. 30–31]. Однако мы не согласны с категоричным утверждением о проникновении сюжета о первочеловеке Адаме в якутскую, тем более в хакасскую и алтайскую мифологию, вместе с принятием православия от русских миссионеров. Эпос о Адам-хане, безусловно, имеет древнее происхождение.

По словам В.Е. Васильева, этнограф А.А. Саввин первым обратился к вопросу о древнем влиянии буддизма на верования предков саха. Он рассмотрел якутский миф о борьбе Бога и Сатаны в сюжете о создании первого человека из глины и злой роли собаки, позволившей Сатане (ср. алтайский Эрлик) вдохнуть душу в тело первочеловека Адама [Васильев, 2002, с. 73–74]. Но нам не очень понятно, какая связь суще-

ствует между буддизмом и авраамическими религиями Передней Азии?

Г.В. Ксенофонтов связывал сходство библейских мифов с сюжетами якутских легенд с пастушеской эпохой в истории тюркских народов [1929а, б]. Прекрасно зная сюжеты из Библии, он устанавливал связь между фольклором древних евреев и саха. Генезис христианской веры он связывал с шаманизмом. Хождение по водам, исцеление бесноватых и других больных, чудесный улов рыбы, укрощение бури, воскресение после смерти – все эти Христовы чудеса можно сравнить с деяниями, описываемыми в шаманском фольклоре. Действительно, многие исследователи до и после Г.В. Ксенофонтова обращали внимание на сходство инициации шаманов с легендами об Иисусе – Сыне Божьем, в частности, польский исследователь М. Педарски, читавший публичные лекции на эту тему в католическом костеле г. Якутска.

Еще в книге «Золотая ветвь» Д.Д. Фрэзер находил многочисленные параллели между древними культами и ранним христианством [Фрэзер, 1980]. По его мысли, если в древности господствовала магия, то шаманов можно считать магами. На смену магии пришла религия. Третьей стадией духовного развития человечества является наука.

Безусловно, изучение Библии грамотными саха в XIX – начале XX вв. способствовало проникновению ветхозаветных мифов в исторический фольклор народа саха. Г.В. Ксенофонтов в свое время отметил потрясающее сходство между библейскими сюжетами и «Эллэядой» и считал это вполне достаточным для «уразумения немудрящей истины о полном тождестве библейского рассказа об Иакове и якутской легенды об Эллэе». Прежде всего, еврейский Иаков тоже имеет престарелого и слепого отца, как и Эллэй якутских сказаний. Затем, как и Эллэй, Иаков спасается бегством на чужбину. После этого Иаков, как и Эллэй, служит у богатого Лавана пастухом его стад. У Лавана, как у Омогоя, есть две дочери, из которых Рахиль – красавица, а Лия – некрасивая и к тому же у нее болели глаза, как у одной из дочерей Омогоя [Ксенофонтов. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 80. Л. 80].

Влияние христианского мировоззрения на становление мифологии и эпоса саха, творче-

ства дореволюционных и советских писателей первого поколения совершенно не изучено. Лексика якутского языка в дореволюционный период была заполнена словами церковного содержания, это можно увидеть в труде А.Е. Кулаковского [1979].

В китайских летописях сохранились сведения о поклонении Иисусу жителей страны Кангюй на территории современного Казахстана. Кангюйцы были этнически близки к ираноязычным сакам. По учению небесного господина (тянь-чжу-цзяо, или христианства), каждый седьмой день они поклоняются Йесу (Иисус). Небесное дитя и есть Йесу. Согласно этому узнали, что старинная страна Кангюй давно уже веровала и служила Йесу. Однако теперь поклонение учению небесного господина не ограничивается только седьмым месяцем [Кюннер, 1961, с. 310–318].

Поэтому следует признать, что проникновение библейских сюжетов в фольклор тюркских народов началось еще в глубокой древности. Во многом этому способствовало сходство кочевого образа жизни древних семитских и тюркских племен.

Заключение. Жертвоприношение в честь Адам-хана состоит из шаманского камлания и забоя жертвенного животного – быка, раздачи его мяса. Дары духам состоят из земледельческой и скотоводческой пищи. Описывается процесс снятия шкуры с жертвенного животного и варки внутренностей животных. Вино – как священная пища, подается духам с молитвами (алгышом).

Адам-хан – житель космического рая, первопродок человечества, является покровителем шаманов. Возможно, в этом образе отразилась реальная история возникновения человечества, связанная с космосом, с мировой душой (философия В.Ф. Гегеля).

Вербальный код выполняет важную роль в обрядовой традиции, как один из основных магических элементов проводимых обрядов. Вербальный код обряда в первую очередь имеет тесную связь с акциональными действиями, а также с пространственным, временным, персонажным, пищевым, игровым, музыкальным, предметным, звуковым кодами. Звуковой код обряда состоит из молитв (алгыш); пищевой код – из жертвоприношения мясом; игровой код обряда пред-

ставлен ловлей «бура» – коня, на котором ездит дух. Персональный код определяется функцией и ролью участников в совершении обряда разделения мяса. Роль кама и байтала-башчи в проведении обряда имеет определяющее значение. Акциональный компонент состоит из определенных видов ритуальных действий, совершаемых участниками обряда. Выделены устойчивые виды действий кама и других участников ритуала при камлании, очищении, разделении мяса и подношении к жертвеннику.

Следует отметить близость обряда жертвоприношения, описанного в молении Адам-хану, с еврейским жертвоприношением Богу Яхве. Сущность жертвы всеожжения состояла в том, что за представлением жертвенного животного, возложением рук, закланием и кроплением кровью следовало полное сожжение жертвы. Священник разрезал тушу животного на куски и, возложив на жертвенник, сжигал её. Таким образом, жертва в дыму и пламени полностью возносилась к Богу, и все её части сгорали. Жертвователю ничего не оставлял себе, все принадлежало Богу (ср.: Книга Бытия. 22:2).

Следует отметить сходство мифологии скотоводческих народов. По мысли древних скотоводов, жертва скотом могла умиловить Бога. Жертвуемый Богу скот обозначал связь человека с космосом, кушая мясо жертвуемого животного, человек прикасался к телу Божества, сливался в единении с космосом.

Литература

Аманжолов С. Генезис тюркского рунического алфавита. – Алма-Ата: Мектеп, 2003. – 353 с.

Артыкбаев Ж.О. Казахское шежере: источник и концепция истории Великой степи. – Астана: Алтан Китап, 2012. – 495 с.

Архив МАЭ (Кунсткамера). РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 150 // «Мистерия Адаму». Статья. Машинопись. (1932–1940). 352 л.

Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2006. – 254 с.

Васильев В.Е. Элементы буддизма в верованиях якутов // Россия – Азия: проблемы интерпретации текстов русской и восточных культур: матер. междунар. науч. конф. / отв. ред. В.В. Башкеева. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2002. – С. 73–75.

Васильев В.Е. Неопубликованные материалы Г.В. Ксенофонтова о «белом» шаманстве народа саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – № 1 (4). – С. 28–34.

Ксенофонтов Г.В. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 80.

Ксенофонтов Г.В. Пастушеский быт и мифологические воззрения классического Востока. – Иркутск, 1929а. – 44 с.

Ксенофонтов Г.В. Хрестес. Шаманизм и христианство. – Иркутск, 1929б. – 134 с.

Ксенофонтов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск: Наука, 1977. – 245 с.

Кулаковский А.Е. Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий) / А.Е. Кулаковский // Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – С. 316–378.

Кюннер И.В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 391 с.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.

Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. – М.: Наука, 2005. – 400 с.

V.V. Ushnitsky

Mysteries of Adam Khan: Sacrifice in Honor of the First-Born of Mankind

In this paper is used the complex approach that includes systematic, structurally-semantic, descriptive, structurally-semiotic, comparative-historical, historical-typological, statistical methods of research which allowed to consider folklore and ritual in close interrelation as an inseparable complex of traditional Teleuts culture.

For the first time, an article by the Russian ethnographer A.V. Anokhin “Mystery of Adam-Khan”, stored in the archive of the MAE RAS (Kunstkamera), is introduced into the scientific circulation. This article is devoted to the analysis of the Teleut epos “Praying to Adam-khan.” The image of the first man Adam in Teleut mythology is very ancient. According to the researchers, Adam Khan in the mythology of the peoples of Sayano-Altai is associated with the image of the Divine Erlik.

The time of appearance of the character Adam Khan in Turkic mythology raises questions. Even among the ancient Turks, the progenitor Adam-khan was recorded. Perhaps the appearance of the first-born ancestor with this name in the ancient Turkic mythology is associated with the dogma of the missionaries of the Manichaeism, Nestorian religion or the influence of Judaism.

The sacrifice in honor of Adam Khan consists of shamanic ritual and slaughter of the sacrificial animal – bull, distribution of its meat. Gifts to the spirits consist of agricultural and pastoral food. It describes the skinning of the sacrificial animal and the cooking of the entrails of the animals. Wine is like a sacred food, served to the spirits with prayers (algys).

Adam Khan is a resident of the cosmic Paradise, the first-born of mankind, is the patron Saint of shamans. Perhaps this image reflected the real history of mankind, associated with the cosmos, with the world soul (Hegel's philosophy).

Keywords: epic, mythology, Ethnography, first Man, Teleuts, shamanism, Adam Khan, archival sources, sacrifice.

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.02.
УДК 398.3(571.56)

К генезису культа кузнецов, шаманов и воинов: триада сакральной власти

В статье рассматривается генезис института сакральной власти лиц жреческого сословия, начиная ориентировочно с эпохи неолита и палеометалла, кончая поздним средневековьем. Этот процесс был частично прерван, а затем официально ликвидирован в ходе восточной экспансии России и последовавшей за ней христианизации аборигенов Сибири, в том числе и саха. В трансформированном, усечённом виде жрецы старых культов существовали в царскую эпоху, а в форме пережитков встречались вплоть до XX в. Этнографические материалы советской эпохи показывают, что, несмотря на диктатуру, потомки сохранили добрую память о предках-шаманах и других лицах, близких по роду занятий к шаманству и народному целительству. В силу устойчивости архетипов и этикетных норм по отношению к предкам, наделённым особым даром в любой сфере творчества, удаётся сделать реконструкцию сакральной триады власти кузнецов, шаманов и воинов. Установлено, что воины-колдуны признавали силу кузнецов-магов (*дархаттар*), наследственно перенявших функции жриц-горшечниц. Миф о том, что «корень» нижних кузнецов был более первичным, чем «корень» верхних кузнецов, проливает свет на генезис сакральной власти кузнецов и воинов. Божественная чета состояла из союза кузнеца и горшечницы. В этом коде скрывается ключ сакральной власти Эллэй боотура, в одном лице воплощавшего сакрального жреца, гончара, кузнеца и воина.

Ключевые слова: сакральная власть, кузнецы, гончары, шаманы, воины, вожди, жрецы, культы, тотемы, оружие, тенгризм, шаманизм.

Мифы и предания, в силу устойчивости традиций, сохраняли архетипы образов и сюжетов о происхождении культа кузнецов, шаманов и воинов саха. В народном сознании сложилась своеобразная иерархическая лестница сакральных каст, представители которых наделялись магической силой. Могущество мастеров определялось древностью родословия их предков. Порой эти традиционные представления становились причиной поражения легендарных героев, которые не признавали силу и старшинство «корней» своих профессиональных соперников.

О трагической развязке борьбы воинов с кузнецом повествуется в преданиях Г.В. Ксенофонтова [1992а, с. 272–276], записанных в Нохойтском наслеге Усть-Янского улуса. Так, к кузнецу Дэлгэр уус прибыли два *хоһууна*. Старший спрашивает: «Скажи мне, ... что по своему корню и происхождению будет старше – кузнечное искусство или наше – витязей?». Не получив ответа, воин ударил своим *батасом* по наковальне. *Батас* вошел в неё на четыре пальца вглубь

и засел так крепко, что сам воин не смог его вытащить. Кузнец напильником протёр наковальню с обеих сторон *батаса* и вытащил его, не повредив клинка. Витязь осмотрел лезвие и сказал: «Оказывается, по своему корню кузнецы должны быть старше витязей». Воины ушли, заказав кузнецу выковать нож особой закалки. В начале зимы они снова явились. Кузнец передал им нож, выкованный из 30 лезвий ножей. Старший витязь, положив на колени стегно оленя, резанул ножом. Лезвие, перерубив мерзлое мясо и колени *хоһууна*, врезалось в брус нары. Увидев это, младший бросился к выходу, но кузнец своим молотом раздробил его надколенную чашу. Старик тут же убил обоих воинов.

В этом предании прослеживается основная идея: кузнец сильнее воина. Неслучайно северный витязь решил испытать именно наковальню. Своим ударом он бросил вызов духам кузнечного ремесла. Примечательно, что второй раз воины пришли к кузнецу в пору первого снега: как раз в это время реки покрывались

льдом и начинались военные набеги между родами. Поэтому сказители добавили сюжет: прежде, чем появиться в чуме старика, витязи убивают его сына-промысловика. Кузнец, расправившись с ними, совершает акт кровной мести. Примечательно, что имя *Дэлгэр* в переводе с монгольского означает 'полный', 'цельный', 'широкий' [МКТ, 1984, с. 210], а имя его старухи *Күтүр Кыыс* иначе может звучать как *Күбэ Кыыс* («Скупая Дева»). При этом выражение *күбэ туолуу / толору ый* 'полнолуние' [Пекарский, 1958, стб. 1275] объясняет, почему к старику 30 сородичей пришли на помощь через 7 дней. На нашу догадку о полноте силы старого кузнеца указывает этноним *нохойт*, переводимый с монгольского как 'собаки'.

Сюжет изготовления оружия особой закалки, от которого впоследствии погибал сам заказчик, существует и в других преданиях саха. Но в них пеший воин-охотник превращается в родоначальника, а кузнец – в старого шамана. Так, в историко-мифологической легенде шаман Чачыгыр Таас противостоит богачу Улуу Куданса. Этот самодур заставляет шамана спуститься вниз к божеству кузнечного ремесла и заказать ему меч особой прочности. Шаман исполняет приказ хозяина и вручает оружие, выкованное самими духами-кузнецами. Но роковой меч однажды срывается со столба и отсекает голову своему хозяину.

Здесь интересно описание путешествия шамана к божеству кузнечного ремесла. Для того, чтобы добраться до места, где жил Кытай Бахсыылай, шаман Чачыгыр Таас проходит через расплавленное серебряное море *көмүс байбал*, а затем через медное море *алтан байбал*. При этом он просил духов-хозяев морей убавить огненный жар и пропустить его к назначенному месту. В своей песне Чачыгыр Таас упоминал, что во время посвящения в шаманы духи-предки спускали его к «корню» кузнецов [Слепцов, 1904, л. 182–184].

Очевидно, своё имя Чачыгыр Таас (ср. с *чачы таас* 'камень-брус') шаман получил от божества кузнецов Кыдай Бахсы. Обращаясь к духам Нижнего мира, Чачыгыр Таас жалуется, что выполняет волю своего грозного родоначальника. Следовательно, оскорблённые духи кузнечного ремесла обязаны были защитить униженного шамана и покарать богача. По сути, Куданса по-

гиб, поставив себя выше божеств. В легенде известный мотив «кузнец сильнее шамана» [Алексеев, 1975, с. 103–105] трансформировался в мотив «шаман сильнее вождя».

При прочтении текстов произведения «Улуу Куданса», оставленных П.В. Слепцовым и П.А. Ойунским, заметно, что второй вариант сильно обогащён образами из олонхо. Так, поэт красочно развернул путешествие шамана в Нижний мир в виде железной рыбы *тимир дьирбинэй*, а затем зверя смерти *олуу кэбэй кыыл* [Ойунский, 1958, с. 81]. Эта часть у П.В. Слепцова отсутствует, но обнаруживается в северном эпосе, в котором герой ездит за доспехом *куйах* к Кытай Бахсы, приняв вид предродового пузыря *уу кэбэй кыыл* [Слепцов, 1994, с. 70, 127]. При этом слово *кэбэй* 'выделения при рождении детей, телят или жеребят' (ср. *уоһах*) [Пекарский, 1958, стб. 1005] показывает нераздельность животного-человеческой массы, в которой звери были «людьми» [Костюхин, 1987, с. 27]. Белый пузырь или жёлтое молозиво *уоһах* напоминают саван умершего героя.

Пётр Вонифатьевич создал свой текст на 25 лет раньше новой революционной версии, потому в нём сохранились исчезнувшие черты. Так, кузнецы отказывают Чачыгыр Таасу в просьбе выковать саблю *сымарсыан*. Их изделия не предназначались для людей, а сами они выступают творцами *айыы* кузнечных «корней» в Верхнем и Среднем мирах [Слепцов, 1904, л. 184]. Отсюда ясно, что центры кузнечества существовали в трёх мирах. П.А. Ойунский изменил смысл текста, заложив в уста духов *ус бодоһот уустар* слова о том, что они посвящали в кузнецы людей трёх племён *айыы* [Ойунский, 1958, с. 82]. Автор дал образ дерева *кэрэх*: на вершине великого холма с искристой россыпью железа на склоне растёт ветвистая величавая лиственница *арбах мутуктаах аар тиит*. На ней повесили шкуру буро-чёрного быка с солнцем на лбу. И вечно с ветвей будет капать жирная пища *арыы-сыа* [Там же, с. 83].

Здесь шаман-дерево *арбах аар тиит* прямо ассоциируется с Мировым деревом, а жир с маслом – с жёлтым изобилием *илгэ*. Примечательно, что сабля *кылыс* под названием *сымансыан* нигде больше не встречается, поэтому его уместно сравнить с як. *сыман* 'полный, толстый'; *сымараат (таас)* – неизвестное слово,

‘твёрдый камень’ [Пекарский, 1959, стб. 2455–2456]. Эта трактовка сходится с именем *Чачыгыр Таас*, ибо фетиш из камня обладал магическим свойством.

Ближние этимологические параллели термина *сымарсын* ‘меч, клинок’ находим в монгольском языке: *сум* ‘стрела’, *суман* ‘отряд’, ‘рота’ [МКТ, 1984, с. 423]. Если семантически соединить слова *сыман* и *суман*, то получим образ крепкого войска латников. Меч *батас* напоминает имя известного хана Бату или Батый-хана.

В фольклоре народов мира в течение многих тысячелетий центральной фигурой был колдун. Тема «шаман сильнее воина» могла родиться в период перехода от шаманской идеологии к идеологии воинской. Переходный период создаёт новый тип героя: полуколдуна-полувоина. Так, в эпосе саха герой Эр Соготох убивает быка и приставляет его глаза, нос и уши к своим глазам, носу и ушам [Абаев, 1994, с. 11–18]. Данный сюжет даёт яркий образ перевоплощенного Одинокого героя.

В этом свете слова *бухатыыр*, *бабаатур* целесообразно возвести к тюрк. *буха* ‘бык-производитель’. По Г.В. Ксенофонтову, священный бык предшествовал коню, и эта замечательная мысль приводит к теме генезиса небесных кузнецов. Во время поездки по Колыме С.И. Боло записал со слов 71-летнего хангалаского сказителя Н.С. Гуляева уникальное сведение: «Внизу: Буор Батаа хаан уус с половинчатой наковальной и молотком.

Наверху: Барылы Бахсы уус – золотая наковальня, серебряный молоток, с кувалдой с орланом *барыллыа*, с молотком с птицей *өксөкү*, с полоской-штампом *туолханчы* с чирком. *Туолханчы – чуолбан*. Принимающий в жертву шейный жир *саал* с затылка чисто рыжего коня *чыскыл улаан*, имеющий подпорку сверху и снизу “корень” Уус-хаана» [Боло, 1940а, л. 26].

Обзор сведений даёт понять, что Барылы Бахсы был связан с культом орла и принимал в жертву белого или рыжего коня, а Буор Батаа – с культом бурой земли, и ему отдавали быка бурой масти с круглым пятном на лбу. Эпоним *Батаа* имеет монгольские параллели: *бату* (*бату бекі*) ‘крепкий’, ‘твёрдый’, ‘прочный’, ‘надёжный’, ‘верный’; *батутай* (*батад*) ‘крепко’ [МРС, 1937, с. 226, 227]; *бата* (*бата бүхэ / бэхи*) ‘твёрдый’, ‘крепкий’, ‘прочный’ [БМРС, 1951, с. 97].

При этом монг. *батад* близко к як. *батас* ‘меч’, а *бэхи* – к старой форме *бухатыыраттар* ‘богатыри’. Вспомним слово *сымансыан*, означающее ‘крепкий стальной клинок’. В орде Чингис-хана белые старцы *беки* служили жрецами. Значит, им принадлежала честь открытия имперского праздника Неба. Видимо, бурят-монгольские слова *тайлга тайха* ‘приносить жертву’, ‘устраивать тайлган’ [Там же, с. 424] этимологически связаны с тюрк. *тегир / тейир* ‘небо’ и як. *Тэйэр Хайа* ‘Гора Неба’. Священная гора Тэйэр Хайа иначе могла называться *Тэйил Хайа* ‘Небесная дальняя гора’.

В поздних преданиях тотемный мотив исчезает. Согласно преданию нахаринцев, их предок Бүгүэйх имел сына Эгдэгэс ууса. Достигнув средних лет, Эгдэгэс стал знаменитым кузнецом. В эту пору Дыгын был молодым воином. Однажды он решил встретиться с кузнецом. Когда Дыгын подъехал к дому соперника, кузнец вышел навстречу и, натянув лук сразу с пятью стрелами, предупредил: «Не подходи, добра не увидишь. Прострелю тебя в пяти местах сразу». Дыгын, услышав угрозу, повернул обратно [Степанов, 1944, л. 17–18]. В этом предании нахаринский кузнец Эгдэгэс уус устрашает Дыгына своей воинской выучкой. Однако Дыгын отказался от поединка потому, что он прекрасно понимал, что «корень» кузнечного ремесла древнее «корня» воинского искусства.

Такие же представления существовали у кочевников. Средневековые монголы считали Чингис-хана первым кузнецом. По словам Рубрука, во время ежегодных праздников монгольский хан первым ударял молотом по наковальне, затем это священное действие совершали все военачальники войск [Косарев, 1991, с. 190]. Вожди степных племён были воинами. В этом отношении даже сам Чингис-хан не выделялся из общей среды. Наделение образа Чингис-хана титулом «титана-кузнеца» показывает, что в его империи кузнецы *дархаты* начинали работу после ритуала великого хана. В период создания Монгольского государства жреческая власть была полностью передана военной аристократии.

В исторических преданиях саха предводитель хангаласцев упоминается под именем Тыгын Дархан. Как считал Ф.Ф. Васильев, в древнем обществе наследственный титул *дархан* (с монг. ‘кузнец’) носили прямые потомки Элэя.

Лица, не являвшиеся воинами или военачальниками, не имели права носить такой титул. При этом Ф.Ф. Васильев [1995, с. 48–50, 178] отмечал бесспорную связь триады «воин – шаман – кузнец». По его мнению, культ кузнеца сыграл огромную роль в становлении шаманизма [Там же, с. 181].

А.П. Окладников, ссылаясь на сведения А.С. Порядина, отмечал, что в Мегинском улусе наследственный титул *дархан* встречался вплоть до крещения. По преданию мальджегарцев, генеалогия Тыгына строилась по следующей линии: Эллай – Чыкын – Дойдуну дархан – Хомуян дархан – Таас-Табылы – Онуйэ баай – Уордаах Кюннэй – Чыкын Кангалас – Чыкын Мурман (он же Тыгын Дархан). Далее учёный приводит интересный отрывок: «шаман Таас-Табылы не был воином и, тем более, военачальником. Он не имел по этой причине наименования *дархана*. Сын Таас-Табылы, Онуйэ баай был богаче отца, умнее и сильнее, но всё-таки не был военачальником и *дарханом*» [Окладников, 1947, с. 106–107].

Здесь совершенно ясно говорится, что Таас-Табылы не имел звания *дархана* не потому, что он был шаманом, а потому, что он не исполнял роль военачальника. Та же участь постигла и его сына. Значит, звание «кузнеца» передавалось по наследству тому воину, кто мог достойно носить оружие, на острие которого держалась эта власть. В пользу мнения о том, что шаманы могли носить титул *дархана*, говорит тот факт, что сам Эллай являлся первым кузнецом и шаманом. В условиях межклановых распрей некоторые шаманы становились военачальниками. По преданиям, таковым являлся ботулинский вождь Кэрэкээн ойуун. Звание *дархана* мог носить мегинский шаман-воин Быйаг Төнгүлү. В «Эллэйаде» он встречается как светлый шаман Быйаннаах Тэ-гилгэ [Ксенофонтов, 1977, с. 125].

С.И. Боло записал миф о хоптогинском шамане Ойуун Уол, который имел плащ с серебряными деталями [Боло, 1994, с. 225]. На тотемное начало названия Хоптогинского наслега указывает слово *хопто* ‘чайка, мартын’. Серебряные украшения должны были заменять белые перья птицы. Здесь светлый плащ шамана сопоставим с серебряной бронёй богатыря *айыы*. По данным А.А. Саввина [1935–1941, л. 7–9], железные детали *долуо тимирэ, дабы-*

дал тимирэ, күһэнэ, күн служили в качестве доспеха *куйах*. С их помощью шаман отражал удары духов, вооружённых копьями и шарами из камня. Броню *куяк* носили и шаманы Тувы [Вайнштейн, 1991, с. 268]. По словам И.А. Суздадова (*айыы ойууна Сапалаай*), священная шапка из шкуры с головы жеребенка вместе с хохолком, ушами и гривой называлась шлемом *дуулаба* [Ойуун..., 1993, с. 11].

С появлением металлических фетишей костюм шамана мог утратить тотемистические черты и превратиться в доспех воина. Мифические сцены борьбы шаманок-птиц постепенно могли вытесняться сюжетами сражений богатырей эпоса. Души усопших воинов отправлялись в *дыабын* на своих боевых конях. Так могли рождаться образы крылатых и длинногривых коней.

В сложении образов богатырей *айыы* важную роль могла сыграть идеология женского шаманства. В ранних эпосах сестры-близнецы Уолумар и Айгыр являлись воительницами. На фоне этих героинь образы богатырей *айыы* казались бледными и слабыми. Причину «слабости» мужчин следует искать в особенностях матрилокального общества, в котором обряды посвящения юношей совершались жрицами. Так, в олонхо богатырь направляется на восток и прибывает к местожительству 8 шаманок – дочерей богини Ийиэхсит. Эти шаманки дают ему три имени для того, чтобы он мог путешествовать по трём мирам. Затем направляют к корню трёх кузнецов. Там богатыря расплавляют в горне и закаляют в «воде смерти» [Ойунский, 1930, с. 17–18]. По сути, воин проходит инициацию шамана. Глагол *уһуйуу* ‘посвящение’ происходит от як. *уһаарыы* ‘расплавлять’.

О первичности инициации шаманок говорит обряд посвящения юношей в охотники, проводимый тремя почётными старухами. Они шили колчаны, укладывали стрелы и проверяли снаряжение будущих охотников. По итогам испытаний старухи опоясывали лучшего стрелка колчаном с 9-ю стрелами, среднего – с 7-ю, а слабого – с 3-мя стрелами. Затем они надевали на большой палец левой руки роговую или медную пластину *дансы*, предохраняющую руку от удара тетивы [Антонов, 1961, с. 23–25]. Этот обряд посвящения старухи могли повторить трижды.

С.И. Боло записал схожее сведение о колымских охотниках. Байанай назначал лучшему охотнику 9 стрел (три стрелы *бойуопка*, три стрелы *кустук*, три стрелы *сулус*), среднему – 7 стрел (одну стрелу *бойуопка*, три стрелы *кустук*, три стрелы *сулус*), а слабому – 5 (две стрелы *кустук* и три стрелы *сулус*). Первые стрелы *бойуопка* имели оперения из маховых перьев орла – хотобой. Ношение охотниками боевых стрел *ох* зависело от решения Байаная («*Былыргы дьон булчуттар обу сүгүүлэрэ 9–7–5 буолуута Байанай ыйаабынан буолара үһү*») [Боло, 1940б, л. 10–11]. Интересно, что один из девяти Байанаев назывался Кустук тарбах («палец *Кустук*») [Пекарский, 1959, стб. 1260]. Значит, десятой «стрелой» мог быть сам охотник, воображаемый как *хотокоон* – перовидная пальма *батыйа* (ср. *хотобой* ‘железное маховое перо на руках шамана’ с бур. *хотобо*, монг. *кутуба* ‘ножик’) [Там же, стб. 3529, 3533].

По представлениям саха, удаганка по своему достоинству стояла выше шамана [Боло, 1994, с. 141; Ойунский, 1930, с. 14]. Истоки женского шаманства прослеживаются в гончарном ремесле. Обжиг горшков допускает, что этим ремеслом занимались хранительницы очага. П.А. Ойунский писал: «...священен труд горшечника, как труд, производящий огнеупорную посуду. При этом неизвестно, являются ли представители указанных профессий неприкосновенными. Есть, например, указание, что дух кузнеца тяжелее и сильнее духа шамана, что душа шамана не может съесть душу кузнеца. ...В эпоху “олонхо” труд горшечника, создателя водонепроницаемой и огнеупорной посуды, считается священным. Стук колотушки или лопаты горшечника гулко отдавался по своду нижнего мира, причиняя беспокойство жителям этого мира» [Ойунский, 1962, с. 169, 184].

Сведения о поверьях, связанных с гончарством, собрал А.А. Саввин [1941, л. 23–28, 43]. В старину гончарным ремеслом занимались женщины. Горшечницы обладали силой магии и занимались предсказаниями. «Корни» мастеров по меди, серебру и железу находились на севере. В эту страну шаман попадал, направляясь вниз по реке. «Корень» горшечниц был создан богиней земли, и потому они не боялись даже духа охоты Барыылааха. Лопатки для изготовления горшков назывались *булаайах*. Ими ударяли

по бокам сосуда, подставляя изнутри гладкий камень *таас*. Когда рождался ребенок, родители заказывали новый сосуд. Развал или раскол горшка предвещали скорую смерть ребёнка. Саха верили, что злые духи боятся перевернутого горшка. В случае вражды горшечницы могли погубить кузнеца или шамана. Для этого им нужно было ударить топором крест-накрест по следу соперника. После такого магического действия человек должен был умереть. Звон глиняного горшка должен был напоминать звук большого бубна *тойон дунүр* [Васильев, 2016, с. 19, 21].

Лопатка горшечниц, как и колотушка шамана, называлась *булаайах*. Так как лопатка неотделима от круглого камня, её можно связать с каменной колотушкой *камов* Алтая [Сагалаев, 1992, с. 107–108]. У тюрков Причулымья колотушка шамана называлась *каллак* ‘ложка’ [Там же, с. 41]. Это сходится с мнением Е.С. Новик [1984, с. 87] о том, что «бытовым эквивалентом шаманской колотушки была именно поварёшка». Слово *булаайах* родственно як. *булаа-* ‘размешивать’ и *булуур* ‘мутовка’. Таким образом, древними колотушками являлись лопатки, мутовки и ложки. Предание гласит, что во время рассекания шамана духи черпали кровь колотушкой бубна и давали пить «чёрную воду» источника [Ксенофонтов, 1992б, с. 42, 45].

Женские атрибуты дают основание видеть в глиняном сосуде древний прообраз бубна. Начиная с неолита, люди научились хоронить в глиняных сосудах умерших детей, а позднее и взрослых. В странах Востока такие погребения были распространены от Палестины до Японии. По материалам А.П. Деревянко [1976, с. 206], покойника помещали внутри двух кувшинов, состыкованных венчиками. Древние сосуды имели круглое дно, поэтому вместилища духов принимали форму яйца. Эти горшки-фетиши сопоставимы с бубнами. Логично предположить, что до появления привозной посуды саха применяли вместо бубна глиняный сосуд [Васильев, 1994, с. 83].

С появлением касты кузнецов женщины-жрицы стали терять свою власть над огнём. Укротив стихию огня, кузнецы возлагали на себя жреческие функции. Однако в бронзовом веке жрицы ещё пользовались влиянием. Об этом можно судить по материалам А.М. Сагала-

ева [1984, с. 22]: «В алтайском фольклоре изредка встречаются упоминания о медном бубне *джес тюнгюр*, причём его хозяйкой является старуха-шаманка (*кам-эмеген*), персонаж раннего этапа развития алтайского эпоса».

Сакральная сила фетиша заключалась не только в материале, но и в его форме. Значит, чтобы придать бронзовым котлам магическую силу, кузнецы должны были копировать внешнюю форму круглодонных глиняных сосудов. Вместе с тем они обязаны были перенять ритуалы, связанные с гончарством. Как пишут историки, предшественниками кубка *чороон* являлись сосуды из глины и бронзы [Алексеев, 2015, с. 56–60]. По материалам А.А. Саввина, покровителями кузнецов выступали: Кыырык Тебе, Кыса уус, Чуолган уус, Сорго уус, Кюет-тээнэй уус, Чыскы уус, Кыстык уус, Балта уус, Сизэрэ уус (*ууһу анааччы*), Игийит уус, Кыпты уус, Ыһы уус. Самым старшим среди них считался Аан Түптүйэ [Саввин, 1936–1938, л. 50]. Все духи носили названия инструментов. Отсюда видно, что мастер, обладавший полным набором из 12 инструментов, считался великим кузнецом.

Теоним Түптүйэ указывает, что главным покровителем кузнеца являлся дух предка. Неслучайно плавильные горны, духи которых защищали кузнеца от врагов, повторяли форму глиняных горшков. По традиционному мышлению саха, слияние культов могло произойти следующим образом: предок кузнецов поселился в доме горшечницы и вступил с ней в священный брак. Так, Элэй превратился в первого «горшечника». На вероятность такой версии указывал А. Голан [1994, с. 13], отмечавший, что у племён Западной Африки кузнец и горшечница могли вступать в брак только друг с другом. Это объясняли тем, что супругом богини считался божественный кузнец.

Алтайская шаманка с медным бубном сравнима с японской богиней Амэ-но удзумэ. Она была прародительницей жриц из рода Сарумэ и играла важную роль в мифе о богине солнца Аматэрасу. Оскорблённая Аматэрасу скрывается в пещере и оставляет землю во тьме. Призывая богиню, жрица Амэ-но удзумэ распускает все завязки одежды и в состоянии транса пляшет на перевёрнутом котле. Это вызывает хохот богов, и любопытная Аматэрасу выходит из

грома, освещая землю солнечным светом [Пинус, 1987, с. 66]. Этот сюжет любопытно сопоставить с культом Айыыһыт. По поверьям саха, развязывание всех узлов одежды должно было обеспечить лёгкие роды. Хохот богов соответствует одержимому смеху женщин во время проводов Айыыһыт. Данный обряд проводился после восхода солнца. Перевернутый небесный чан сопоставим с сакральным сосудом *ымыйа чороон*.

Рассматривая предания, можно установить мифологическую картину: «горшечница сильнее кузнеца», «кузнец сильнее шамана», «шаман сильнее воина». Для возвышения власти воину-охотнику нужно было ликвидировать жреческую власть кузнеца. Захватив эту власть, воины превращались в вождей-шаманов с собственным «корнем». Но охотники были зависимы от жриц, и это отражалось в том, что кузнецы боялись могущества шаманок. На смену священному союзу пришлых кузнецов и местных горшечниц пришла молодая каста воинов-шаманов. Превратившись в культурных героев, военные вожди смогли установить культ жреца-царя, являвшегося земным воплощением племенных верховных божеств Вселенной.

Литература и источники

Абаев В.И. Шаман сильнее воина // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Сергея Александровича Токарева. – М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. – С. 11–19.

Алексеев А.Н. О происхождении якутских чоронов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 1 (10). – С. 55–61.

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. – 199 с.

Антонов Н.К. Предание об обряде посвящения в охотники // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Вып. 2. – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – С. 23–25.

БМРС – Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов; под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. – 852 с.

Боло С.И. Записи по верованиям якутов бывшего Колымского улуса. 1940а // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 438. 37 л.

Боло С.И. По грамматическим и лексическим наблюдениям говора II Мятюжского наслега Среднеколымского района. 1940б // Там же. Д. 434. 53 л.

- Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 352 с.
- Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
- Васильев Ф.Ф.* Военное дело якутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1995. – 221 с.
- Васильев В.Е.* Культ божеств айыы древнеарийского происхождения? // Этнос: традиции и современность. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – С. 77–83.
- Васильев В.Е.* Кубок чороон ымыа – символ культа плодородия: генезис и семантика ритуальных сосудов народа саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 3 (16). – С. 16–23.
- Голан А.* Миф и символ. – М.: РУССЛИП, 1994. – 375 с.
- Деревянко А.П.* Приамурье (I тыс. до н.э.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. – 384 с.
- Косарев М.Ф.* Древняя история западной Сибири: человек, природная среда. – М.: Наука, 1991. – 301 с.
- Костюхин Е.А.* Типы и формы животного эпоса. – М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987. – 270 с.
- Ксенофонов Г.В.* Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – М.: Наука, 1977. – 248 с.
- Ксенофонов Г.В.* Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Т. 1, кн. 2. – Якутск: Нац. кн. изд-во РС (Я), 1992а. – 317 с.
- Ксенофонов Г.В.* Шаманизм: Избранные труды: (Публикации 1928–1929 гг.). – Якутск: Творческо-производственная фирма «Север-Юг», 1992б. – 318 с.
- МКТ – Монгол-казах толь / сост. Б. Базылхан. – Улаанбаатар: «Ллгий»; ИЯИЛ АН МНР, 1984. – 887 с.
- МРС – Монгольско-русский словарь (по современной прессе) / сост. К.М. Черемисов, Г.Н. Румянцев; предисл. проф. Н.Н. Поппе. – Л.: Изд-во Ленингр. вост. ин-та, 1937. – 562 с.
- Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. – М.: Наука, 1984. – 304 с.
- Ойунский П.А.* Происхождение религии. – Якутск: Госиздат, 1930. – 27 с.
- Ойунский П.А.* Улуу Куданса // Сочинения. – Т. 2. – Якутск: Кн. изд-во, 1958. – С. 39–86.
- Ойунский П.А.* Якутская сказка (олонхо): её сюжет и содержание // Сочинения. – Т. 7. – Якутск: Кн. изд-во, 1962. – С. 128–204.
- Ойуун. Ойууннар уонна ойуун сизэрин-туомун туһунан кэпсээннэр. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – 56 с.
- Окладников А.П.* Социальный строй предков якутов // Сов. этнография. – 1947. – № 2. – С. 95–121.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т. 1. – 1958; Т. 2. – 1959; Т. 3. – 1959. – 3858 стб.
- Пинус Е.М.* Амагэрасу // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. – 2-е изд. – Т. 1. – М.: Сов. энцикл., 1987. – С. 65–66.
- Саввин А.А.* Шаманизм: Шаманы. 1935–1941 гг. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 64. 123 л.
- Саввин А.А.* Верования якутов: Демонизм. (Юёрдэр). 1936–1938 гг. // Там же. Д. 68. 98 л.
- Саввин А.А.* Гончарное ремесло у якутов. 1941 г. // Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 5. 64 л.
- Сагалаев А.М.* Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск: Наука, 1992. – 176 с.
- Сагалаев А.М.* Мифология и верования алтайцев. Центральноазиатское влияние. – Новосибирск: Наука, 1984. – 121 с.
- Слепцов Д.М.* Көтөр Мулгун: (Биир үйэлээх олонхо). – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1994. – 127 с.
- Слепцов П.В.* Этнографические материалы. 1904 г. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 293. 350 л.
- Степанов П.Т.* Фольклорно-этнографические материалы из I-го Нахаринского наслега Мегино-Кангаласского р-на. 1944 г. // Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 595. 29 л.

V.E. Vasilyev

The Genesis of the cult of blacksmiths, shamans and warriors: the triad of sacred power

The article deals with the genesis of the institute of sacred power of persons of the priestly class, starting approximately from the Neolithic and Paleometal to the Late Middle Ages. This process was partially interrupted, and then officially eliminated during the Eastern expansion of Russia and the subsequent Christianization of the natives of Siberia, including Sakha. In the transformed, truncated form priests of old cults existed in the Tsarist Era, and in the form of remnants met up to the XX century. Ethnographic materials of the Soviet Era show that, despite the dictatorship, the descendants have preserved a good memory of their ancestors-shamans and other persons close to the

occupation of shamanism and folk healing. Because of the stability of archetypes and the rules of etiquette in relation to the ancestors, endowed with a special gift in any field of creativity, it is possible to make the reconstruction of the sacred triad of the power of blacksmiths, shamans, and warriors. It is established that the warriors-wizards recognized the force of blacksmiths-mages (targetter) hereditary took over the functions of the priestesses of potter. The myth that the “root” of the lower blacksmiths was primary than the “root” of the upper blacksmiths sheds the light on the genesis of the sacred power of blacksmiths and warriors. The divine couple consisted of the marriage of a blacksmith and a potter. In this code lies the key to the sacred power of Ellei botura, in one person embodies the sacred priest, potter, blacksmith and warrior.

Keywords: sacred power, blacksmiths, potters, shamans, warriors, leaders, priests, cults, totems, weapons, Tengrism, shamanism.

Л.Н. Жукова

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.03.

УДК 314:911(571.56)

Древние миграции в Колымский регион в контексте этнических взаимодействий на севере-востоке Азии

Статья посвящена теме древних миграций в Колымский регион Якутии и в сопредельные восточные территории. Рассматриваются возможные причины появления в неолитическое время на Средней и Нижней Колыме групп пришлого, южного по происхождению, населения из Прибайкальского и Приморского регионов. В качестве гипотезы предлагается рассмотреть, как побуждающий мотив для древних миграций с юга, поиски заморских земель и заселение американского континента с северо-восточной оконечности азиатского материка. Приводятся сведения о продвижении на север древнекитайских групп и о возможном частичном поглощении их уралоязычными праюкагирами. Отмечены отдельные китайские элементы в культурах древнего и современного населения Якутии. Предполагается, что выходцы из южных регионов, по каким-либо причинам не попавшие на американский континент, заселили крайний северо-восток Азии, дав начало группе народов палеоазиатской языковой семьи. В этногенезе этих народов на начальных этапах приняли участие разные этнические группы, в том числе аборигенные юкагирские племена. Заселение проходной территории через северо-восток Азии вызвало начавшийся в раннем железном веке приток мигрантов в Южную и Центральную Якутию. Здесь при участии многих этнокомпонентов сложился народ саха (якуты).

Ключевые слова: северо-восток Азии, Берингия, проходная территория, мигранты, палеоазиатские народы, колымские юкагиры.

Во второй половине XX в. якутские археологи исследовали в бассейне р. Колыма редкие следы пребывания верхнепалеолитического человека (дюктайская археологическая культура, 35 000±5000–10 500/9500 л.н.). Предполагается, что это были бродячие охотники на мамонтовую фауну. Также были обнаружены незначительные артефакты сумнагинского «голоценового» палеолита (10 500/9500–6200±100 л.н.). В период раннего, среднего, позднего неолита (6200±100–3300±100 л.н.) население здесь су-

щественно увеличилось, найдены следы отдельных временных стоянок, мастерских, грунтовые захоронения [Кашин, 2013; Кистенев, 2002; Кистенев, Строгова, 2003; Мочанов, 1977; Федосеева, 1980].

Неолитическое население Колымы, как полагают ученые, было представлено аборигенными группами охотников – уралоязычными праюкагирами. Палеоэтнографические исследования и реконструкции обнаруженных неолитических захоронений позволили предположить, что на

Нижней и Средней Колыме захоронения были оставлены выходцами из южных регионов – Приморского и Байкальского [Жукова, 2015а, в]. Присутствие здесь мигрантов из южных регионов свидетельствует о том, что, несмотря на суровые природно-климатические условия Арктики, территории, расположенные за Северным полярным кругом, были чем-то привлекательны для неолитического человека. Едва ли места исхода пришельцев-южан во II тыс. до н.э. можно считать настолько перенаселенными, чтобы выдавливать на периферию отдельные группы. Также едва ли южан могли манить суровые климатические условия тундры, лесотундры и полярной зимы. Маловероятно, чтобы в столь высокие широты группы пришлого населения следовали за промысловым зверем. Смена географических зон, которых достигали пришельцы, двигаясь в северном направлении (например, Приморье – колымская тундра), предполагает существенное изменение животного и растительного мира, что исключает мысль о движении в погоне за промысловым зверем.

Не было причины и для военных действий против кочевавших здесь местных племен. Юкагирский писатель и ученый Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) перечислил причины войн юкагиров с соседними народами, которые происходили на Колыме в позднем средневековье (начало – середина II тыс. н.э.): 1) «вторжение в район проживания одулов (лесных юкагиров. – Л. Ж.) с целью истребления зверей и дичи; 2) вторжение с целью забрать девушек и женщин и попутно ограбить; 3) кровная месть; 4) в случае, если одулы окажутся между двумя враждующими сторонами, например, коряками и ламутами, и перейдут на сторону одной из них, тогда противная сторона открывает вражду и против одулов» [Спиридонов, 1996, с. 39–40]. Названные причины военных действий едва ли можно считать катализаторами описываемых событий позднего неолитического времени.

Возникает единственное пока и весьма провокационное предположение: стимулом для продвижения групп южного по происхождению населения в северном направлении были поиски т.н. земли обетованной. Наши исследования в этом направлении согласуются с методологией, предложенной А.В. Головневом и изложенной в книге «Антропология движения...»: «Если

история или археология имеют дело чаще всего с последствиями и свидетельствами событий, то антропология движения ориентирована на познание импульсов и характера деятельности. Она нацелена более на активность, вызвавшую событие, чем на ее итог... Движения-действия образуют в своей последовательности деятельностные схемы и сценарии событий» [Головнев, 2009, с. 10].

Нас будут интересовать возможные «деятельностные схемы и сценарии событий», разворачивавшихся на крайнем северо-востоке Азии на протяжении длительного времени. Известно, что американский континент был заселен древним человеком из Азии преимущественно через Берингию – сухопутный перешеек, в период оледенений соединявший азиатский и американский континенты. Проникновение через Берингию началось в верхнем палеолите (примерно 25 000–20 000 л.н.) и продолжались вплоть до 5 500 л.н. [wikipedia.org. Берингия]. По-видимому, существовало и обратное движение, по мощности несравнимо меньшее. В.И. Иохельсон, участник Сибиряковской и Джезуповской экспедиций на северо-восток Азии (конец XIX – начало XX в.), считал, что юкагиры в глубокой древности перешли через Берингов пролив в Северную Америку, а затем возвратились в Азию [Юкагиры..., 1975, с. 6].

А.В. Головнев в рамках предложенной теории, названной «антропологией движения», касается в том числе вопросов заселения человеком Аляски и американского континента. В разделе «Земля Санникова каменного века» [Головнев, 2009, с. 93–106] автор пишет: «Стойкость этого культурного мира свидетельствует об отлаженной системе коммуникаций, поддерживавшей это единство. Берингия – путь миграций, но с двусторонним движением, системой кочевий, но не обязательно сквозных, транзитных» [Там же, с. 90].

Логично предположить существование в прошлом устной (а также пиктографической или прочей) информации о некоей благодатной малонаселенной территории, путь к которой лежал в северном направлении до морского побережья тундр. Переправившись через разделяющее водное пространство или по льду, мигранты оказывались на искомой «заморской земле». Путь в северные широты был связан с

большими рисками, на которые решались только уверенные в своих силах родоплеменные группы. Особую важность представляла информация о том, в каком направлении надлежит двигаться вдоль арктической тундры: на восток или запад. Возможно, взявшие неверный ориентир на запад оказывались в тундровых местностях низовий Колымы или в лесотундре Средней Колымы. Следы их пребывания обнаруживаются в исследованных учеными грунтовых захоронениях.

Учитывая мобильный образ жизни пришлого населения, можно предположить спектр возможных дальнейших перемещений: а) продвигались дальше в западном направлении; б) поворачивали на восток и достигали желаемого берега; в) возвращались к исходной территории. Иные варианты: г) остались на Севере, смешавшись с аборигенным населением; д) погибли в пути.

Важно отметить, что регионами исхода мигрантов, как показали палеоэтнографические реконструкции колымских материалов, были Байкальский и Приморский, что определяется характером погребальных обрядов, способами захоронений, сопровождающим инвентарем. Информация о земле обетованной, по-видимому, циркулировала в этих южных районах, пробуждая в населении, возможно, терпящем некие притеснения со стороны, например, укрепляющейся Китайской империи, стремления к переселению. О продвижении каких-то китайских групп в северном направлении сохранилось немало свидетельств. В трудах российских исследователей имеется ряд сведений об их влиянии на различные области культуры населения древней Якутии. В частности, исследователь древних культур Восточной Сибири, археолог А.П. Окладников высказал предположение о том, что поздненеолитическая традиция покрывать сосуды вафельным или шашечным техническим штампом, известная на сосудах Якутии, могла впервые появиться «в Китае, у первых земледельцев Дальнего Востока» [Окладников, 1955, с. 129]. Он же сопоставил бронзовые мечи, найденные в Якутии на рр. Виллой и Алдан, с древнекитайскими [Там же, с. 150]. Интересно, что бытующие у якутов трехногие сосуды *чорон* из дерева по форме идентичны и хорошо сопоставимы с древнекитайскими неолитическими сосудами, изготовленными из глины [Кучера, 1977, с. 72, 74].

О китайском влиянии писал в монографии по традиционной юкагирской культуре В.И. Иохельсон. Он предположил, как один из вариантов, что железные изделия юкагиры могли получать через тунгусов из Китая. Здесь же, касаясь вопроса происхождения бронзовых пластин круглой формы с изображением лошади, пришиваемых на женские передники, он высказался об их китайском или западнотюркском древнем происхождении [Иохельсон, 2005б, с. 631–632].

Этой теме касался в своих исследованиях верхнеколымский юкагир Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок). О роли тунгусов в истории юкагирской культуры и получении через них из районов Дальнего Востока металлических изделий ученый писал следующее: «Ламуты (эвены. – Л. Ж.) принесли в этот край (на Верхнюю Колыму. – Л. Ж.) культуру Дальнего Востока, китайскую, которая до этого подверглась изменению и преломлению у маньчжуров, удэ, гольдов, гиялков и др... Те побрякушки, украшения и амулеты, которые находили у одулов (у ламутов), всевозможной формы – развилчатые, лапистые, хвостовые – не что иное, как изображения морских обитателей (крабы, спруты) и “обитателей” земли – драконов, тигров и т.д.... Орнамент из бисера, из разноцветных лоскутков и страсть одулов к ярким цветам – все это явление или влияние Д[альнего] В[остока]... многие явления материальной и духовной культуры указывают нам на перенятую, но неизвестную до сих пор культуру, берущую начало с Д[альнего] В[остока]» [Спиридонов, 1996, с. 16]. К одежде лесных юкагиров, продолжает Н.И. Спиридонов, «пришиваются металлические (медные) кружки различной формы, снабженные рожками, поясками и т.д., очевидно пришедшие с Дальнего Востока, символизировавшие некогда лики китайских драконов и демонов» [Там же, с. 32].

Примечательные параллели выявляются на материале изобразительного творчества. Наскальные рисунки бронзового века Южной и Центральной Якутии имеют много общего с древними китайскими иероглифами [Алексеев, Пеньков, 2006]. Предположение о посещении Якутии выходцами из Китая подтверждают грунтовые захоронения средненеолитического погребального комплекса на горе Туой-Хая на р. Виллой [Федосеева, 1968, с. 39]. Два захоро-

нения этого комплекса являются типично жертвенными, они совершены по обряду, носившему в древнем Китае название «поясничная яма» или «собачья яма», с отдельным захоронением голов и частичным трупосожжением человека и собаки [Жукова, 2012, с. 315–318; Кучера, 1977, с. 116, 172].

Юкагирский фольклор сохранил следы схожего с древнекитайским способа захоронения детей в котле, прикрытом другим сосудом как крышкой [Жукова, 2012, с. 319–323; Кучера, 1977, с. 63]. Предметы китайского происхождения обнаружены в атрибутике якутских шаманов [Бравина, Дьяконов, Степанов, Масумото, 2015].

Перечисленные элементы могут указывать на существование в прошлом контактов между древним населением Северного Китая, Дальнего Востока, Приморья, Прибайкалья и Якутии. В связи с этим особый интерес представляют исследования генетиков. Результаты анализа генетических взаимоотношений демонстрируют, что «по спектру материнских линий юкагиры ближе к урало- и алтаеязычным этносам, чем к палеоазиатам... Y-генофонд юкагиров [содержит] достаточно редкую для Якутии... гаплогруппу O, характерную для популяций Китая и Дальнего Востока» [Федорова, 2008, с. 170–171]. Привнесение в генофонд юкагиров гаплогруппы O через тунгусов не подкрепляется выводами генетиков.

Высказывания ученых заставляют обратить внимание на поиски следов южных мигрантов в юкагирской культуре. Наши сопоставительные исследования этиологических сказок лесных юкагиров и древнекитайских текстов позволили обнаружить некоторые схожие сюжеты и образы [Жукова, 2015б; 2016а, б; 2017]. Материальные предметы (дальневосточные украшения, изделия из железа и проч.) колымские юкагиры могли получать через тунгусов (ламуты), присутствие же в одульском фольклоре сюжетов и образов, схожих с древнекитайскими (например, миф о происхождении человека), может указывать, по нашему мнению, на поглощение уралоязычными юкагирами какой-то пришедшей китайской группы.

В этом плане интерес представляет следующее. Мигранты на американский континент, по мнению ученых, двигались через Берингов пролив, вдоль восточной оконечности азиат-

ского материка. Логично предположить, что одновременно прибывавшие группы мигрантов (в том числе из районов Южной Сибири, Прибайкалья, Дальнего Востока) по каким-то причинам не прошли в Северную Америку, а обосновались на малонаселенных землях крайнего северо-востока Азии. Теоретически здесь происходили те же адаптационные этнокультурные процессы, какие имели место на территории Центральной Якутии в первой половине II тыс. н.э.

Классической иллюстрацией синтеза разноэтнических групп в единый народ является народ саха (якуты). Вот что пишет о происхождении якутов историк Г.А. Попов со ссылкой на фольклорные источники. «Якутские народные предания указывают, что когда-то в глубокую старину на Лену пришли их предки Омогой-бай и Эллей. При этом указывают, что Омогой был бурятом (т.е. монгольского происхождения), а Эллей – татарин (т.е. турецкого происхождения). Другие же предания, кроме Омогоя и Эллея, присоединяют и других пришельцев: Тюеня-могола (монгол), Сай-Сар, жену киргиза Сарабай-тойона и, наконец, со стороны Алдана, через усть-Амгу, группу неизвестного народа хоро. Таким образом, все эти пришельцы на Лену – буряты, монголы, татары, киргизы и хоринцы, по преданиям якутов, объединились, породнились и положили начало образованию саха-якутов» [Попов, 2016, с. 252].

«По якутским преданиям, – далее продолжает автор, – первым прибыл на р. Лену бурят Омогой-бай, а потом уже явился татарин (тюрок) Эллей... На устье р. Алдана Эллей увидел становище Омогоя и явился туда. Народ Омогоя дивился появлению незнакомого человека. Другое обличье, чуждая речь, невиданная одежда вызывали у них сомнение – человек ли он? В дальнейшем согласовались взаимоотношения, выработался общий язык. Эллей стал для народа Омогоя своим, и они для Эллея не чуждыми. Таким образом, и в якутском сознании остался след из того отдаленного прошлого о том, что на Лену приходили разноязычные группы и уже впоследствии выработался у них общий язык, т.е. современный якутский.

...Проникновение на Лену монголов, тюрок и др. происходило не одновременно и не всей массой сразу. Эти группы просачивались и попадали в разное время. Сначала явились одни,

затем, быть может через значительный промежуток времени, другие, потом – третьи и т.д.

[Якутская нация] сложилась и оформилась на р. Лене из разноязычных и разноплеменных народностей: бурят, монголов, тюрков, древнеазиатцев (палеоазиатов. – Л. Ж.), эвенков и т.д. У каждого из них есть своя прародина и свое происхождение... Мы можем только сказать, что якутская нация с ее языком, физическими признаками сложилась на р. Лене. Лена – родина якутского народа, а другие области Сибири и Азии – не родина якутов, а местообитания тюрков, монголов, бурят и др., эмигрировавших на Лену» [Там же, с. 254–255].

Таким образом, якуты (саха) – народ, исторически поздно сложившийся на Средней Лене. Результаты интеграционных процессов на северо-востоке Азии (Камчатка, Чукотка, Приохотье, Дальний Восток), подобно тем, что происходили на р. Лена, обозначились на пестрой карте расселения народов палеоазиатской языковой семьи, не родственных между собой, но включивших в себя в разной пропорции аборигенный уралоязычный праюкагирский компонент. Позднее новые хозяева – мобильные группы оленеводческих народов – взяли под контроль проходные территории, так был «закрыт» предполагаемый древний миграционный коридор на север. В связи с этим, по-видимому, с целью оградить свои северные области от прибывавших кочевых групп, в том числе из Южной Сибири, династии китайских императоров начали возводить Великую Китайскую стену длиной до 6000 км (предположительно, с V в. до н.э.). Пестрая картина распространения памятников раннего железного века Якутии [Константинов, 1978] находит объяснение в том, что прибывавшие разные кочевые группы теперь вынуждены были двигаться на север через относительно малонаселенную Южную и Центральную Якутию. Продвижения в этом направлении осуществлялись и ранее, в неолите, свидетельством чему являются оставленные грунтовые захоронения [Алексеев, 1996; 2013; Алексеев, Жирков и др., 2006; Федосеева, 1980; 1988; 1992], но позже, в период металлов, миграции, по-видимому, приобрели более интенсивный характер. Завершившееся в первой половине II тыс. н.э. сооружение Великой Китайской стены не только остановило проникновение внутри

территории групп кочевников, но и предотвратило выход на север подвластных китайскому императору даннических племен. Опираясь на это предположение, можно выдвинуть гипотезу о более интенсивных проникновениях в Якутию древних китайцев в период неолита, бронзового, железного веков и раннего средневековья, т.е. до сооружения основного массива Китайской стены.

Косвенные сообщения о какой-то земле «за морем» содержатся и в фольклоре верхнеколымских юкагиров. Так, девушка, спасаясь от сестерлюдоедок, на своих волшебных крыльях улетела «на ту сторону моря к сыну старичка», где вышла замуж за юношу, который имел волшебное копье и, сидя на нем верхом, летал на промысел. При помощи копья мужчина уничтожил прибывших людоедок [Иохельсон, 2005а, № 94].

В исторически близкое время ярким примером миграционного перемещения является движение русских в Сибирь и на северо-восток Азии (XVI–XVII вв.). Рассказы и легенды о «неизведанной земле» вдохновляли русских землепроходцев, казаков и промышленников на продвижение в восточном направлении. Результатом явилось присоединение сибирских земель к Российскому государству вплоть до освоения североамериканских территорий. Конечно, существенно изменились цели этого процесса, временные и количественные характеристики, транспорт. Пришельцы привнесли много нового в военное дело местных народов, в их общественную, хозяйственно-культурную жизнь, религию, семейную обрядность и проч. С XVII в. существенно изменилась карта расселения народов Якутии: с притоком пришлого русского населения местные родоплеменные группы устремились на малонаселенные окраины. Происходили процессы взаимной адаптации и метисации; особое название получил смешанный с русскими физический тип местного населения: «пашенные крестьяне» («бааһынай»), «сахаляр», на Камчатке – «камчадалы».

Свидетельствами циркуляции подобных мифов в XIX в. являются поиски русскими мореплавателями, промышленниками и купцами североазиатской «Земли Санникова» [Энциклопедия Якутии, 2000, с. 384–385]. Фантастическое путешествие с использованием этого сюжета описал в своей книге известный ученый и писа-

тель В. Обручев. Этнореконструкции ранних этапов освоения русскими арктических территорий, раскопки на местах острогов и проч. ныне являются целями археологических, этнографических и иных исследований.

Таким образом, Якутия, в том числе бассейн р. Колыма, и лежащие к востоку от нее территории не только были заселены в древности, но и являлись проходными для мигрантов, продвигавшихся в основном в северо-восточном направлении и, как мы предположили, стремившихся в поисках земли обетованной достичь берегов североамериканского континента. Кочевавшие через эти территории группы оставляли следы хозяйственной деятельности (временные поселения, мастерские и проч.), духовной жизни (наскальные рисунки, отдельные артефакты и проч.), а также захоронения (грунтовые могилы неолитического возраста были обнаружены на Колыме, в других районах Якутии данный тип захоронений не практиковался в похоронной обрядности древних юкагиров, о чем писали В.И. Иохельсон [2005а, с. 187; 2005б, с. 305–321] и Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) [1996, с. 52]). Изучение всей совокупности обнаруженных разноэтнических памятников в Колымском регионе в последовательной смене исторических эпох позволяет сделать вывод о том, что постоянное увеличение численности и плотности населения происходило в основном в результате миграции с юга, адаптации и метисации с местным населением.

Литература

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы / Сер. «История и культура Востока Азии». – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996. – 144 с.

Алексеев А.Н. Ранние кочевники в Якутии // Вестник СВФУ. – 2013. – Т. 10, № 5. – С. 62–69.

Алексеев А.Н., Жирков Э.К., Степанов А.К., Шараборин А.К., Алексеева Л.Л. Погребение ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2 (26). – С. 45–52.

Алексеев А.Н., Пеньков А.В. Новые подходы к познанию духовной культуры таежных племен древней Якутии: пиктографические «тексты» на ленских писаницах бронзового века // Древности Якутии: искусство и материальная культура. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 12–56.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Масумото Т. Предметы китайского происхождения в атрибутике якутских шаманов // 中国北方及蒙古, 贝加尔, 西伯利亚地区古代文化: 全 3 册 / 内蒙古博物院, 内蒙古自治区文物考古研究所编. – 北京: 科学出版社, 2015.9. – 页数1327–1334. Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. III / Музей Внутренней Монголии; сер. Археологического института автономного района Внутренняя Монголия. – Пекин: Наука-Пресс, 2015. – С. 1327–1334.

Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. – 496.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 2. – Мифологическая модель мира. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.

Жукова Л.Н. Древние грунтовые погребения р. Колымы (палеоэтнографический анализ) // Homo Eurasicus в системах социальных коммуникаций: матер. VI Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 26 окт. 2015. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015а. – С. 317–342.

Жукова Л.Н. Юкагирско-китайские фольклорные параллели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015б. – № 7. – С. 72–76.

Жукова Л.Н. Неолитическое погребение Каменка II на Средней Колыме (палеоэтнографический анализ) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015в. – № 3. – С. 19–26.

Жукова Л.Н. Юкагирский и древнекитайские мифы о переустройстве мира // Там же. – 2016а. – № 2 (15). – С. 108–111.

Жукова Л.Н. Юкагирский миф о погоне богатыря за восьминогим лосем и его китайские параллели // Там же. – 2016б. – № 3 (16). – С. 121–128.

Жукова Л.Н. Древнекитайский и юкагирский мифы о сотворении человека: сюжетное и структурное сходство // Там же. – 2017. – № 2 (19). – С. 28–39.

Замятина Н.Ю. Символический капитал территории в контексте арктических миграций: взгляд из Норильска // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 45–59.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005а. – 270 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005б. – 675 с.

Кашин В.А. Неолит Средней Колымы: сб. тр. – Новосибирск: Наука, 2013. – 224 с.

Кистенев С.П. Древнейшее прошлое улуса // Верхнеколымский улус: История. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2002. – С. 34–37.

- Кистенев С.П., Строгова Е.А.* Древности Заполярной Колымы // Нижнеколымский улус: История. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2003. – С. 35–49.
- Константинов И.В.* Ранний железный век Якутии. – Новосибирск: Наука, 1978. – 128 с.
- Кучера С.* Китайская археология. 1965–1974 гг.: Палеолит – эпоха инь. Находки и проблемы. – М.: Наука, 1977. – 369 с.
- Мочанов Ю.А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск, 1977. – 268 с.
- Окладников А.П.* История Якутской АССР. – М.Н.Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. I. – 432 с.
- Попов Г.А.* Происхождение якутов и их прародина // Попов Г.А. Сочинения. – Т. 7. – Якутск: Алаас, 2016. – С. 252–255.
- Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок).* Одулы (юкагиры) Колымского округа. – 2-е изд. – Якутск: Северовед, 1996. – 80 с.
- Федорова С.А.* Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. – 235 с.
- Федосеева С.А.* Древние культуры Верхнего Вилюя. – М.: Наука, 1968. – 170 с.
- Федосеева С.А.* Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.
- Федосеева С.А.* Диринг-Юряхский могильник: (Ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1988. – С. 79–98.
- Федосеева С.А.* Диринг-Юряхский могильник: (Типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 84–105.
- Энциклопедия Якутии / под ред. Ф.Г. Сафронова. – М., 2000. – Т. 1. – 540 с.
- Юкагиры. Историко-этнографический очерк / под ред. А.П. Окладникова. – Новосибирск: Наука, 1975. – 244 с.
- wikipedia.org. Берингия: Заселение Америки. (дата обращения: 10.05.2018).

L.N. Zhukova

Ancient Migrations to the Kolyma Region in the Context of Ethnic Interactions in the Northeast Asia

The article is devoted to the theme of ancient migrations to the Kolyma region of Yakutia and to adjacent eastern territories. The possible causes of the appearance are considered in the Neolithic time in the Middle and Lower Kolyma groups of stranger, southern in origin, the population from the Baikal and coastal regions. As a hypothesis, it is proposed to consider, as a motive for the ancient migrations from the South, the search for “overseas lands” and the settlement of the American continent from the Northeast tip of the Asian continent. Information is given on the advance of the ancient Chinese groups to the North and on the possible partial absorption by the Ural-speaking forefathers of Yukagirs. Separate Chinese elements are noted in the cultures of the ancient and modern population of Yakutia. It is assumed that immigrants from the Southern regions, who for whatever reason did not fall on the American continent, populated the extreme Northeast of Asia, giving rise to a group of peoples of the Paleo-Asiatic language family. In the ethnogenesis of these peoples, different ethnic groups took part in the initial stages, including the aboriginal Yukaghir tribes. The settlement of the entrance area to the extreme Northeast caused the influx of migrants to South and Central Yakutia, which began in the Early Iron Age. Here, with the participation of many ethnocomponents were formed the Sakha people (Yakuts).

Keywords: Northeast Asia, Beringia, feed-through area, migrants, Paleoasiatic people, Kolyma Yukagirs.

Формирование национальной идентичности хакасов в рамках российской государственности (XVII–XIX вв.)*

В статье рассмотрена проблема консолидации хакасов в единую общность, а также влияние Российского государства на этот сложный процесс. Создав предпосылки, определившие условия и границы этноконсолидационных процессов в регионе, бюрократическая машина империи активировала это движение с помощью реформ первой половины XIX в. Высшая бюрократия в лице М.М. Сперанского стремилась к унификации аборигенного населения Сибири в податном отношении с последующей его интеграцией в сложившуюся социально-экономическую модель империи. По мысли М.М. Сперанского, введение, согласно Уставу, трех разрядов – оседлых, кочевых и бродячих – должно было способствовать переходу большей части населения на оседлый образ жизни как наиболее выгодный и обеспеченный государством. Кроме того, коренное население получало определенные привилегии – освобождение от рекрутского набора и несения воинской повинности, что благотворно сказалось на демографической ситуации, позволив восполнить потери, понесенные в XVII–XVIII вв. Однако, несмотря на общий интеграционный характер, вводимое реформой самоуправление инородцев и общее владение землей способствовали дальнейшему обособлению и консолидации хакасов, во многом купировав их интеграцию в имперскую культуру.

Автор делает вывод, что, таким образом, современный хакасский этнос отчасти стал результатом имперской политики, проводившейся в XVIII–XIX вв. в отношении сибирских народов. Российская империя оказала огромное влияние на этногенез хакасов, выступив основным спонсором и протектором процесса консолидации предков современных хакасов в единый народ.

Ключевые слова: национальная идентичность, этнические процессы, этническая история, традиционная культура, хакасы, сибирская реформа.

Без всякого сомнения этническая история современных хакасов своими корнями уходит в глубь веков, как, впрочем, и любого другого современного народа, и на всем обозримом протяжении связана с территорией Среднего Енисея. Однако общность, которую принято называть народом, на протяжении всего этого времени трансформировалась самым кардинальным образом, умирала и возрождалась вновь. Для нашего исследования интерес представляет тот период, когда эта территория и народ, на ней проживающий, входили в состав Российского государства.

К моменту первых контактов казаков и предков современных хакасов, известных в

русских источниках под общим названием енисейских кыргызов, последние контролировали огромную территорию Южной Сибири, включавшую в себя Северный Алтай – на северо-западе, бассейн р. Кан – на северо-востоке, весь Кузнецкий Алатау – на западе, западные отроги Восточного Саяна – на востоке, Западный Саян и, возможно, и некоторую часть Тувинской котловины – на юге, а также все земли внутри этих границ. Основной территорией проживания енисейских кыргызов были земли, расположенные в среднем течении р. Енисей и ее крупных притоков – рр. Абакан, Туба, Сыда и Чулым.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН и отделений РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Направление 1: Исторический опыт России и других стран в области формирования коллективной идентичности и управления многонациональными обществами.

Вся эта территория, носившая в русских документах название Кыргызской земли или земли, делилась на четыре удельных княжества или улуса: Алтысарское; Езерское, оно же Исарское; Алтырское и Тубинское.

В научной литературе политическое единство всех четырех княжеств неоднократно подвергалось сомнению. Так, Н.Н. Козьмин все четыре княжества считал единым политическим образованием [Козьмин, 1925, с. 29–37]. Такого же мнения придерживались К.Г. Копкоев [Копкоев, 1969, с. 21–22], Л.Р. Кызласов [Кызласов, 1993, с. 135–140], В.Я. Бутанаев [Бутанаев, 2007, с. 20–32]. С.В. Бахрушин [Бахрушин, 1955, с. 177], а вслед за ним и А.А. Абдыкалыков [Абдыкалыков, 1964, с. 25] делили кыргызов на три аймака или улуса. Л.П. Потапов [Потапов, 1957, с. 32–33] собственно кыргызскими считал только два улуса – Езерский и Алтысарский. Для такого разнообразия мнений есть достаточно оснований, вытекающих из текстов русских документов XVII в. Наиболее полный критический обзор имеющихся фактов по этому вопросу был сделан К.Г. Копковым в статье «Енисейские кыргызы и этногенез хакасов» [Копкоев, 1969], где он, анализируя родственные и династические связи кыргызов, убедительно доказал политическое верховенство одной семьи из рода кыргыз над всеми четырьмя княжествами Кыргызской земли.

Основу населения всех четырех княжеств составляли тюркоязычные группы, близкие между собой по культуре и языку. Все население в хозяйственном и культурном отношении делилось на два типа: таежников-охотников и степняков-скотоводов. Такое разделение диктовалось специфическими природными условиями региона, представлявшего собой в географическом отношении рекреации обширных мелкосопочных увалистых степных участков, окруженных высокими горами, покрытыми хвойной тайгой.

Эта дихотомия имела свою давнюю историю и в разные исторические периоды преодолевалась по-разному. Та социальная модель, которую русские увидели в XVII в. на Среднем Енисее, вполне справлялась со стоявшими перед ней вызовами с помощью института кыштымства [Грачев, 2010]. Архитектура такой модели выглядела следующим образом: верхние этажи

здания кыргызского общества занимали аристократические роды кыргызов, связанные между собой династическими браками и родственными узами, фундаментом этой конструкции служили рядовые общинники-скотоводы, объединенные в аальные и улусные общины. Колоннадой, соединяющей верхнюю и нижнюю части социального здания, служили так называемые «лучшие или улусные люди», собиравшиеся вокруг аристократов и представлявшие собой их военные дружины, выполнявшие многочисленные функции по администрированию улусов и княжеств. Вокруг этого здания группировались более мелкие строения, различавшиеся по масштабу и конструкции, – кыштымы. Последние представляли собой разные по происхождению и составу роды и объединения охотников-таежников, находившихся в многогранных клиентских отношениях с аристократами-кыргызами. Клиенты-кыштымы выполняли очень важную роль в экономике и политике кыргызских княжеств. Во-первых, кыштымы были основными поставщиками пушнины, являвшейся валютой региона, во-вторых, из военных отрядов кыштымов формировалась значительная часть войска княжеского ополчения. И, наконец, в-третьих, из среды кыштымов вербовалась основная масса членов низших социальных слоев аальных и улусных общин.

С приходом в регион русских служилых людей (1604 г. – основание Томского острога) ситуация резко изменилась. Многие кыштымы кыргызов, пренебрегая клиентскими обязательствами, стали переходить на сторону русских, принося присягу на верность Белому царю. Такое положение дел было неприемлемо для кыргызов, терявших пушные доходы и подданных. В одном из своих первых обращений к русским кыргызы ясно представили свое видение ситуации. Кыргызы требовали в обмен на признание подданства царю подтверждения своего аристократического статуса, прав на смешанные браки и прав на управление кыштымами. Подобные требования в полной мере вписывались в парадигму удельно-аристократической модели степной государственности. Свое место в Московском царстве кыргызы видели в статусе отдельного удела с широкими автономными правами, то есть на тех же условиях, на которых они выстраивали свои отношения с монгольскими Ал-

тын-ханами и позднее с джунгарскими тайшами. Однако к этому времени Московское царство прошло значительную дистанцию на пути от удельного государства к империи и делать шаги назад не собиралось. Период смуты в Московском царстве несколько затормозил финал кыргызской драмы. Служилые люди, установив контроль над северными (1621 г. – основание Мелецкого острога, 1628 г. – основание Красноярского острога) и северо-западными (1618 г. – основание Кузнецкого острога) кыштымами кыргызов, старательно избегали на протяжении всего XVII в. эскалации крупномасштабного конфликта с кыргызами, установив т.н. «кыргызский рубеж». На протяжении всего XVII в. конфликты между русскими и кыргызами то разгорались, то затухали. В результате этой борьбы «кыргызский рубеж» во второй половине XVII в. был отодвинут еще дальше на юг и укреплен новыми острогами – Ачинским (1641 г.), Караульным (1675 г.), Каштакским (1697 г.).

На южной границе Кыргызской земли спокойствия также не было, в течение всего XVII в. Алтын-ханы неоднократно вторгались в земли кыргызов. В 1667 г. последний из Алтынханов – Лоджан вторгся в Кыргызскую землю, спасаясь от преследования джунгарского Сенгетайджи. Для кыргызов джунгары оказались приемлемыми партнерами, свое господство они укрепляли не только силой оружия, но и династическими браками, а концепция удельного государства была понятна и тем, и другим.

На протяжении последней четверти XVII в. кыргызы и джунгары действовали сообща, препятствуя расширению Московского царства на юг Сибири. В 80–90-х гг. XVII в. этот союз подвергся тяжелым испытаниям. В 1687 г. на Алтае джунгары и кыргызы потерпели сокрушительное поражение, в бою погиб князь Иренек вместе с сыном. В 1688 г. джунгары, собрав все имеющиеся в их распоряжении силы, угнали из Кыргызской земли большое количество людей и скота. В июле 1703 г. история повторилась в еще больших масштабах. Практически все аристократы-кыргызы вместе с их улусными людьми подверглись мобилизации со стороны монголов и были угнаны в Джунгарию.

В 1707 г. был построен Абаканский острог. Под стенами нового острога население Кыргызской земли, избежавшее угона, в лице «ясау-

лов» и «лутших людей», присягнуло «о принятии подданства российского». В 1718 г. на правом берегу Енисея, при выходе его из Саянских гор, был поставлен Саянский острог, навсегда устранивший опасность, грозившую с юга. Большая часть кыргызов и их улусных людей смогла вернуться на родину [Кызласов, 1993, с. 189–192]. После катастрофы 1703 г. кыргызы навсегда утратили свое привилегированное положение, частью став одним из сеоков современных хакасов [Копков, 1969], частью образовав четко очерченные этнические анклавы на территории Китая [Янхунен, 1994, с. 99–107].

Для этногенеза современных хакасов события XVII в. имели решающее значение. Во-первых, было устранено главное препятствие в виде удельного государства на пути к консолидации различных по происхождению и статусу, но общих по языку, культуре и исторической судьбе групп, проживавших в регионе. Во-вторых, значительные группы населения – чулымские татары (мелесские татары), северные алтайцы (ешаутинцы), кузнецкие татары (абинцы, шорцы), некоторая часть подгородных аринцев и качинцев, а также коттов и камасинцев, оказавшись по другую сторону «кыргызского рубежа», не приняли активного участия в этногенезе современных хакасов. Частью эти группы были ассимилированы русскими, частью образовали отдельные народности (например, чулымские татары и шорцы). В-третьих, постоянные перемещения больших масс населения, происходившие в ходе военных действий, приводили к демонтажу родового и племенного укладов, что также способствовало консолидации предков современных хакасов на новой общинной основе. К числу таких перемещений можно отнести увод кыргызами коттов (1635 г.), подгородных аринцев и качинцев (1628 г.). Наибольшего масштаба увод населения «в кыргызы» достиг в 1633–1636 гг., когда в результате многочисленных набегов кыргызов значительная часть кыштымов была уведена в степи [Кызласов, 1993, с. 179].

Одним из пережитков той эпохи можно считать современное деление хакасов на большие территориальные группы – кызыльцев, качинцев, сагайцев, географические границы ареалов проживания которых во многом совпадают с границами кыргызских уделов XVII в.

В начале XVIII в. административно земли региона делились между Кузнецким и Красноярским уездами. Кызыльцы, качинцы и койбалы подчинялись Красноярскому уезду, в то время как сагайцы и бельгыры управлялись из Кузнецка. До 1629 г. оба уезда входили в обширный административный округ с центром в Тобольске. Позднее остроги с прилегающими землями были причислены к Томскому разряду. С 1676 г. Красноярский уезд перешел в подчинение Енисейскому острогу, получившему статус города. В 1703 г. сагайцы и бельгыры были причислены к Кузнецкому уезду.

В 1708 г. Петром I «для упорядоченья управления государством» были проведены территориально-административные преобразования, в результате которых оба уезда вошли в Сибирскую губернию с центром в Тобольске. Уже в 1719 г., из-за неразберихи и дальности расстояний, в составе губернии были образованы три провинции, а через пять лет еще две – Иркутская и Енисейская. В состав Енисейской вошли Мангазейский, Енисейский, Томский, Нарымский, Кетский, Красноярский и Кузнецкий уезды.

В 1764 г. по указу Екатерины II территория Сибири была подвергнута очередной административно-территориальной реформе: учреждена вторая губерния – Иркутская, в состав которой была включена Енисейская провинция. Через два десятилетия Енисейскую провинцию ликвидировали, её уезды вошли в состав трёх губерний: Тобольской (Енисейск и Ачинск), Иркутской и Колыванской (г. Красноярск). В 1797 г. все территории бассейна р. Енисей причислены к Тобольской губернии (до 1804 г.; затем до 1822 г. они входят в состав Томской губернии).

Еще большая неразбериха царила внутри уездов. Административное устройство уездов сохраняло те формы, которые достались в наследство от XVII в. – времени завоевания края.

Опора на фиктивную родовую структуру в административном делении, в идентификации которой уже с самого начала было допущено множество неточностей и ошибок, оказалась ненадежной. С самого начала административного устройства региона система работала с огромным трудом. Роды отпочковывали, распадались и вновь возникали под новыми именами, что приводило к исчезновению или призрачному существованию отдельных административных единиц.

Еще больше территориально-административную карту края запутали красноярские казаки, введя в употребление термин «землица». Этот термин появляется в русских документах во второй четверти XVII в., т.е. после основания Красноярского острога (1628 г.), и используется почти исключительно красноярскими служилыми людьми [Долгих, 1960, с. 222]. Дело в том, что основанный позже других в регионе Красноярский острог не имел собственных ясачных волостей, поскольку раздел последних произошел еще в первые два десятилетия XVIII в. между Томским и Енисейским острогами. Придя в регион позже других, красноярцы предпринимали многочисленные попытки получить контроль над лежавшими к югу землями, иногда вступая в прямой военный конфликт с конкурентами. В отношении к ясачному населению края применялись как прямые военные действия, так и уговоры, ставившие перед собой одну цель – контроль над сбором ясака.

Другим способом перехвата контроля над местным населением было присвоение старым ясачным волостям новых наименований с добавлением «землица». Такая практика приводила к тому, что старые волости попадали в отчетные документы под новыми именами, что создавало определенный бюрократический казус, позволявший успешно оспаривать права на сбор ясака в крае. В качестве одного из примеров существования такого бюрократического казуса можно привести одновременное существование на протяжении всего XIX в. Ассызской инородческой управы в Кузнецком округе и Ассызской степной думы в Минусинском округе [Патканов, 1911, с. 18–19].

Для нашего исследования важно, что уже в XVIII в. в среде основного массива предков хакасов для внутреннего деления пользовались системой, альтернативной тем, которые применяли русские региональные администрации. Эта система делила все население на улусы или аймаки, во главе которых становились выборные лица, по инерции называвшиеся «князцами» или «башлыками» [Паллас, 1786, с. 462]. Эта традиционная администрация опиралась не на формализованные родовые связи, а на реалии повседневной жизни. Так, в аалы объединялись не только родовые, но и соседские, и байские хозяйства [Жостров, 1852, с. 28; Бутанаев, 2002, с. 102].

Административная чехарда, происходившая на протяжении всего XVIII в., оказала существенное влияние на миграционные потоки внутри территории региона. Отсечение значительных территорий вместе с населением и переориентация на другие административные центры – все это приводило к тому, что изолированные группы либо ассимилировались, либо переселялись на территорию, занятую основным родственным этническим массивом. На протяжении всего XVIII в. наблюдается непрерывная инфильтрация тюркоязычного населения с окраин ближе к центру. Об этом процессе свидетельствуют и многочисленные родовые истории хакасов [Катанов, 1909]. Так, бельтыры, являвшиеся до второй половины XVIII в. двоеданцами русских и джунгар, стягивались в Приабаканские степи, оставляя склоны Абаканского хребта. Сагайцы, жившие в верховьях Томи, перебрались к своим одноплеменникам на восточные склоны Кузнецкого Алатау [Патканов, 1911, с. 319]. Такое же движение происходило и на севере, где отдельные группы мигрировали из Канско-Ачинского района на юг [Там же]. Так, например, примечательна история фамилии Янгуловых, происходивших от чулымских – мелеских татар, ушедших на юг и ставших одним из самых многочисленных родов кызыльцев.

Своеобразным катализатором территориальной консолидации предков хакасов стала набирающая силу на протяжении всего XVIII в. русская колонизация правобережья Енисея [Быко-ня, 1981, с. 85–86]. В связи с упадком пушного промысла и оттоком населения из северных областей в южные замиранные волости начинается сельскохозяйственная колонизация края. В результате этого во многом стихийного движения русских переселенцев с севера на юг Красноярского уезда койбалы были вынуждены оставить правый берег Енисея и перебраться на левый. Те же, кто остался на прежних местах своего жительства, слились с пришлым русским населением, навсегда утратив этническую идентичность. Уже во времена П.С. Палласа эти процессы приобрели необратимый характер. Записанный Палласом в д. Означенное рассказ местного старожилы наглядно свидетельствует о глубине этих процессов: «Прадедушки наши еще жили в юртах, но хлеб уже засевали; деды переселились в избы. Я сам родился и вырос в де-

душкином дому. Мы еще знаем, старики по-татарски, а дети кроме русского языка никакого не знают» [Паллас, 1786, с. 529]. В отличие от XVII в., в XVIII в. миграции населения были продиктованы не необходимостью спасти свою жизнь, а надеждой на лучшую долю.

Такое положение дел не устраивало администрацию края и требовало новых идей и подходов. Первые проекты изменений в практике администрирования инородцев появляются в самом начале XIX в. В этой связи нельзя не упомянуть проект Г.И. Спасского – «Предположения для ясачных орд» [Карцов, 1970, с. 87–118]. Проект Г.И. Спасского, составленный в 1805 г. в духе утопии просвещенного абсолютизма [Кызласов, 1993, с. 248–249], содержал предложения о морально-нравственном совершенствовании сибирских инородцев и имел мало общего с действительностью [Спасский, 1818]. В основе нового инородческого общества Г.И. Спасский видел создание класса «лучших людей», ставящих перед собой цель самосовершенствования и служения обществу. По мысли Г.И. Спасского, количество этих людей не должно было превышать 30 человек, каждый из которых должен был своими делами и поступками доказать свою общественную пользу. Исключительную роль он придавал должности комиссара, которую должен был занимать человек, просвещенный и добрых качеств. Деятельность комиссара ограничивалась советом, созданным при нем. Совет должен был состоять из трех человек, избравшихся на два года тайным голосованием [Кызласов, 1993, с. 249]. Проект Г.И. Спасского содержал и важные практические шаги, направленные на повышение образования и смягчение нравов. Так, например, в проекте предполагалось уделять пристальное внимание образованию инородцев, для чего предусматривались повсеместное открытие школ. Как отмечал Л.Р. Кызласов, «проект остался небезынтересной утопией, написанной в духе утопических мечтаний просветителей об установлении “царства разума”» [Там же].

Дальнейшим шагом на пути развития административного обустройства края в XIX в. становится сибирская реформа 1822 г. М.М. Сперанского. Сибирская административная реформа была разработана под руководством М.М. Сперанского, а председателем Сибирского комитета, созданного для ее осуществления, был

назначен А.А. Аракчеев. Реформа состояла из принятия целого ряда законодательных актов, таких, как «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», уставы о ссыльных, о сибирских казаках, положение о земских повинностях и т.д. Основным автором этих уставов стал будущий декабрист Г.С. Батеньков [Карцов, 1965].

По предложению М.М. Сперанского, проводившего ревизию сибирских владений, император Александр I подписал указ об образовании Енисейской губернии в составе пяти округов: Красноярского, Енисейского (с Туруханским краем), Ачинского, Минусинского и Канского. Административным центром вновь образованной губернии утвержден г. Красноярск. В основе нового разделения стоял экономический принцип. Так, серьезные проблемы возникли при размежевании Минусинского и Кузнецкого уездов, территории которых оказались не только в разных губерниях, но и в разных генерал-губернаторствах. С протестом по поводу такого положения дел выступило красноярское купечество. Мотивируя свое недовольство тем, что они издавна торговали в русских и инородческих селениях по рр. Енисей, Абакан, Июс и их притокам, вплоть до р. Мрассу и верховьев р. Томи, красноярские купцы утверждали, что «если ясачные при определении границы останутся в Томской губернии, то купцы подвергнутся упадку в торговле» [Кызласов, 1993, с. 250–251].

В результате окончательного размежевания в Минусинский округ были включены входившие ранее в Кузнецкий уезд многочисленные верхнеабаканские и верхнетомские инородческие роды. Окончательное административное разграничение Сибири было закреплено указом Сената 3 октября 1827 г. В Ачинском округе имелась своя коллизия с размежеванием инородцев. Так, в 1824 г. при создании Кызыльской степной думы роды мелесских татар были включены в ее состав, но в 1835 г., при внесении корректив, их выделили в особую административную единицу. Не вошли в структуру степных дум и небольшие этнические группы, родственные по языку и культуре, проживавшие в окрестностях Красноярска и Канска.

Автохтонное население края было разделено на четыре управы: Кызыльскую, Качинскую, Койбальскую и Соединённых разнородных пле-

мен (Аскизская). Каждая из управ объединяла целый ряд низовых административных родов, управляемых родовыми старшинами. Эта номенклатура не совпадала с реальными родовыми связями, в большей степени опираясь на территориальный принцип.

Управы осуществляли контроль над низовыми старшинами, ведали сбором ясака, выполняли судебные функции (кроме тяжких преступлений) и подчинялись земской полиции, а через нее – окружному суду, представляя тем самым органы государственной власти на местах. Князцы или башлыки, стоявшие во главе управ, а также заседатели избирались из числа входивших в управу.

Другую ветвь власти представляли степные думы, соответствовавшие каждой из управ. Во главе дум стояли родоначальники. Думы ведали общественными повинностями и имели право ходатайства перед властями о нуждах населения. Подчинялись думы непосредственно губернской администрации. Таким образом, управление автохтонным населением было организовано как чисто внешнее, не вмешивающееся во внутренние дела административных единиц [Мамышева, 2000, с. 95–96]. Благодаря содействию и активной позиции губернатора А.П. Степанова, инородцы Енисейской губернии, в обход «Устава об управлении инородцев», были записаны в разряд кочевых, по примеру бурятов [Там же, с. 96]. Кочующие инородцы в налогообложении приравнивались к сословию государственных крестьян. В отличие от крестьян они продолжали платить ясак, но были освобождены от рекрутской повинности и сохраняли самостоятельность в управлении и суде.

Внутри образованных степных дум происходили разнонаправленные процессы. Так, в Аскизской и Кызыльской степных думах шли мощные интеграционные процессы, вызванные притоком хотя и родственных, но отличавшихся по своему укладу вновь включенных групп. Аскизская степная дума, основу которой составляли сагайцы, в конце концов поглотила Койбальскую думу и ассимилировала малочисленные разрозненные группы койбалов, бельтиров, шорцев и бирюсинцев. Кызыльская степная дума приняла в свой состав многие из мелесских и ачинских родов. В Качинской степной думе, принявшей в свой состав аринцев и дру-

гие более мелкие роды, уже на первых порах проявилась конкуренция между родами абаканских и ширинских или июсских качинцев. Как свидетельствовали современники: «Между абаканскими и июсскими качинцами замечается не только какая-то холодность, но даже и вражда. Князец или старшина, снискавший общее уважение у июсских качинцев, презирается и возбуждает беспрестанные жалобы у абаканских, и наоборот» [Беляев, 1882, с. 287]. Эта борьба порой приводила к весьма острым конфликтам. Две эти близкородственные, но оказавшиеся частично изолированными друг от друга группы на протяжении всего XIX в. боролись за власть и руководство думой. Так, до 1839 г. власть в Качинской степной думе принадлежала роду Картиных, им на смену пришел Самсон Кангаров – выходец из числа июсских качинцев. В результате такой смены власти произошел серьезный конфликт, вынудивший власти в 1847 г. провести специальное расследование. Результатом стала ликвидация Качинской степной думы в 1851 г. и замена ее в 1855 г. на самостоятельные Абаканскую и Июсскую управы. Л.Р. Кызласов подозревал наличие в этой проблемной ситуации глубоких исторических корней, относящихся к периоду конкурентной борьбы за первенство между кыргызскими княжествами XVII в. [Кызласов, 1993].

После замирения края и его окончательного присоединения к Российской империи в хозяйственной и культурной жизни автохтонного населения произошли существенные изменения. Начиная с 1727 г. ясак разрешалось вносить деньгами. Так, с 1755 г. по Красноярскому уезду норма ясака с плательщика устанавливалась в 4 руб. 73 коп., по Кузнецкому – 2 руб. 28 коп. [Там же, с. 240].

Уже в конце 20-х гг. XVIII в. в регионе открываются первые казенные железоделательные заводы, начинается промышленное освоение края. С началом обустройства заводских предприятий все больше местного населения привлекается к наемному труду, что делает контакты местных аборигенов и колонистов более интенсивными и многообразными. Несмотря на то, что «рудное и заводское дело в крае пало очень скоро» [Козьмин, 1925, с. 94], оно все же оказало существенное влияние на подъем уровня промышленного развития региона.

К концу XVIII в. большая часть автохтонного населения наряду с традиционным скотоводством в той или иной мере занимается земледелием. О том, что у кыргызов в XVII в. были небольшие пашни, мы знаем из отписок и сказок служилых людей, однако с приходом русских в регион приносятся новые культурные растения, в первую очередь такие, как ячмень и пшеница. К концу XIX в. площадь распаханых и засеваемых площадей вырастает в несколько раз, а производство зерновых становится товарным.

Скотоводство, будучи традиционным занятием местного населения, также получило дополнительный импульс с появлением новых рынков сбыта. Во второй половине XVIII в. мясной скот из Хакасии поставлялся через Удинск в Иркутск и через Кузнецк на Колыванские заводы Алтая, в Барабу и даже в Тобольск. По свидетельству П.С. Палласа, эта торговля при посредничестве красноярских купцов и качинцев имела довольно большой размах [Паллас, 1786, с. 476]. Важным для развития региона становится основание в крае в середине XIX в. золотодобывающей промышленности. Для ведения горных работ привлекается значительное количество местного населения, что ведет к развитию свободного наемного труда и более интенсивным межкультурным контактам.

К концу XIX в. окончательно стираются различия между двумя культурно-хозяйственными типами коренного населения края – таежниками-охотниками и степняками-скотоводами. Массовый выход таежного населения из тайги в степь, контакты с русскими колонистами, развитие новых способов хозяйствования (пашенное земледелие), переход на денежный ясак, территориальная обособленность и собственное администрирование приводят к началу сложения единого культурно-хозяйственного ареала нового социального организма.

Определенную роль в консолидации предков хакасов сыграла Русская православная церковь. Первое массовое крещение состоялось в 1707 г. – митрополит Тобольский и Сибирский Филофей в верховьях р. Июс крестил местных татар. Еще раньше, благодаря мздоимству красноярских воевод и вопреки царскому указу о запрещении крещения инородцев, крестились красноярские подгородные татары (аринцы и качинцы).

В 1766 г. была освящена церковь во имя Вознесения Господня в с. Абаканском. А в 1770 г. в с. Аскиз, по ходатайству сагайского князца Амзора, образовался первый инородческий приход. Уже в 1771 г. был построен храм в честь святых апостолов Петра и Павла. К 1826 г. из 4835 человек, проживавших на территории Петро-Павловского прихода, 3613 человек были крещеными. С образованием в 1871 г. Енисейской епархии был организован епархиальный комитет Православного миссионерского общества. В 1867 г. Никодим, епископ Енисейский и Красноярский, осматривая южные районы новообразованной епархии, крестил 80 человек в с. Аскиз. В 1873 г. епископ Енисейский и красноярский Антоний, совершая поездку для обозрения церквей Минусинского округа, будучи в с. Аскиз, участвовал в крещении 3003 ясашных, в том числе 612 шаманов [Кызласов, 1993, с. 399].

К концу XIX в. на территории края действовали около 10 приходов и несколько молитвенных домов, а в число клира входили священники из татар. Подготовкой священников-инородцев занималось Бийское катехизаторское училище. Обучение некоторые из них проходили в Минусинской гимназии и в Красноярской духовной и учительской семинарии.

Принудительное, во многом формальное обращение и в особенности преследование шаманов [Майнагашев, 1914, с. 111] привели к тому, что широкое распространение получил бурханнизм как альтернативный духовный путь, не предполагавший потери этнической и культурной идентичности. Но и некоторые нормы формального православия глубоко вошли в культуру местного населения. В каждой юрте имелись иконы, часто соседствовавшие с атрибутами шаманизма, широкое распространение получил обычай ношения нательных крестов. Умерших хоронили, исполняя формальные нормы, используя в качестве обязательных атрибутов бумажные венчики, вкладывая в руки усопшим нательные кресты и восковые свечи и устанавливая над могилой деревянный крест. Сложилась своеобразная местная традиция отпевания умерших после похорон.

На протяжении XVIII–XIX вв. край становится объектом пристального научного интереса. В регион направляются научные экспедиции, целью которых становится собирание

материалов по этнографии, истории и археологии края. В 1877 г. в окружном г. Минусинске Н.М. Мартьяновым при поддержке городской думы открывается музей, на долгие годы ставший научной и просветительской базой всего края.

Еще одним важным шагом на пути консолидации в единый народ стало распространение среди инородческого населения грамотности и образования. Первая школа появилась в 1863 г. в с. Усть-Абаканском. Вторая школа открылась в с. Аскиз в 1869 г. Появление в среде автохтонного населения национальной интеллигенции привело к совершенно новому уровню осмысления национальной идентичности, а также культурного и национального единства. Наиболее яркими представителями новой национальной интеллигенции стали Н.Ф. Катанов и С.Д. Майнагашев.

Апофеозом двухсотлетнего процесса консолидации хакасов в единый народ стало принятое, по предложению С.Д. Майнагашева, на народном съезде, проходившем 6–7 апреля 1917 г. в с. Аскиз, «Постановление о самоназвании» [Гладышевский, 1999, с. 28–29]. С.Д. Майнагашев, ссылаясь на научные работы А.А. Спицына, Д.А. Клеменца, И.П. Кузнецова-Красноярского, в которых они использовали термин «хакасы» для обозначения коренного населения края, предложил принять это название для инородцев Минусинского и Ачинского уездов.

Чтобы выяснить роль Российской империи в процессе консолидации современных хакасов, подытожим те условия и предпосылки, которые были созданы при участии имперской власти:

1) разгром енисейских кыргызов положил конец аристократическому, удельному по своему устройству, политическому образованию, препятствовавшему социальной интеграции таежного (кыштымского) населения в степную среду;

2) замирение края и установление новых границ привело к определению и очерчиванию территории этногенеза, а также его субъектов;

3) имперское администрирование, не учитывавшее подвижный уклад жизни кочевников, своими административными мерами, с одной стороны, препятствовало корпускуляции населения внутри племенных и родовых структур, с другой – стимулировало появление совершенно новых общностей, связанных с обладанием об-

щей территорией, ее хозяйственным освоением и администрированием;

4) экономический подъем края, внедрение новых технологий разрушали архаичные социально-экономические модели, основанные на сборе ясака и кредитном закабалении таежного населения. Эти процессы, стимулируя переход на товарно-денежные отношения и вольный наемный труд, вовлекали как таежное кыштымское население, так и степное общество в гораздо более сложные схемы взаимодействия.

Мощное имперское идеологическое и культурное воздействие требовало выработки и внедрения собственных альтернативных мировоззренческих моделей для сохранения этнической и культурной идентичности, что приводило к появлению оригинальных синкретических идеологий, построенных на основе традиционных культурных ценностей.

Роль Российской империи в этногенезе современных хакасов, на наш взгляд, выглядит следующим образом. Создав вышеперечисленные предпосылки, определившие условия и границы этноконсолидационных процессов в регионе, бюрократическая машина империи активировала это движение с помощью реформ первой половины XIX в. Высшая бюрократия в лице М.М. Сперанского стремилась к унификации аборигенного населения Сибири в податном отношении, с последующей его интеграцией в сложившуюся социально-экономическую модель империи. По мысли М.М. Сперанского, введение, согласно Уставу, трех разрядов – оседлых, кочевых и бродячих – должно было способствовать переходу большей части населения на оседлый образ жизни как наиболее выгодный и обеспеченный государством. Кроме того, коренное население получало определенные привилегии – освобождение от рекрутского набора и несения воинской повинности, что благотворно сказалось на демографической ситуации, позволив восполнить потери, понесенные в XVII–XVIII вв. Однако, несмотря на общий интеграционный характер, вводимое реформой самоуправление инородцев и общее владение землей способствовали дальнейшему обособлению и консолидации хакасов, во многом купировав их интеграцию в имперскую культуру.

Таким образом, современный хакасский этнос отчасти стал результатом имперской поли-

тики, проводившейся в XVIII–XIX вв. в отношении сибирских народов. Российская империя оказала огромное влияние на этногенез хакасов, выступив основным спонсором и протектором процесса консолидации предков современных хакасов в единый народ.

Литература

Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк) – Фрунзе: Илим, 1968. – 140 с.

Бахрушин С.В. Научные труды. – Т. III, ч. II. – М., 1955. – 379 с.

Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. – СПб., 1882. – 507 с.

Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. – Абакан, 2007. – 295 с.

Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX вв. – Абакан, 2002. – 166 с.

Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, 1981. – 347 с.

Гладышевский А.Н. Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886–1920. – Абакан, 1999. – 62 с.

Грачев И.А. К вопросу о кыштымах // Сибирский сборник-2: к юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко. – СПб., 2010. – С. 98–106.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М., 1960. – 615 с.

Зуев А.С. Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. А – И. – Новосибирск, 2010. – С. 9–14.

Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. – Новосибирск, 1965. – 239 с.

Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX века) / Хакас. науч.-исслед. ин-т яз., литературы и истории. – Абакан, 1970. – 199 с.

Катанов Н.Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Сборник в честь 70-летия Г.Н. Потанина. – СПб., 1909. – С. 265–288.

Козьмин Н.Н. Хакасы. – Иркутск, 1925. – 184 с.

Копкоев К.Г. Енисейские кыргызы и этногенез хакасов // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Вып. XIII. – Абакан, 1969. – С. 21–38.

Костров Н.А. Качинские татары. – Казань, 1852. – 66 с.

Кызласов Л.Р. История Хакасии. – М., 1993. – 525 с.

Майнагашев С.Д. Отчет о поездке к турецким племенам долины реки Абакан летом 1913 года // Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и

этнографическом отношении. – Сер. II, № 3. – Пг., 1914. – С. 107–128.

Мамышева Е.П. О деятельности степных дум в Хакасии (1822–1892 гг.) // Хакасия: история и современность // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Вып. XXI. – Абакан, 2000. – С. 93–100.

Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. – Вып. III и IV. – СПб., 1895. – С. 297–348.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. – Кн. третья. – СПб., 1786. – 575 с.

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. II: Тобольская, Томская и Енисейская губ. – СПб., 1911. – 432 с.

Пестерев Е. Примечания о прикосновенных около Китайской границы жителях, как Российских ясашных татарах, так и китайских мунгалах и сою-

тах, деланные Егором Пестеревым с 1772 по 1781 г., в бытность его под названием пограничного комиссара при сочинении карты и при отыскании пришедших в неизвестность трактованных пограничных знаков и самой пограничной между Российской империей и Китайским государством черты, лежащей от Иркутской губернии чрез Красноярской уезд, до бывшего Зенгорского владения // Нов. ежем. соч. – 1793. – Ч. 79, январь. – С. 59–82; ч. 80, февраль – с. 35–73; ч. 81, март – с. 31–55; ч. 82, апрель – С. 7–28. – СПб., 1793. – 82 с.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование Хакасской народности. – Абакан, 1957. – 308 с.

Спасский Г.И. Народы, кочующие в верху Енисея // Сибирский вестник. – Ч. I. – 1818. – С. 107–109.

Степанов А.П. Енисейская губерния. – Т. 2. – СПб., 1835. – С. 47–50.

Янхунен Ю. К вопросу о зарубежных хакасах // Проблемы сохранения природы и культурно-исторического наследия Хакасии. – Вып. 1. – Абакан, 1994. – С. 99–107.

I.A. Grachev

The formation of national identity of the Khakass people in the framework of the Russian statehood (the XVII–XIX centuries)

The article deals with the problem of consolidation of Khakass into a single community, as well as the influence of the Russian state on this complex process.

Creating the preconditions that determined the conditions and the boundaries of ethno-consolidation processes in the region, the bureaucratic machine of the Empire activated the movement with the reforms of the first half of the XIX century. The highest bureaucracy, in the person of M.M. Speransky sought to unify the aboriginal population of Siberia in the tax-paying relationship, with its subsequent integration in the current socio-economic model of the Empire.

At the thought of M. M. Speransky, the introduction, according to the Charter, of three categories-sedentary, nomadic and vagrant - was to facilitate the transition of the majority of the population to a settled way of life as the most profitable and secure state. In addition, the indigenous population received certain privileges - exemption from recruitment and military service, which had a beneficial effect on the demographic situation, allowing to compensate for the losses incurred in the XVII–XVIII centuries. However, despite the general integration nature, the self-government of foreigners and common ownership of land introduced by the reform contributed to the further isolation and consolidation of the Khakas, largely stopping their integration into the Imperial culture.

The author concludes that in this way, the modern Khakassia ethnos was partly the result of the Imperial policy pursued in the XVIII–XIX centuries against the Siberian peoples. The Russian Empire had a great influence on the ethnogenesis of the Khakass, acting as the main sponsor and protector of the process of consolidation of the ancestors of modern Khakas into a single nation.

Keywords: national identity, ethnic processes, ethnic history, traditional culture, Khakas, Siberian reform.

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.05.

УДК 347.191.11“19/20”(571.1)

Общественное движение коренных народов Ямало-Ненецкого автономного округа в конце XX – начале XXI вв.

Представленная статья является результатом исследовательских работ по освещению истории общественно-политического движения коренных малочисленных народов арктических регионов Сибири и Дальнего Востока России. В ней дается описание этнической активности аборигенных сообществ Ямало-Ненецкого автономного округа на рубеже XX–XXI вв. Подчеркивается, что активное промышленное проникновение на территории традиционного проживания ненцев, хантов и селькупов создало угрозу их этнической культуре, а также ухудшило их социально-экономическое положение. При этом, несмотря на активное освоение региона, коренному населению удалось не только сохранить свой традиционный образ жизни, но и существенно увеличить основные показатели производства. Отмечается, что усугубление этнических проблем в конце 1980-х гг. привело к росту национального самосознания, как реакции на накопившиеся трудности. Результатом стало появление первой в округе организации коренных народов «Ямал – потомкам!». Ее активная деятельность, а также формирование новых этнических объединений позволили аборигенам сохранить свою национальную идентичность и традиции. Благодаря активной общественной позиции, в постсоветский период коренному населению региона были созданы условия для роста самостоятельности, проявления инициативы. В настоящее время данные организации по-прежнему играют важную роль в жизни аборигенного населения Ямало-Ненецкого автономного округа.

Ключевые слова: малочисленные народы, Ямало-Ненецкий автономный округ, этническое движение, активизм, «Ямал – потомкам!», промышленное освоение, государственная политика, этнические ассоциации, традиционное хозяйство, оленеводство.

Исторический период Российского государства на рубеже XX–XXI вв. вызывает значительный исследовательский интерес среди профессиональных историков. Происходившие социальные трансформации того времени предоставляют большое поле для изучения и анализа общественных процессов в условиях переходного периода в стране. Как известно, начавшийся во второй половине 1980-х гг. системный кризис Советского государства привел к появлению различных тенденций во многих сферах общественной жизни. Особенно это отразилось в развитии межнациональных отношений. Активизировавшиеся в этот период этнические движения в ряде случаев сыграли важнейшую роль в формировании новых институтов гражданского общества и в значительной мере повлияли на политическую систему многих регионов страны.

Начиная со второй половины 1980-х гг., когда в стране начались радикальные изменения в

сферах политики, экономики и культуры, в Арктическом регионе происходили процессы, схожие с процессами в других регионах России. Тогда же значительно актуализировались вопросы культурной сохранности и дальнейшего развития коренных народов Севера. Как показывает история, этнические общественные инициативы, возникшие в этот период, сыграли свою роль в становлении демократической системы и оказали серьезное влияние на развитие многих регионов.

Данное исследование посвящено истории развития арктических аборигенных сообществ Западной Сибири, а именно деятельности местных общественных объединений коренных меньшинств в конце XX – начале XXI в. Нужно отметить, что для многонационального государства именно мобилизация социального потенциала населяющих его народов является одним из обязательных условий формирования гражд-

данского общества. Подобный опыт межнационального взаимодействия важен для исследователей и обуславливает необходимость объективного изучения и анализа новейшей истории развития российских регионов.

Огромные территории арктической части Западной Сибири, обладая крупнейшими запасами природных ресурсов, уже давно имеют важнейшее стратегическое значение для России. Вследствие сосредоточения в данном регионе основных нефтегазовых запасов страны, а также его относительной близости к промышленным центрам происходящее в нем промышленное освоение носит более интенсивный характер по сравнению с другими районами Севера. Расположенный здесь Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), входящий в состав Тюменской области, по праву является крупнейшим центром газодобывающей промышленности и позиционируется как основной российский форпост в освоении Заполярья. По официальной информации добыча газа в данном административном образовании осуществляется 36 предприятиями на 96 месторождениях, а разработка нефти производится 17 предприятиями на 59 месторождениях. Также активно проводятся геологоразведочные и поисково-оценочные работы, инфраструктурное строительство, прокладывание коммуникаций и т.д. [Российская Арктика..., 2016, с. 50].

Вместе с тем данная территория является местом расселения ненцев, хантов и селькупов, являющихся местными аборигенными этносами. Согласно данным последней переписи 2010 г. численность этих трех этнических групп составила всего 41249 чел., или 8,2% от общего количества проживающих в регионе [Информационные материалы...]. В конце 1950-х гг. аборигены составляли треть жителей ЯНАО. Резкое сокращение их доли в структуре населения, зафиксированное во второй половине XX в. было связано, прежде всего, с притоком в округ значительного числа переселенцев из других регионов СССР, что было обусловлено активным промышленным развитием региона. При этом исследователями отмечается, что, несмотря на небольшой удельный вес, общая численность коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе на протяжении второй половины XX в. и в начале XXI в.

постоянно росла. За это время количество ненцев в округе почти удвоилось, хантов стало больше на 37%, а селькупов – на 28% [Мартынова, 2012, с. 63].

Интенсивное нефтегазовое освоение и большой миграционный приток населения предопределили демографическую структуру местного социума. ЯНАО является одним из наиболее урбанизированных регионов Российской Федерации, где удельный вес горожан составляет 85%. Представители аборигенных этносов в основном традиционно проживают в сельской местности, доля горожан в их общей численности не превышает 20%. По данным за 2013 г., в сельской местности проживало 142 тыс. чел., из них КМНС – 40,8 тыс. (29%) [Российская Арктика..., 2016, с. 50].

Как и в других регионах, коренные народы ЯНАО заняты, прежде всего, в сельскохозяйственных отраслях экономики, где основными видами их деятельности являются оленеводство, рыболовство, охота, а также переработка мяса, рыбы и пушно-мехового сырья. Округ занимает лидирующее положение по производственно-экономическим показателям и культуре ведения оленеводства среди арктических регионов Российской Федерации. На начало 2015 г. в автономном округе насчитывалось 672,5 тыс. голов, что составило около 53% от общероссийского поголовья домашних северных оленей, при том что в 2013 г. численность оленей в ЯНАО превышала отметку в 700 тыс. [Зуев, 2015, с. 103].

Оленеводство сейчас является основной отраслью традиционного хозяйства и по доли занятости в ней представителей КМНС, и по уровню производства продукции. При этом исследователями отмечается, что традиционная культура аборигенов Ямала сохранилась, прежде всего, у сообществ, ведущих кочевой образ жизни. Именно оленеводы остались наиболее привержены использованию в повседневном быту традиционных средств передвижения, типов жилищ, одежды, и т.д. У тех групп коренных малочисленных народов Севера, основными занятиями которых являются рыболовство и охота, пласт традиционной этнической культуры сохранился в меньшей степени. У аборигенов, проживающих в поселках и городах, этнокультурная самобытность в значительной мере

утрачена. Аналогичное соотношение отмечается и по функционированию родной речи. Оленеводы-кочевники сохраняют этнические языки, в то время как среди поселкового населения они почти исчезли из употребления [Российская Арктика..., 2016, с. 55].

Интенсивное освоение региона на протяжении нескольких десятилетий оказывало значительное влияние на местный традиционный уклад жизни. Несмотря на то, что в советский период властями проводилась большая работа по социально-экономическому и культурному развитию местных аборигенных меньшинств, их интересы не шли ни в какое сравнение с государственными приоритетами по интенсивному освоению природных ресурсов региона. С 60-х гг. XX в., периода начала активного развития нефтегазовой отрасли в Западной Сибири, проблемы коренного населения окончательно отошли для властей на второй план. Как результат, стали нарастать негативные тенденции: вывод из оборота земель традиционного природопользования, экологические нарушения, ограничение развития сельских районов, где преимущественно проживали аборигенные социумы, разрушение сакральных памятников и т.д. [Ямало-Ненецкий..., 2010, с. 43].

С середины 1980-х гг. о сложившейся к тому моменту ситуации начали сигнализировать национальная интеллигенция и прогрессивная общественность региона. Общественная конъюнктура того периода открыла широкое поле для дискуссий и обсуждений, затрагивающих проблемы аборигенных этносов, в ходе которых звучали критические оценки последствий проводимой национальной политики. Развернувшаяся полемика в научном сообществе, средствах массовой информации, в среде интеллигенции, а также на низовых партийных площадках позволила заявить в открытой форме о трудностях, с которыми сталкивались северные жители, что, в свою очередь, резко контрастировало с традиционной официальной позицией государства.

Сформировавшаяся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. ситуация открыла для коренных меньшинств новые возможности не только в вопросах социально-экономического развития. Рост национального самосознания аборигенных этносов Севера привел к усилению их политиче-

ской активности, а также увеличил интерес к собственной этнической культуре и истории. В 1988–1989 гг. группа представителей местной национальной интеллигенции начала обсуждать перспективы создания особой общественной организации по защите своих прав. Участников создания общественной организации поддержал первый секретарь Ямало-Ненецкого окружного КПСС В.П. Первушин и председатель окрисполкома Г.А. Бурцев. Как результат, в октябре 1989 г. в г. Салехарде был проведен учредительный съезд, делегаты которого представляли ненцев, ханты, селькупов, коми-зырян, а также русское старожильческое население. На нем было образовано окружное общественное движение «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа “Ямал – потомкам!”», первым президентом которого стал ненец С.Н. Харючи [Ямало-Ненецкий..., 2010, с. 43]. Основными целями новой организации являлись защита прав и законных интересов, а также содействие решению проблем социально-экономического и культурного развития северных этносов ЯНАО [Региональное общественное движение...].

Представители нового объединения приняли участие в работе по организации первого Съезда народов Севера, проходившего в Москве в 1990 г. С.Н. Харючи был одним из выступавших представителей аборигенов, представивших свои программы дальнейшего развития северных автономий, их экономики, социальной сферы и культуры. Среди рекомендаций были такие, как предоставление автономным образованиям законодательных прав; определение статуса национальных районов и местных Советов; создание центрального органа для управления делами на Севере; обеспечение реальных избирательных прав (представительство в Советах); подчиненность автономных округов непосредственно РСФСР; защита права народов Севера распоряжаться землей и ресурсами и т.д. [Соколова, 1990, с. 144]

Представитель ЯНАО был также одним из тех, кто озвучил призыв к делегатам съезда обратиться в Верховный Совет СССР с просьбой, как можно скорее ратифицировать «Конвенцию о коренных и ведущих племенной образ жизни народах независимых стран», принятую Международной конфедерацией труда в июне 1989 г.

в Женеве (76-я сессия). В результате обсуждения обоих докладов съезд пришел к выводу, что проект Комплексной программы отвечает нуждам и чаяниям северян, и рекомендовал Совету Министров РСФСР и Госплану СССР совместно с Советом Ассоциации малочисленных народов Севера доработать ее с учетом высказанных замечаний и предложений [Там же, с. 144].

В 1992 г. ассоциация «Ямал – потомкам!» провела научно-практическую конференцию, где с участием ученых, представителей коренного населения, депутатов окружного Совета была разработана «Концепция социально-экономического и культурного развития малочисленных народов Севера в новых экономических условиях». В дальнейшем принятый документ способствовал созданию новой стратегии устойчивого развития региона.

Важнейшим направлением деятельности ассоциации стало налаживание отношений с представленными в регионе предприятиями нефтегазового комплекса. В 1992–1993 гг. С.Н. Харючи участвовал в совещаниях главы администрации ЯНАО с руководством РАО «Газпром» по условиям акционирования отрасли, в ходе которых были учтены интересы аборигенного населения. В тот период был накоплен значительный опыт взаимодействия ассоциации «Ямал – потомкам!» и Газпрома, который в обобщенном виде вошел в нормативно-правовые акты государственной власти региона по сотрудничеству коренных жителей и промышленных предприятий по вопросам отвода земель под индустриальное освоение, защите традиционного землепользования и т.д. [Ямало-Ненецкий..., 2010, с. 44].

В 1996 г. по предложению этнических активистов в системе администрации ЯНАО был создан Департамент по делам коренных малочисленных народов Севера. Его структурные подразделения открылись в администрациях муниципальных образований автономного округа. В 1999 г. было образовано молодежное отделение ассоциации, призванное обеспечивать преемственность в её деятельности, а также привлекать юное поколение северян к общественной деятельности.

В 2002 г. было заключено Соглашение между администрацией Ямало-Ненецкого автономного округа и ассоциацией «Ямал – потомкам!». Сто-

роны договорились о взаимодействии в вопросах подготовки и проведения совместных мероприятий, направленных на решение проблем аборигенного населения округа; подготовки нормативно-правовых актов, обеспечивающих его социально-экономическое и культурное развитие; сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности; защиты прав на самоуправление; среды обитания; культуры и языка, оказания со стороны органов власти содействия работе ассоциации [Российская Арктика..., 2016, с. 70].

В начале XXI в. организация «Ямал – потомкам!» взяла на себя функции защиты окружающей среды, а также оказания юридической помощи аборигенам. Ее деятельность стимулировала формирование политически и экономически активной прослойки в среде малочисленных народов. Как отмечено исследователями, из наиболее деятельных членов ассоциации образовалась этническая элита, значительная часть которой стала известными в своих округах политическими деятелями, учредителями национальных предприятий и родовых общин. Присутствие представителей окружной ассоциации в органах государственной власти способствовало прохождению региональных законов, касающихся положения коренного населения, а также финансированию различных программ по их социально-экономическому развитию [Мартынова, 2012, с. 82].

Ассоциация «Ямал – потомкам!» в настоящий момент не единственная организация подобного рода в ЯНАО. В марте 2002 г. на Учредительной конференции оленеводов, представлявших различные предприятия и организации, занимающихся традиционным оленеводством, был образован Союз оленеводов Ямало-Ненецкого автономного округа во главе с председателем Леонидом Ивановичем Худи [Союз оленеводов ЯНАО]. За время своего существования Союзом было реализовано несколько крупных проектов – уборка тундры от бытового и строительного мусора на маршрутах кочевки оленеводов, инновационный проект по созданию единой информационной базы данных оленеводства коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации, организация отдыха для пожилых людей и детей в этнографическом стойбище и т.д. [Союз оленеводов Ямало-Ненецкого...].

В январе 2007 г. в г. Салехарде была образована Салехардская городская национально-

культурная автономия хантов «Пулнгат». Ее целью стало возрождение, развитие и распространение хантыйского языка и литературы, национальной истории, культуры, образования, народных промыслов, традиций и обычаев. Активистами данного объединения проводится значительная общественная работа. Так, например, их усилиями был организован клуб хантыйской культуры «Пулнгат мохэт». В его рамках проводятся различные мероприятия, связанные с молодежью. Проходят мастер-классы, охватывающие многие аспекты культуры, традиций, обычаев, верований ханты с параллельным изучением языка применительно к конкретным бытовым ситуациям. Члены автономии регулярно принимают участие в городских мероприятиях, способствующих укреплению межнациональных отношений, – это Фестиваль дружбы народов, День середины лета и т.д. [Местная общественная организация...].

К настоящему времени, несмотря на сложности в социально-экономическом и культурном развитии, аборигенные сообщества ЯНАО сумели сохранить свою национальную идентичность и традиции. Во многом благодаря своей активной общественной позиции они сумели получить новые возможности для дальнейшего этнического развития. В постсоветский период для коренного населения региона были созданы условия, в том числе и на законодательном уровне, способствующие росту самостоятельности, проявлению инициативы. В это время среди малочисленных народов появилось новое поколение этнических лидеров, возросло значение национальной интеллигенции.

На сегодняшний день все объединения коренных народов ЯНАО по-прежнему активны и продолжают свою деятельность. Благодаря этому были достигнуты значительные возможности для дальнейшего развития языков и культуры, а на уровне общественного сознания произошёл поворот к системному пониманию проблем местных сообществ. При этом, несмотря на то, что в общественном мнении ЯНАО существует точка зрения о недостаточно активной позиции активистов в отстаивании интересов северных этносов [Российская Арктика..., 2016, с. 72], следует признать, что данные организации играют важную роль в жизни аборигенного населения, консолидируя его и обеспечивая

связь с промышленными предприятиями и властными структурами.

Литература и источники

Зуев С.М. Оленеводство в Ямало-Ненецком автономном округе: перспективы и проблемы // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2015. – № 3. – С. 103–107.

Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Сайт Федеральной службы государственной статистики. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls (дата обращения: 30.01.2019).

Мартынова Е.П. Ямало-Ненецкий автономный округ // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. – М.: Издание ИЭА РАН, 2012. – С. 62–83.

Местная общественная организация «Национально-культурная автономия хантов “Пулнгат” города Салехард» // Официальный сайт города Салехард. URL: <https://www.salekhard.org/city/obshchestvennye-instituty/obshchestvennye-organizatsii/7758/> (дата обращения: 12.02.2019).

Региональное общественное движение «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера ЯНАО “Ямал – потомкам!”» // Сайт Департамента по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://dkmns.yanao.ru/activity/920/> (дата обращения: 08.02.2019).

Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под ред. В.А. Тишкова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 271 с.

Соколова З.П. Съезд малочисленных народов Севера (взгляд этнографа) // Сов. этнография. – 1990. – № 5. – С. 142–146.

Союз оленеводов Ямало-Ненецкого автономного округа // Официальный сайт города Салехард. URL: <https://www.salekhard.org/city/obshchestvennye-instituty/obshchestvennye-organizatsii/7758/> (дата обращения: 12.02.2019).

Союз оленеводов ЯНАО // Сайт Департамента по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://dkmns.yanao.ru/activity/920/> (дата обращения: 12.02.2019).

Ямало-Ненецкий автономный округ // Мир коренных народов – Живая Арктика. Альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – 2010. – № 24. – С. 43–46.

S.A. Grigorev

Indigenous movements of the Yamalo-Nenets Autonomous District at the end of the XX–XXI centuries.

The presented article is the result of research work to highlight the history of the socio-political movement of indigenous peoples of the Arctic regions of Siberia and the Far East of Russia. It describes the ethnic activity of the aboriginal communities of the Yamalo-Nenets Autonomous District at the turn of the XX–XXI centuries. Active industrial penetration into the territory of the traditional area of the Nenets, Khanty and Selkup created a threat to their ethnic culture, and also worsened their socio-economic situation. At the same time, despite the active development of the region, the indigenous population managed not only to preserve their traditional way of life, but also significantly increase the main indicators of production. It is noted that the growth of ethnic problems in the late 1980s led to an increase in national identity as a reaction to the accumulated problems. As a result, the emergence of the first organization of indigenous peoples “Yamal – descendants”. The activity of this organization, as well as the formation of new ethnic associations, allowed Aboriginal people to preserve their national identity and traditions. Thanks to an active social position, in the post-Soviet period, conditions were created for the indigenous population of the region, for the growth of independence, for the manifestation of initiative. At present time, these organizations still play an important role in the life of the aboriginal population of the Yamalo-Nenets Autonomous District.

Keywords: indigenous peoples, Yamal-Nenets Autonomous District, ethnic movement, activism, “Yamal – descendants”, industrial development, state policy, ethnic associations, traditional economy, reindeer herding.

С.Е. Никитина

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.06.

УДК 94:32(571.56)“1941/1945”

Региональные органы управления общественно-политической жизнью ЯАССР в годы Великой Отечественной войны

В статье освещены основные формы государственного и партийного управления общественно-политической жизнью в Якутской АССР в годы Великой Отечественной войны; отмечена передача приоритета советам народных депутатов в реализации директив руководства страны, в отличие от первичных организаций ВКП (б) сложившихся повсеместно. Показаны методы и инструменты идеологического руководства со стороны советско-партийных и общественно-политических институтов, органов ВКП (б), ВЛКСМ, профсоюзов, женсоветов, ОСОАВИАХИМа и др. по подготовке и проведению агитационно-массовой, лекционной работы, массовой пропаганды посредством газет, журналов, кино. Рассмотрен подход центральных органов к повышению патриотического подъема населения через использование регионального национального компонента в идеологической работе. Как и по всей стране, в Якутской АССР вся социальная жизнь была подчинена основной задаче укрепления обороны, мобилизации человеческих и материальных ресурсов, поэтому представлялась важной военно-спортивная подготовка молодежи призывного возраста. Изучены правовые документы, определявшие значимость общественно-политической деятельности в военное время.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Якутская АССР, общественно-политическая жизнь, идеология, обком ВКП (б), комсомол, профсоюзы.

© Никитина С.Е., 2019

Война – экстремальная ситуация для общества и власти, выявляющая их способность к мобилизации сил, к противостоянию врагу. Цель данной статьи рассмотреть региональное управление в Якутской АССР по организации перехода социальной и экономической жизни республики на военные рельсы в глубоком тылу, имеющем важное стратегическое значение в укреплении обороноспособности страны (золото, слюда, олово и др.). Новизна статьи – в комплексном рассмотрении форм и механизмов государственного и партийного воздействия на рост патриотизма населения. Практическая значимость заключается в возможности использования информационного контента статьи при составлении учебных пособий по истории Якутии периода Великой Отечественной войны.

В условиях тяжелейших испытаний наряду с материальными факторами (военно-экономический потенциал, технологический уровень производства, демографические ресурсы и т.д.) огромная роль принадлежала моральному состоянию общества. В Великой Отечественной войне и государство, и народ смогли выжить и победить лишь при предельной мобилизации и напряжении всех сил. С первого дня войны были проведены мероприятия, направленные на централизацию партийно-государственной системы. 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указы: «О мобилизации военнообязанных» (призыв граждан 1905–1918 годов рождения, первый день явки – 23 июня 1941 г.), «Об объявлении в отдельных местностях военного положения», «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий». 23 июня Постановлением СНК (Совет народных комиссаров) и ЦК ВКП (б) (Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)) была создана Ставка Главного командования, принято постановление о задачах партийных и советских органов в условиях военного времени. ЦК ВЛКСМ (Центральный комитет Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи) принял постановление «О мероприятиях по военной работе в комсомоле». 25 июня постановлением СНК и ЦК ВКП (б) было образовано Совинформбюро (Советское информационное бюро). 26 июня Президиум Верховного Совета

издал указы: «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», по которому руководителям предоставлялось право устанавливать сверхурочные работы до трех часов в день, отменять очередные и дополнительные отпуска с заменой их денежной компенсацией; «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» [Великая Отечественная война..., 1990, с. 28–34].

Идеологические факторы имели решающее значение в формировании общественно-политической жизни, массовых умонастроений, чувств, повседневного сознания советских людей. Уже в первом обращении советского правительства к народу, сделанном 22 июня 1941 г. заместителем Председателя Совета народных комиссаров СССР и наркомом иностранных дел В.М. Молотовым, была проведена параллель между начавшейся войной и событиями 1812 г., объявлены цели войны – «За Родину! За честь! За свободу!», прозвучали ключевые лозунги – «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!», а сама война была провозглашена «Отечественной». 23 июня 1941 г. в газете «Кыым» был опубликован текст выступления В.М. Молотова на якутском языке для широкого оповещения якутского населения вплоть до дальних наслегов [Кыым, 1941].

Весть о нападении на нашу страну гитлеровской Германии была воспринята с тревогой за судьбу Родины. В городах и районных центрах состоялись многочисленные митинги и народные собрания, где выступающие, осудив вероломство фашистской Германии, заявляли о своей готовности встать на защиту Отечества. В Якутской АССР патриотический подъем охватил всех советских граждан, начался добровольный призыв, помимо которого была проведена плановая мобилизация военнообязанных. Всего из Якутии было призвано в ряды действующей армии 62091 чел. Первая массовая мобилизация началась в июле 1941 г., призывались военнообязанные 1905–1918 года рождения (далее – г.р.), всего было призвано 17179 чел. Самым массовым явился второй призыв 1942 г., мобилизации подлежали военнообязанные 1919–1924 г.р., общее число их составило 23748 чел. В 1943 г. призывались военнообязанные запаса и призывники 1925 и 1926 гг., всего было

мобилизовано 13894 чел. В 1944 г. призывались военнообязанные запаса 1927 г.р. и лица до 45 лет, было призвано 5068 чел. В 1945 г. были мобилизованы 2 202 чел. На фронт ушла почти вся здоровая, работоспособная часть населения 18 центральных и южных районов республики. Среди малочисленных народов северных районов общего обязательного призыва в действующую армию не производилось.

Якутия, удаленная на многие километры от линии фронта, как и вся страна, перестроив народное хозяйство на военный режим, всеми ресурсами трудового фронта приближала Победу. В короткие сроки осваивались природные запасы стратегического сырья (золото, слюда, олово и др.), строились аэродромы для перелета самолетов из США через Красноярск на фронт по ленд-лизу, открывались новые и наращивали темпы уже работавшие промышленные предприятия (лесозаготовки, судостроения, рыбзаводы и др.), перевыполнялись по-фронтовому нормы по добыче пушнины, вносились государственные займы, собирались средства на танковые колонны и самолеты, по-ударному трудились на колхозных полях и фермах. Несмотря на массовый патриотический порыв «Все для Победы!» огромное значение придавалось идеологической и общественно-политической работе среди трудовых коллективов, молодежи и населения.

На рубеже 1930–1940-х гг. развитие системы идеологической работы в СССР происходило под жестким государственным контролем единого руководства партийных органов ВКП (б) в сторону централизации и осуществлялось Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП (б). В январе 1941 г. на совещании Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) было отмечено, что «партия и правительство провели ряд мероприятий по подготовке страны к любым неожиданностям, чтобы выйти победителями из любых трудностей». Среди основных мер было обозначено, что «Все партийные работники, особенно руководящий состав, должны вести постоянную агитационную работу в массах по разъяснению лозунгов и решений партии не только по выполнению производственных заданий, но и по готовности к мобилизации выполнения любого задания партии» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 17. Л. 14]. Война еще более укрепил

ла партийно-государственную систему, беспрекословность подчинения вертикали власти нашла отражение в директивной форме передачи руководящих решений. Политбюро ЦК ВКП (б) выносились специальные директивы от 27 июня, 29 июня, 10 ноября 1941 г. по мобилизации руководящих партийных, комсомольских и советских работников для идеолого-политической работы.

В директиве ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 г. указывалось, что государственные и партийные органы должны искоренить благодушие и беспечность, проявление которых очень опасно в военных условиях, обеспечить укрепление общественной, государственной, военной и трудовой дисциплины, мобилизовать все силы на разгром фашизма. В новой обстановке была проведена перестройка государственного аппарата. Условия войны и в Якутской АССР, находившейся в глубоком тылу, резко повысили требования к системе управления обществом и производством, к общественной и производственной дисциплине на всех уровнях и во всех звеньях. Для конкретного и оперативного руководства отдельными отраслями народного хозяйства с учетом требований военного времени были внесены изменения в структуру самого аппарата Якутского ОК ВКП (б) (областного комитета) ВКП (б). Еще до войны образованный военный отдел был облечен самыми широкими полномочиями. Создавались новые отделы: рыбной промышленности, животноводства, торговли и общественного питания. Постановлениями ЦК ВКП (б) от 6 августа 1943 г. были учреждены должности заместителей секретарей по промышленности, по рыбной промышленности, по транспорту, по животноводству. Проводниками правительственной политики в борьбе за массовое сознание служили идеолого-пропагандистские институты – партия, комсомол, разветвленная система общественных организаций. Были разработаны и широко внедрялись в повседневную работу партийных и советских органов инструменты воздействия – с одной стороны, поощрение позитивных качеств, популяризация позитивных образцов поведения, создание индивидуальных и коллективных символов, олицетворяющих поощряемую модель поведения; с другой – осуждение и наказание за паникерство, негативные формы поведения. Эти установки

должны были формировать общепсихологические качества: мужество, стойкость, готовность к самопожертвованию [Народ и война..., 2010, с. 129]. Важнейшими средствами агитационно-пропагандистской работы являлись плакаты и лозунги, которые внушали уверенность в неизбежности Победы и мобилизовали на трудовой героизм в советском тылу. Средствам массовой информации (радио, пресса, кинофильмы) отводилось огромное значение, они служили проводниками пропагандистских установок.

Особый характер носили награды коллективам в годы Великой Отечественной войны. В целях повышения мотивации и развития трудового соревнования создавались новые формы морального и материального стимулирования. Так, в 1942 г. впервые были учреждены переходящие Красные знамена ЦК ВКП (б) и ГКО (Государственного Комитета Обороны), а также ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов) и наркоматов (народных комиссариатов), ЦК профсоюзов, имевшие денежное сопровождение в форме премий. Большое значение имели личные телеграммы с выражением благодарности Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина за вклад в фонд обороны, государственные займы, сбор теплых вещей для бойцов Красной Армии, выполнение планов стахановскими бригадами и др.

На 1 июля 1941 г. в Якутской областной организации ВКП (б) насчитывалось 427 первичных партийных организаций, 84 кандидатские группы и 31 партийно-комсомольская группа. В них состояло 4644 члена и 2159 кандидатов в члены партии. В первые дни войны были мобилизованы слушатели ленинских курсов при ЦК ВКП (б) и переданы в подчинение Главного управления политической пропаганды Красной армии. За первые шесть месяцев ушли на фронт 84 политработника, в том числе из аппарата ОК ВКП (б) – 12, Алданского окружкома – 10, Якутского горкома – 5, всего на фронт ушли 2200 коммунистов [Петров, 1992, с. 240]. На заседаниях бюро обкома, горкома и райкомов партии регулярно шел разговор о росте партийных рядов, как ключевой он обсуждался на повестке VI и X пленумов обкома ВКП (б). Так, с 1 июля 1941 г. по 30 декабря 1944 г. было принято в ряды якутской партийной организации 2738

членов и 4453 кандидата, всего 7191 чел. [Там же, с. 241]. Особенностью республиканских местных партийных организаций, за исключением производственных, была их малочисленность, даже в ближайшем к столице Якутском районе первичные сельские парторганизации объединяли коммунистов ряда колхозов. На 1 января 1944 г. из 479 первичных партийных организаций только 168 объединяли свыше 10 коммунистов, 311 организаций состояли из 10 и менее чел., в том числе 140 парторганизаций с числом от 3 до 5 членов. На 30 декабря 1944 г. якутская областная партийная организация включала в себя 540 первичек, 154 кандидатские и 44 партийно-комсомольские группы, в которые входили 4769 членов и 2747 кандидатов в члены партии. При этом на селе статистика демонстрировала слабый охват партийной организацией, из 959 колхозов первичные партийные организации были созданы только в 62 колхозах, колхозные партячейки отсутствовали в таких крупных сельскохозяйственных районах, как Сунтарский, Верхневилуйский, Кобяйский, Чурапчинский. Так, например, в Нюрбинском районе из 74 колхозов только в одном была создана первичная партийная организация.

Отсутствие повсеместно партийных организаций, а также малочисленность и неопытность имеющихся первичных ячеек ВКП (б), и наоборот, полный территориальный охват советами поставили перед руководством республики задачу повышения роли советов в общественной жизни, в том числе активизации их деятельности по организационно-массовой работе вокруг важнейших директив партии [НА РС (Я). Ф. 52. Оп. 8. Д. 28. Л. 151]. На 1 июля 1941 г. в республике работали: 1 окружной, 38 районных, 7 городских, 428 сельских и 22 поселковых совета. В них насчитывалось 5317 депутатов [Там же. Ф.П.3. Оп. 65. Д. 254. Л. 22]. Усилилось значение исполнительных органов советов, ряд исключительных полномочий советов осуществлялся исполкомами. Исполкомы вышестоящих советов могли без проведения дополнительных выборов, путем кооптации пополнять состав исполкомов нижестоящих советов представителями партийно-советского актива, по существу практика выборов была заменена системой назначения. В период войны были отложены очередные выборы в советы всех ступеней, были продлены полномочия

соответствующих советов, продолжали выполнять свои обязанности избранные в предвоенное время депутаты Верховного Совета СССР, Верховного Совета Якутской АССР и местных советов. Полномочными признавались сессии советов, на которых присутствовало 2/3 наличного состава депутатов, тогда как по Конституции в мирное время для этого требовалось присутствие 2/3 избранных депутатов.

По отчетам 1941 г. отмечено, что сессии местных советов и заседания исполнительных комитетов проводились регулярно. На повестках стояли насущные вопросы организации всенародной помощи фронту, первоочередные задачи советов по выполнению партийных директив, указов правительства. Депутаты местных советов рассматривали пути решения заданий военного времени по добыче золота, пушнины, рыбы, по животноводству и полеводству, по реализации планов государственных поставок, займов и др. По данным местных советов ЯАССР за 1939–1944 гг. [Там же. Ф.П.3. Оп. 65. Д. 501. Л. 47], после мобилизации около 50% депутатского корпуса, ушедших на фронт, вместо сессий проводились расширенные заседания исполкомов с участием местного населения, чаще это были общие собрания граждан.

После массового призыва на фронт в 1942 г. одной из сложных проблем являлась подготовка кадров. Несмотря на тяжелое военное время, были открыты различные курсы и школы по подготовке руководящих кадров и работников массовых профессий. Сложность представляло то, что председатели исполкомов назначались из имеющих в наличии немобилизованных на фронт по здоровью или по возрасту, преимущественно из малоопытных. Подготовкой их к руководящей деятельности смогли заняться только в марте – апреле 1944 г. В Якутске, Олекминске, с. Нюрба были проведены одномесячные курсы, а в июне – сентябре трехмесячные курсы, где прошли учебу около 90% всего состава председателей наслежных и поселковых советов [Там же. Л. 79 об.]. Сложности сказались и на ослаблении агитационной пропаганды среди населения из-за мобилизации активной части работников.

С целью усиления роли советов на местах в идеологической работе с населением ОК ВКП (б), Президиум Верховного Совета, СНК

ЯАССР принимали программные документы: постановление СНК ЯАССР «О мероприятиях по улучшению организационно-массовой работы наслежных, поселковых, сельских и городских Советов депутатов трудящихся» от 16 декабря 1943 г., решение бюро Якутского обкома партии «О недостатках в организационно-массовой работе местных Советов в некоторых районах республики» от 2 марта 1944 г. Предлагалось на заседаниях СНК ЯАССР для контроля работы районных советов заслушивать их отчеты, оказывать помощь советам по организующей роли советов на селе, в проведении идеологической агитации и пропаганды на предприятиях и в колхозах [НА РС (Я). Ф. П. 3. Оп. 186. Д. 90. Л. 10].

В первом квартале 1944 г. при 38 районных, 7 городских, 22 поселковых и 422 наслежных советах работало 1549 комиссий, больше чем в довоенное время. В них трудилось 7629 членов, среди них 2280 женщин. На демократизации роли советов сказывалось реальное возложение на них хозяйственных полномочий во всей полноте, они несли ответственность за решение хозяйственных и политических вопросов. В апреле 1945 г. бюро ВКП (б) вернулось к вопросу о работе наслежных советов, было принято решение усилить партийное руководство райкомами над деятельностью наслежных советов, объясняя это неопытностью набранных новых кадров [Там же. Оп. 187. Д. 55. Л. 15].

Труднейшие задачи военного времени, которые не всегда можно было решить традиционными методами государственного принуждения, выполнялись зачастую коммунистами в силу партийного долга, партийной обязанности и ответственности за страну. Основной формой планирования стали квартальные, месячные и даже декадные планы. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли после начала войны мобилизационный план на III квартал, а в августе 1941 г. военно-хозяйственный план на IV квартал. Внимание уделялось повышению идейно-теоретического уровня идеологических работников, партийных, советских и хозяйственных кадров, участвующих в агитационной работе. Проводились семинары агитаторов, инструктивные методические совещания и обмен опытом. При ОК ВКП (б) были открыты советско-партийные курсы, впоследствии на их базе была образована годичная

областная партийная школа для подготовки и переподготовки партийных, комсомольских работников. При подборе руководящих кадров государственного аппарата руководствовались принципом высокого профессионализма, требовательности и ответственности, вели работу по созданию резерва для замены военнообязанных руководителей на случай их призыва [Там же. Л. 6–7]. И даже оппозиционно настроенными исследователями признается, что повсеместный трудовой героизм, энтузиазм людей был ответной реакцией на высокий уровень массовой агитационной работы, подкрепленной их патриотическим желанием скорейшей победы. Повышение требований по контролю исполнения было обусловлено и, в некотором роде, объяснимо грозящими последствиями «суровой ответственности, вытекающей из условий военного времени» [Там же. Оп. 183. Д. 1. Л. 5].

ОК ВКП (б) и СНК ЯАССР придавали особое значение, как важному виду организационно-массовой работы, широкому развертыванию разъяснительной массовой и политико-просветительной работы среди населения вокруг важнейших директив партии и правительства, регулярному созыву и проведению сессий, а там где нет кворума депутатов – проведению совещаний местного актива по вопросам работы депутатов, а также текущих хозяйственно-политических кампаний [Там же. Ф. 52. Оп. 8. Д. 26. Л. 157]. В 1943 г. при Якутском горкоме партии открылся вечерний университет марксизма-ленинизма, сыгравший важную роль в подготовке пропагандистских кадров. Занятия проводились один раз в неделю по 4 часа в течение одного года. К преподаванию привлекались профессор А.П. Окладников, доценты Т.А. Шуб, А.Е. Мординов, лекторы обкома ВКП (б) Л. Эльбов, В. Голиков, П.У. Петров, ректором работал Э.И. Брандт. Среди его двухсот выпускников были работники партийных, советских, хозяйственных органов и учреждений, педагоги, врачи, инженеры, военные, пропагандисты и агитаторы. Увеличилось число агитаторов, если в 1941 г. их было около 3 тыс., то в 1942 г. их стало более 6300, а докладчиков и лекторов – 700 [По ленинскому пути, 1942, № 10, с. 34]. В целях реализации постановления ЦК ВКП (б) «Об организации политических докладов партийных и советских работников для сельского на-

селения» от 17 июля 1943 г. за 9 месяцев по 30 районам было проведено 12375 политических докладов и лекций, более 60 тыс. бесед и чтот [Там же, 1943, № 8–9, с. 33].

Большое значение в комсомольской работе отводилось государственной задаче ликвидации неграмотности, обучению малограмотных. В 1940 г. из 31940 неграмотных были обучены 12440 чел. При этом наиболее слабыми в ведении работы по ликвидации неграмотности были названы г. Якутск, Верхоянский, Алданский округа, Таттинский и Чурапчинский районы [НА РС (Я). Ф. 52. Оп. 28. Д. 2. Л. 261].

В предвоенные годы комсомол развернул работу по патриотическому воспитанию советской молодежи в духе преданности своей социалистической родине, проводилась работа по привлечению молодежи к массовым занятиям физкультурой и спортом, к обучению в оборонных кружках по подготовке значкистов «Готов к труду и обороне» (ГТО) и Ворошиловских стрелков. Еще в довоенное время в техникумах были организованы кружки по изучению военного дела, где студенты изучали материальную часть стрелкового оружия, ручного и станкового пулемета. Занятиями руководили курсанты и младшие командиры Якутской национальной военной школы. Почти круглый год проводились стрельбы из малокалиберной винтовки по сдаче норм название Ворошиловского стрелка. В Якутске студенты кооперативного и пушно-мехового техникумов активно занимались в аэроклубе.

В идеологической работе большое внимание уделялось спортивной, военной подготовке и деятельности ОСОАВИАХИМа. В 1945 г. на бюро обкома партии были подведены итоги его работы за военные годы. В период Великой Отечественной войны в республике было подготовлено более 24 000 Ворошиловских стрелков, более 10000 чел. было обучено различным военным специальностям, подготовлено 2863 инструктора-общественника по ПВХО и 218 младших командиров.

В годы войны перед партийными организациями была поставлена задача кардинально поднять уровень общественной активности профсоюзов. Созданные в революционные дни 1917 г. профсоюзы, например, почтово-телеграфных служащих, электриков, извозчиков,

позднее объединившие работников производственных предприятий, активно боролись за ликвидацию неграмотности, участвовали в социалистическом соревновании и в других общественно значимых кампаниях страны. С ликвидацией в 1937 г. ЯОСПС (Якутский областной совет профсоюзов) работа профсоюзов заметно ослабла. К началу 1941 г. профсоюзы республики насчитывали 36605 чел. [Профсоюзное движение..., 2016, с. 49]. Подводя итоги работы местных комитетов профсоюзов за 1941 г., бюро Якутского обкома ВКП (б) от 30 марта 1942 г. отметило отсутствие контроля райкомов партии над деятельностью местных первичных профсоюзных комитетов Олекминского, Ленского, Мегино-Кангаласского, Аллах-Юньского, Таттинского, Намского, Сунтарского, Якутского районов, признав «ее недопустимо запущенной». Среди недостатков были указаны безынициативность в сборе средств на денежно-вещевую лотерею, строительство танковой колонны, задолженность по уплате членских взносов и др. [НА РС (Я). Ф.П. 3. Оп. 183. Д. 50. Л. 17].

Важную роль профсоюзы сыграли в решении задач подготовки кадров для армии, в обучении населения оборонным профессиям, в действии организации всеобщего военного обучения. Добровольные спортивные общества профсоюзов, физкультурные коллективы предприятий, обществ ОСОАВИАХИМа и Красного Креста через сеть специальных подразделений военного всеобуча среди молодежи готовили пулеметчиков, снайперов, гранатометчиков, бойцов-лыжников, связистов и др. Профсоюзы участвовали в организации и проведении массовых лыжных соревнований, комсомольских кроссов, спартакиад, в сдаче норм ГТО. Для руководства развитием физкультуры и спорта в республике был создан Комитет при СНК ЯАССР. В постановлении СНК ЯАССР за № 949 от 5 августа 1942 г. «О работе Республиканского Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК ЯАССР и мероприятиях по физической культуре и спорту в ЯАССР» отмечалось, что «физкультурная работа в республике находится в крайне неудовлетворительном состоянии и особенно в районах: Ленском, Олекминском, Орджоникидзевском и др. Республиканский и районные комитеты не перестроили свою работу на военный лад, не обе-

спечили выполнение плана по подготовке значков ГТО I ступени, ГТО II ступени и ВГТО. При заданном плане 2420 чел. выполнение 928 чел. на 1 июля 1942 г. Райкомы по делам физкультуры и спорта, советы добровольно-спортивных обществ совершенно забросили работу по массовому вовлечению молодежи в физкультурное движение, не организовали секционной работы, в результате чего ни одна секция: волейбол, баскетбол, гимнастика не работают. Бездействуют Мегино-Кангаласский, Якутский сельский, Нюрбинский, Сунтарский, Орджоникидзевский. Постановление СНК ЯАССР № 255 от 15 февраля 1941 г. не выполнено. Такие виды, как автомобилостроение, альпинизм, туризм, городки и т.п., не культивируются. Физкультурно-массовая работа во внеучебное время в школах, техникумах не проводится, а зачастую не ведутся плановые уроки по физкультуре, особенно в средних и неполносредних школах республики. Провал объясняют отсутствием высококвалифицированных кадров и спортивного инвентаря. Обязать Республиканский комитет перестроить в кратчайший срок работу на военный лад. Обеспечить внедрение в практику национальных видов спорта – “куобах”, “кылыы”, “буур”, “масс-тардысыыта”, “ыстанга” и т.д.» [Там же. Ф. 52. Оп. 8. Д. 27. Л. 118].

В целях реализации постановления Секретариата Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов № 565 от 26.09.1942 г. «О работе профсоюзных организаций по подготовке лыжников зимой 1942/1943 гг.» перед региональными организациями ставилась задача: в предстоящем зимнем сезоне следует подготовить «лыжников, хорошо владеющих лыжной техникой и приемами боевых действий на лыжах. В течение зимы подготовить 900.000 лыжников. Комплектование лыжных отрядов произвести за счет молодежи. Вся подготовительная работа и обеспечение лыжным инвентарем должны быть повсеместно закончены к 25 ноября 1942 г., к регулярным занятиям приступить не позднее 1 декабря 1942 г. Занятия проводить 2 раза в неделю по 2–3 часа. Обеспечить твердую дисциплину и аккуратность посещаемости. Утвердить план организации 60 общественных лыжных баз с общим количеством 22.300 пар лыж» [Там же. Д. 28.

Л. 38]. В целях решения задачи военной подготовки молодежи вышло постановление СНК ЯАССР № 1487 от 21 декабря 1942 г. «О проведении по ЯАССР профсоюзно-комсомольского кросса по лыжам с 10 по 25 марта 1943 г. для массового вовлечения трудящихся в военно-физическую подготовку лыжников – бойцов военного времени и содействия массовой сдаче норм по комплексу “Готов к труду и обороне СССР”. Особое внимание отводилось необходимости организации систематической тренировки, обеспечению агитационно-массовой работы. От председателей исполкомов Алданского окружного, Якутского городского, районных советов требовалось широко популяризировать проведение этого кросса среди колхозной, ученической и производственной молодежи и добиться массового участия, а также того, чтобы каждый участник имел свои собственные лыжи. Необходимость обязательного систематического освещения хода подготовки и проведения кросса вменялась в повседневную работу редакциям районных газет, «Социалистической Якутии», «Кыым», Якутскому радиокомитету и радиоузлам.

В декабре 1942 г. профсоюзы провели единовременный сбор средств на постройку танков и самолетов. Жители Якутии за годы войны внесли в фонд обороны около 38 млн руб., на строительство боевой техники – более 27 млн руб., в фонды помощи освобожденным районам, детям-сиротам и детям фронтовиков, в помощь семьям военнослужащих и на другие цели – 18,6 млн руб. На предприятиях организовывались коллективные и индивидуальные огороды, подсобные хозяйства. Профсоюзными организациями осуществлялся контроль над работой столовых, магазинов, снабжавших рабочих по продовольственным карточкам, при этом устанавливались факты «обвеса», сокрытия тех или иных товаров.

С ролью профсоюзов в годы Великой Отечественной войны тесно связана общественная деятельность женского движения. Война внесла изменения в соотношение женской и мужской рабочей силы в колхозном производстве в сторону увеличения удельного веса женщин в составе работников. В 1944 г. они составили свыше 60% работающего колхозного крестьянства.

Многие женщины, работая на различных участках сельскохозяйственного производства, показывали примеры трудового героизма. Обычной была выработка женщинами по 600–700 и более трудодней за год. Поскольку женщины стали основной силой после массовой мобилизации мужчин, они овладели техникой и техническими специальностями на промышленных предприятиях по добыче золота, шахтах Сангар, Джебарики-Хая, сели за штурвалы сельскохозяйственной техники. Возглавила женское движение под лозунгом «Все для фронта, все для Победы» председатель Президиума Верховного Совета ЯАССР Софья Петровна Сидорова, имевшая опыт работы в КУТБ (комиссия по улучшению труда и быта женщин) при ЯЦИК в период ее работы заведующей отделом по работе среди женщин и крестьянок Якутского обкома ВКП (б) в 1928–1929 гг. [Софья Сидорова..., 2005, с. 16–17].

Тяжелейшим испытанием для колхозников республики явились 1939–1942 гг., засуха и последовавшие за ней неурожай привели к страшному голоду и массовым голодным смертям. В массовой смертности от голода в годы войны роковую роль сыграла политика Якутского обкома ВКП (б) «категорического запрета сдачи в фонд обороны общественного скота», и выполнения плана сдачи в фонд обороны «за счет скота личного пользования колхозников, служащих и рабочих». Животноводство являлось основой экономической жизни якутов, игнорирование культурно-бытовых, исторически сложившихся особенностей быта якутского населения позднее было признано одной из причин, вызвавших голод 1940–1943 гг. Несмотря на голод, непосильный труд, колхозники демонстрировали высокую сознательность, выполняли планы и обязательства. В заботе о тружениках, детях и стариках, в первую очередь умиравших от недоедания, отдельные председатели колхозов, секретари районных партийных комитетов сообщали о голодающих в Якутский обком ВКП (б), Совнарком ЯАССР [НА РС (Я). Ф. 1230. Оп. 1. Д. 909. Л. 8; Д. 851. Л. 11; Ф.П. 105. Оп. 1. Д. 22. Л. 28–29 и др]. Заместитель председателя Совнаркома ЯАССР И.Е. Винокуров в 1942 г. обратился к заместителю председателя СНК РСФСР А. Сухову с заявлением, в связи с ужасающей картиной голода среди якутских кол-

хозников, о пересмотре размеров поставок с колхозов, о разрешении колхозникам охоты и рыбодобычи для личного потребления. Ответом на инициативу И.Е. Винокурова было решение ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1943 г. «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутским областным комитетом ВКП (б)». 24–26 мая 1943 г. состоялся VIII пленум ОК ВКП (б), после которого прошло широкое обсуждение решения ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1943 г. на районных, городских партийных собраниях, пленумах, собраниях партактивов в 23 южных и центральных районах. На городском партийном собрании Г.П. Башарин, сотрудник Института языка и культуры при СНК ЯАССР; Сыроватский, директор театра; В.Н. Чемезов, народный комиссар просвещения ЯАССР, выступили с обвинениями руководства обкома ВКП (б) «в вымирании якутского народа, что последствия ошибок обкома привели к катастрофическому увеличению смертности сельского населения» [Там же. Ф.П. 3. Оп. 184. Д. 228. Л. 17]. В августе 1943 г. бюро Якутского обкома ВКП (б) освободило от должности первого секретаря И.Л. Степаненко. В Якутскую АССР в 1944 г. была направлена комиссия ЦК ВКП (б) в составе заместителя уполномоченного Госплана при СНК СССР Макарова, и.о. начальника сектора труда и населения Рудницкой. Ими была составлена «Объяснительная записка по естественному движению населения Якутской республики», где были показаны причины смертности населения из-за голода [Там же. Оп. 71. Д. 81]. 22 марта 1945 г. депутат Верховного Совета ЯАССР Чудинов подготовил для бюро Якутского обкома ВКП (б) Записку «К вопросу о естественном движении населения Якутской АССР». Проанализировав в ней статистику по рождаемости, смертности по трем группам районов (южным, где проживала основная масса якутов и 72% всего населения в 1939 г.; золотопромышленным, где проживало приезжее население, составлявшее 16,8% всего населения республики; и северным, где проживало 11,2% всего населения республики), он сделал заключение: «Если принять во внимание, что рождаемость в этих районах упала до 12–15 детей на 1000 жителей, а из 1000 родившихся детей половина умирала в первый же год жизни, да кроме того общая смертность в три-

четыре раза превышала естественные нормы, то напрашивается один вывод: якутский народ в годы 1940–1943 интенсивно и прогрессивно вымирал» [Там же. Л. 57].

Жестокие испытания военных лет подверглись участники чурапчинского переселения. 11 августа 1942 г. бюро обкома ВКП (б) вынесло постановление, по которому 41 колхоз Чурапчинского района были переведены на устав рыболовецких колхозов, а их население в связи с этим переселено в районы рыбной ловли – Жиганский, Булунский, Кобяйский. Это было проведено в целях реализации Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». Из-за голода, необустроенности быта в Кобяйском районе погибло 1284 чел., в Булунском – 204 чурапчинец, в Жиганском районе обстоятельства переселения сложились чуть лучше. Прямые потери составили 1744 чел. из Чурапчинского района. 28 марта 1944 г. ОК ВКП (б) и СНК ЯАССР приняли решение об обратном переселении чурапчинцев из Кобяйского, затем из Жиганского районов [История чурапчинского..., 2014].

В 1941–1945 гг. колхозы сдали государству 50726 лошадей, 122032 ц мяса, 584938 гектолитров молока. В 1944 г. колхозники досрочно выполнили план хлебопоставок и приняли активное участие в создании хлебных запасов; сдали сверх плана 3128 ц зерна в фонд Красной армии. Президиум Верховного Совета СССР наградил 46 руководящих и партийных работников ЯАССР за успешное выполнение госплана хлебозаготовок 1944 г. боевыми орденами Отечественной войны I и II степеней.

Одной из специфических форм регионального подхода к пропагандистской работе явилось привлечение старейшин. Пожилые ветераны с удовольствием делились опытом, советами, знаниями. Своим участием в делах колхозов, предприятий они демонстрировали примеры героического труда во имя Победы. Так, в газете «Социалистическая Якутия» было опубликовано выступление на совещании старейших колхозников Мегино-Кангаласского района С.П. Савина (69 лет), выработавшего 512 трудодней. «...Слушая о том, как враг, напав на нашу цветущую Родину, беспощадно мучил и пытал людей, разорял цветущие дела... Чувство ненависти к

врагу родило во мне новые силы... в этом году выработал 512 трудодней. Стараюсь работать честно и столько, насколько хватит сил, чтобы помогать сыну и Красной армии скорее добить врага» [Социалистическая Якутия, 1944, 23 апр.]. Протоколы собраний старейшин, например, протокол собрания старейшин Угулятского наслега Вилюйского округа, свидетельствуют, что старики «пока есть силы» выражали готовность помогать своим трудовым коллективам выполнять государственные задания, в данном случае по уборке сена в целях досрочного завершения сеноуборочной кампании [НА РС (Я). Ф. 1109. Оп. 1. Д. 26. Л. 52 об.].

Высоким патриотическим духом пронизаны строчки обращения старейшин к Верховному Главнокомандующему, напечатанного на страницах газеты «Социалистическая Якутия». «В эти напряженные дни Великой Отечественной войны мы, старики, поставили перед собой задачу – здесь, в далеком тылу, заменить своих сыновей и внуков, сражающихся на фронте с оружием в руках..., обучить молодежь своим производственным навыкам и опыту, накопленным нами за многолетнюю трудовую жизнь... Для выполнения этих своих слов мы, старики, будем бороться и работать напряженно, не останавливаясь перед трудностями, зимними трескучими морозами и летним, палящим зноем. В этом Вы... будьте уверены и надейтесь. За зажиточную колхозную жизнь, за победу над врагом». [Социалистическая Якутия, 1944, 23 апр.].

Советская пропагандистская система активно использовала в своей повседневной деятельности периодическую печать, которой отводилась большая роль. Контроль над печатью и литературой осуществляло Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), сотрудники которого предварительно просматривали предназначенные для публикации материалы. На них также возлагалась задача проведения в жизнь государственной политики в области печати, деятельности издательств, библиотек, книжных магазинов. Цензоры центральных газет входили в номенклатуру ЦК ВКП (б). Цензоров газет в Якутской АССР утверждали на заседаниях бюро обкома партии. Они строго следили за соблюдением требований «Перечня сведений, составляющих государственную тайну».

Предварительно проверялось содержание республиканских и районных газет.

В годы Великой Отечественной войны в ЯАССР выходили «Социалистическая Якутия» и «Кыым» три раза в неделю на двух полосах и три раза – на четырех полосах, с ними объединили редакцию и газету «Эдэр большевик». Районные газеты стали издаваться на двух полосах. В начале войны всего издавалось 15 районных, 7 политотдельских и производственных, три областных и окружная газета и журнал обкома ВКП (б) «По ленинскому пути». К концу войны во всех районах появились свои печатные органы, тиражи республиканских газет увеличились в полтора раза. Из центральных газет в республику поступали «Большевик», «Пропагандист», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Спутник агитатора» и другие издания. На страницах газет печатались сводки Информбюро о событиях на фронте, уже осенние сводки 1941 г. содержали данные, полные горечи потерь, пробуждавшие в народе патриотические чувства и рождавшие стремление к Победе любой ценой. В большом объеме печатались очерки о героизме рядовых солдат, их письма к землякам, также в них освещались трудовые подвиги производственных будней, факты по участию в сборах помощи фронту, государственных займах.

По директиве ЦК ВКП (б) в редакции газет и журналов были направлены лучшие представители пера, «чтобы силой художественного слова» повысить агитационное воздействие» [РГА-СПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 17. Л. 74], среди них – писатели и поэты. Так Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон был редактором Якутского книжного издательства, С. Кулачиков-Эллэй и Н.Е. Мординов работали в редакциях газет «Кыым», «Социалистическая Якутия», журналов «Чолбон», «Хотугу сулус», В. Новиков-Кюннюк Урастыров и Л.А. Попов – в редакциях газет «Кыым», «Эдэр большевик», «Бэлэм буол», журнала «Хотугу сулус», А.П. Винокуров-Олбинский – в редакции газет «Коммунист» Таттинского района, «Кыым».

Важную роль в пропагандистской деятельности играло радио. В Якутской АССР центральное радиовещание работало непрерывно, озвучивая населению решения партии и правительства, сводки Совинформбюро, широко распро-

страня информацию о фронтовом и трудовом героизме советских людей. На русском и якутском языках передавались сводки Совинформбюро, новости, звучали передачи с участием руководителей партийных, советских органов, передовиков производства, зачитывались письма с фронта. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) было утверждено время передачи агитационно-пропагандистской информации: «не менее шести часов в сутки, из них два часа ночью, два часа днем от 14.00–16.00 и вечером 19.00–21.00» [Там же. Д. 60. Л. 23].

Такая массовая форма идеологической пропаганды, как митинги, получили широкий размах в первые дни начала войны, люди высказывали свое возмущение по поводу вероломного вторжения врага и призывали к отпору захватнических планов фашистской Германии. В ходе войны по большей части проводились общие собрания, так, например, общее собрание колхоза «Конституция» Таркайского наслега Нюрбинского района было посвящено выполнению плана подписки на заем и оказанию помощи в Фонд обороны от 14 февраля 1942 г.; общее собрание колхоза «Новый путь» Иситского сельсовета Орджоникидзевского района было посвящено проработке доклада Сталина «Об улучшении производительности труда для ускорения победы над немецко-фашистскими захватчиками» от 21 ноября 1943 г. [НА РС (Я). Ф. 816. Оп. 1. Д. 589; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 21. Л. 46–47, 282–282 об. и др.].

Особое значение придавалось кинематографу. В ЯАССР накануне войны стояла задача по реализации обращения М.И. Калинина, председателя Президиума Верховного Совета СССР, «Ко всем районным и сельским советам депутатов трудящихся обеспечить коренную перестройку культпросветработы» от 13 апреля 1940 г. Было принято Постановление СНК ЯАССР «О состоянии политпросветработы» от 15 апреля 1940 г. с решением к марту 1941 г. закончить паспортизацию политпросветучреждений районов, тогда же было рекомендовано оргбюро «Холбос» и председателям исполкомов в течение февраля, марта 1941 г. обеспечить завоз соответствующих культтоваров для политпросветучреждений. Была проведена инспекционная проверка, по результатам которой стало известно, что большинство клубов

заняты под овоще- и зернохранилища [Там же. Ф. 52. Оп. 8. Д. 26. Л. 34]. В интересах успеха весеннего сева 1943 г. были определены высокие требования к работе киноустановок, доставка кинофильмов была приравнена к доставке периодической печати, при них были закреплены для обязательных бесед и докладов опытный агитатор, бригады художественной самодеятельности, два кинофильма [Там же. Ф.П. 3. Оп. 184. Д. 199. Л. 17]. Большое значение придавалось массовому овладению грамотой. В этом же постановлении было указано: «Создать перелом в работе по обучению неграмотных и малограмотных, обеспечить выполнение плана по ликвидации неграмотности к 1 июля 1941 г.». В 1944 г. в республике была завершена полная ликвидация неграмотности.

В целях усиления патриотизма ЦК ВКП (б) рекомендовал на местах идеологическую работу выстраивать с учетом героики исторического регионального прошлого, с применением национального компонента. Представляется, что востребованность в воспитании патриотической гордости на опыте истории края и смелость автора, не побоявшегося во время «непримиримой классовой борьбы со старым режимом», позволили Г.П. Башарину выполнить исследовательскую работу о выдающихся личностях из истории якутского народа – А.Е. Кулаковском, А.И. Софронове, Н.Д. Неустроеве «Три якутских реалиста-просветителя (из истории общественной мысли дореволюционной Якутии)» [Башарин, 1944]. Идея книги возникла в связи с вызовом Г.П. Башарина телеграммой от секретаря Президиума Союза писателей СССР 27 июля 1943 г., где, вероятно, была предложена тема по региональной истории. Об этом факте свидетельствует жена Г.П. Башарина: «так началась... история оформления “черновых набросков о Кулаковском, Софронове, Неустроеве” в диссертацию» [Георгий Башарин, 2002, с. 100]. Высокое значение труда Г.П. Башарина подчеркивается приведенным в книге письмом с фронта: «Рад реабилитации творений отцов якутской национальной литературы, рад за то, что бессмертные труды их, когда-то составлявшие гордость нашего народа, вновь выйдут на свет божий и станут достоянием народа» [Там же]. 1 марта 1944 г. бюро обкома ВКП (б) приняло постановление, по которому канонизация писа-

телей как классиков и основоположников литературы несостоятельна и неправильна, что их произведения выражают пессимизм. Настороженность и критический подход были продиктованы тем, что этих писателей партийные лидеры отнесли к борцам против советской власти в Якутии, отметив факт осуждения Софронова и наказание по делу о контрреволюции 1927 г. Бюро вынесло вердикт: «Считать неправильным и даже вредным для дела коммунистического воспитания якутской молодежи искусственное незаслуженное восхваление и идеализацию» писателей, не разрешив распространение их произведений в школах и среди молодежи. Позднее данной оценкой бюро обкома партии вооружились в борьбе против ученого Г.П. Башарина. В условиях политической диктатуры ВКП (б) эти обвинения в национализме могли развернуться в полномасштабную кампанию репрессий против целой плеяды научной и советско-партийной интеллигенции, поддержавшей это издание. В 1944 г. книга была опубликована и служила делу воспитания молодежи на лучших исторических традициях до постановления бюро обкома от 6 февраля 1952 г. «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы», когда она была запрещена, изъята и уничтожена, а автор исключен из партии, лишен ученых степеней и уволен с работы. В 1962 г. постановлением Якутского обкома КПСС «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы» с Г.П. Башарина были сняты все обвинения.

Возрождение национальных традиций в интересах подъема патриотических настроений было реализовано в проведении якутского национального праздника Ысыах с 1944 г. К празднованию Ысыаха колхозники завершали посевную кампанию, досрочно рассчитывались по обязательным платежам, перевыполняли планы подписки на заем. В этом празднике отражалась героика трудовых будней, награждались победители социалистического соревнования, работали киноустановки, проводились агитационные беседы, доклады, лекции, смотры художественной самодеятельности, спортивные состязания и др. По особенному радостно был отмечен Ысыах Победы в 1945 г.

Выводы. В исходе военного противостояния во Второй мировой войне решающим фактором оставалось идеологическое превосходство, во всей силе оно проявилось в единении народов СССР, в том числе глубокого тыла ЯАССР, в борьбе за Победу в Великой Отечественной войне. Организующую роль в патриотическом подъеме сыграли государственные и партийные органы. В Якутской АССР в военные годы из-за слабости первичных комитетов ВКП (б) руководящая роль и ответственность перешли к советским органам на местах. В агитационную работу были включены все общественные организации: ВЛКСМ, профсоюзы, женское движение, ОСОВИАХИМ и др. В идеологической пропаганде использовались ресурсы периодической печати, кинофикации, лекторской работы.

Жесткие требования в условиях военного времени, высокая ответственность за исполнение заданий партии и правительства в нередких случаях приводили к перегибам: превышение полномочий исполнительных органов, ставшее причиной тяжелых испытаний, выпавших на долю колхозников в условиях неурожайных лет, высокой смертности от голода в 1941–1943 гг.; гибель людей при переселении чурапчинцев на север для создания дополнительных рыбзаводов; общественная и личная трагедия большого ученого историка Г.П. Башарина и его книги «Три якутских реалиста-просветителя (из истории общественной мысли дореволюционной Якутии)» [1944].

Несмотря на выпавшие трудности народы Якутской АССР с высоким патриотизмом решали повседневные задачи по внесению своего вклада в дело Победы. За годы войны в фонд обороны было внесено денежных сборов, облигаций госзаймов на общую сумму 380660 тыс. руб., драгоценных металлов (золото, серебро) – 553 кг, теплых вещей – 367 комплектов. На строительство боевой техники, танков и самолетов, трудящиеся Якутии собрали 27068 тыс. руб. В годы войны республика сдала государству 122032 ц мяса и 584938 л молока, 488499 ц зерна. За этими цифрами кроются невероятные усилия по выполнению героического подвига тружеников глубокого тыла, которые решали задачу укрепления обороноспособности страны, обеспечивали ее военные силы стратегическим сырьем, сельскохозяйственной продукцией, денежными средствами.

Литература и источники

Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя (из истории общественной мысли дореволюционной Якутии). – Якутск, 1944. – 150 с.

Великая Отечественная война. 1941–1945. События. Люди. Документы: краткий исторический справочник. – М., 1990. – 464 с.

Георгий Башарин / К.И. Платонова-Башарина / Сер.: Выдающиеся люди республики / редкол.: В.Н. Иванов и др. – Якутск: Бичик, 2002. – 270 с.

История чурапчинского переселения. Документы. Цифры. Факты. – Якутск: Бичик, 2014. – 164 с. Кым. – 1941. – 23 июня.

Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг./ Н.А. Араловец, Е.Н. Бикейкин, Н.Ф. Бугай, О.М. Вербицкая и др.; отв. ред. А.Н. Сахаров, А.С. Сенявский. – М.: Гриф и К, 2010. – 730 с.

НА РС (Я). Ф. 52. Оп. 8. Д. 26. Д. 27. Д. 28; Оп. 28. Д. 2; Ф. 816. Оп. 1. Д. 589; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 21; Ф. 1109. Оп. 1. Д. 26; Ф. 1230. Оп. 1. Д. 851; 909; Ф.П. 3. Оп. 65. Д. 254. Д. 501.

НА РС (Я). Ф.П. 3. Оп. 71. Д. 81; Оп. 183. Д. 1; 50; Оп. 184. Д. 199, Д. 228; Оп. 186. Д. 90; Оп. 187. Д. 55; Ф.П. 105. Оп. 1. Д. 22.

Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч.П. Трудящиеся Якутии в тылу. – Якутск: Кн. изд-во, 1992. – 320 с.

По ленинскому пути. – 1942. – № 10. – С. 33–34; 1943. № 8–9. С. 33–35.

Профсоюзное движение в Якутии. Годы становления и развития / сост. Н.Н. Петров; под общ.ред. Н.Н. Дегтярева. – Якутск, 2016. – 295 с.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 17; 60.

Социалистическая Якутия. – 1944. – 23 апр.

Софья Сидорова. К 100-летию со дня рождения. Статьи, речи, воспоминания. – Якутск, 2005. – 223 с.

S.E. Nikitina

**Regional Governing Bodies of the Socio-Political Life of the YASSR
During the Great Patriotic War**

The article highlights the main forms of state and party management of social and political life in The Yakut ASSR during the Great Patriotic war; the transfer of priority to the Soviets of people's deputies in the implementation of the directives of the country's leadership, in contrast to the primary organizations of the All-Union Communist party prevailing everywhere; the methods and tools of ideological leadership by the Soviet-party and Social-political institutions, bodies of the All-Union Communist party, the All-Union Leninist Young Communist League of the Soviet Union, Trade Unions, Women's Councils, Society for the Promotion of Defence, Aviation and Chemical Construction, etc. for the preparation and holding of mass agitation, lectures, mass propaganda through Newspapers, magazines, film, to improve the labor enthusiasm, competitions and forms. The approach of the Central Authorities to increase the Patriotic rise of the population through the use of the regional national component in ideological work is shown, so there were conditions for the publication of G.P. Basharin's book "Three Yakut realists-enlighteners (from the history of social thought of pre-revolutionary Yakutia)". As throughout the country in the Yakut ASSR all social life was subordinated to the main task of strengthening the defense, mobilization of human and material resources, so it seemed important military sports training of young people of military age. Legal documents determining the importance of social and political activity in wartime are used.

Keywords: the Great Patriotic war, Yakut ASSR, social and political life, ideology, regional Committee of All-Union Communist party, Komsomol, Trade Unions.

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.07.

УДК 911.63“19”(571.56)

Пространственный анализ образования населенных пунктов на территории Хангаласского района в XX веке

Геоинформационное картографирование является одним из современных методов, используемых в исторических исследованиях. Применение данного метода при изучении заселения и хозяйственного освоения территорий, истории развития сети населенных пунктов позволяет выявить закономерности в формировании территориальной организации. В данной статье описан опыт применения ГИС-технологий в выявлении динамики размещения населенных пунктов на примере Хангаласского улуса. Для анализа информации составлена геоинформационная база данных (БД) в разрезе поселений Хангаласского улуса, сформированная на основе переписей населения и исторических источников, включающая сведения как о самих поселениях, так и о населении в них. На основе созданной базы данных составлены карты, позволяющие выявить пространственно-временные особенности расселения населения на территории Хангаласского улуса с XVII в. до начала XXI в. С помощью ГИС-технологий установлено, что пространственно-временное размещение населения на территории Хангаласского улуса характеризуется особенностями ландшафтов. Самыми густозаселенными являются долины Энсиэли и Самартай, где находятся аласные и межаласные типы местности. Количество поселений было сокращено во время коллективизации и укрупнения хозяйств и главным образом охватило поселения, находившиеся в отдаленных местностях. В настоящее время в основном остались поселения, созданные как центры колхозов и совхозов.

Ключевые слова: ландшафты, хозяйственное освоение, население, населенные пункты, расселение, переписи, картографирование, ГИС-технологии, Хангаласский улус, Якутия.

Территориальное планирование и развитие любого региона сопряжено с установлением пространственно-временных закономерностей хозяйственного освоения ландшафтов. Заселение и освоение Якутии отличались неравномерностью, зависящей от различных факторов: природно-климатических, политических, социальных и других. Влияние данных условий вырисовывало разные очертания постоянно менявшихся ареалов заселения. Поэтому изучение вопроса о том, какие районы и в какой период интенсивно осваивались, и что на это влияло, представляет большой интерес. Среди всех районов Республики Саха (Якутия) Хангаласский улус вызывает особый интерес как территория, на которой был сформирован народ саха, и как один из густозаселенных районов в настоящее время. Научная новизна данного исследования состоит в пространственном анализе процесса хозяйственного освоения территории Хангаласского улуса для оптимизации природопользования и территориального планирования.

Хангаласский улус, располагаясь в Центральной Якутии, характеризуется самыми разнообразными ландшафтами – реликтовыми степями, тукуланами, известняковыми скалами (столбами), смешанным среднетаежным лесом, пойменными и надпойменными лугами, аласами [Хангаласский улус..., 2007]. Каждый ландшафт характеризуется своими особенностями хозяйственного освоения: так, долины Эркээни и Самартай заселены скотоводческим населением, бассейн р. Буотамы – эвенкийскими охотничье-промысловыми хозяйствами, вдоль долинных комплексов развито земледелие – зерноводство, картофелеводство, овощеводство закрытого и открытого грунта, полевое кормопроизводство.

Важнейшим индикатором освоенности, а также основной и наиболее распространенной формой расселения на территории Якутии являются населенные пункты, на примере пространственного анализа которых в данной статье будет рассмотрено изменение поселенческой сети Хангаласского района. Наименование «Хангаласский»

отражается в документах с 1632 г., со времен прихода в Якутию русских казаков. В 1860 г. Хангаласский улус был разделен на два улуса – Западно-Кангаласский и Восточно-Кангаласский. В современных границах улус был образован 10 февраля 1930 г., в 1937 г. был переименован в Орджоникидзевский. Исконное название «Хангаласский» было возвращено в 1992 г. [Зайцев, 2012].

Целью проведенного исследования являлось создание карт, отображающих разновременное размещение поселений на территории Хангаласского улуса на основе переписей населения с использованием ГИС-технологий.

Для составления географической основы карты Хангаласского улуса были использованы готовые цифровые слои административно-территориального деления, топографические карты масштаба 1:200 000 и различные ранее изданные карты, в частности, административно-территориальные карты Якутской АССР масштаба 1:2 500 000 разных годов изданий (1949 г., 1958 г., 1970 г. и т.д.). Ввиду того, что Хангаласский улус в современных границах был образован в 1930 г., в данной статье в качестве основных источников использованы материалы переписей населения, начиная с 1939 г., но для компаративного анализа привлечены и другие источники. В качестве источников применялись

также справочники административно-территориального деления Якутии за разные годы для уточнения названий центров низовых административных единиц – наслегов.

В качестве методов исследования в данной работе использован картографический метод с применением ГИС-технологий, стандартная функция которых дает возможность работы со слоями. В данной работе каждый слой содержит информацию как о наличии населенного пункта в определенный хронологический период, так и о численности населения в нём по данным переписей населения. Упорядочивание этих слоев создает карту, которая в зависимости от выбора комбинаций может нести различную информацию об изменениях поселенческой сети Хангаласского улуса.

Возможность отобразить на карте населенные пункты, существовавшие в определенные промежутки времени, позволяет выявить особенности процессов расселения населения на территории Хангаласского улуса в XX в. Пространственный рисунок сети населенных пунктов Хангаласского улуса сложился в основном в советский период.

По данным переписи населения 1939 г., в 24 наслегах Орджоникидзевского района было 268 сельских поселений, в которых проживало 18457 чел. (табл. 1).

Таблица 1

**Количество поселений и численность населения
Орджоникидзевского района Якутской АССР по данным переписи 1939 г.***

№	Наслега	Колич. поселений, ед.	Числен. населения, чел.	№	Наслега	Колич. поселений, ед.	Числен. населения, чел.
1	Булугунняхтахский	4	795	13	4-й Мальжегарский	6	364
2	1-й Жемконский	31	1179	14	5-й Мальжегарский	11	545
3	2-й Жемконский	13	677	15	6-й Мальжегарский	11	1025
4	Жерский	9	295	16	Немюгюнский	16	938
5	Иситский	10	1386	17	Нерюктяйский	8	232
6	Качикатский	21	1243	18	Октемский	10	732
7	1-й Малтанский	18	631	19	Покровский	7	2732
8	2-й Малтанский	5	192	20	Сантинский	7	381
9	3-й Малтанский	17	412	21	Синский	5	828
10	1-й Мальжегарский	12	785	22	Тит-Аринский	3	714
11	2-й Мальжегарский	13	724	23	Хахситский	11	395
12	3-й Мальжегарский	10	887	24	Эргетский	10	305

* Источник: РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 5. Д.166. Л. 41об. – 43об.

Наличие большого количества поселений при их малочисленности в 1930-е гг. было характерно для всей Якутии. По данным переписи 1939 г., поселения с людностью до 200 чел. составляли более 98,0% общей численности населенных пунктов Якутии. По составленным картам видно, что в этот период поселения были более-менее равномерно распределены по всей территории Орджоникидзевогo района (рис. 1).

Процесс концентрации населения в крупнейших сельских поселениях, начатый в период коллективизации, продолжился и в 1950-е гг. и был связан с укрупнением колхозов. По данным переписи населения 1959 г., за 20-летний межпереписной период число поселений сократилось на 102 единицы и составило 166, а численность населения Орджоникидзевогo района была равна 19513 чел. За этот период были упразднены Булгунняхтахский, 1-й, 2-й и 3-й Малтанские наслега, 2-й Жемконский, Жерский, 3-й и 6-й Мальжегарские наслега, Нерюктяйский, Сантинский, Хахситский и Эргетский наслега. В последующем некоторые наслега смогли стать самостоятельными административно-территориальными единицами в 1970-е гг. (Жерский наслег) и в начале 2000-х гг. Так, на основании постановления Палаты Республики Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 18 мая 2001 года ПР № 284–II из состава Тит-Аринского наслега (сельского округа) Хангаласского улуса (района) был выделен Тумульский наслег, а из состава Октёмского наслега (сельского округа) – Техтюрский.

Ликвидация поселений привела к тому, что жители были переселены в близлежащие населенные пункты, например, Ой, Техтюр, Улах-Ан, Октемцы, в город Якутск и Хатассы. В результате в таких поселениях увеличилась численность населения. Упразднение одних поселений сопровождалось образованием новых. Так, в 1958 г. был основан пос. Мохсоголлох с целью обеспечения строительными материалами местного производства возрастающих потребностей народного хозяйства Якутской АССР.

Современное положение административно-территориального устройства Хангаласского улуса было заложено в 1970-е гг., после проведенных процессов укрупнений колхозов и образования совхозов, протекавших в 1960-е гг.

Ко времени проведения переписи 1970 г. на территории Орджоникидзевогo района осталось 37 поселений, в которых проживало 25089 чел., соответственно за период 1959–1970 гг. число поселений уменьшилось в 4,5 раза. В 1989 г. число поселений осталось в количестве 31 единицы, а численность населения увеличилась и составила 35 068 чел. (табл. 2).

К 2002 г. из учётных данных административно-территориального деления по Хангаласскому улусу (району) были исключены населённые пункты «Звероферма» и п. Кыл-Бастах, которые были включены в черту г. Покровск Постановлением Палаты Республики Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 26 сентября 1997 года № 285-1. Также Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 10 марта 2000 года № 148 село Тойон-Ары Мальжегарского наслега (сельского округа) было исключено из учётных данных административно-территориального деления Хангаласского улуса (района). Четыре месяца спустя Постановлением Палаты Республики Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 4 июля 2000 года ПР № 229–II село Кытанах-Кырдал 1-го Мальжегарского наслега (сельского округа) Хангаласского улуса (района) было переименовано в село Тойон-Ары. Переименование было утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2003 г. № 14.

После вышеуказанных преобразований в административно-территориальном делении начала 2000 г. всего по переписи 2002 г. и 2010 г. на территории рассматриваемого улуса было 29 поселений, в т.ч. два городских: г. Покровск и пос. Мохсоголлох. Численность населения в 2002 г. была 35201 чел., а в 2010 г. – 34052 чел.

В рамках данной статьи на основе современных ГИС-технологий была предпринята попытка периодизации возникновения населенных пунктов на территории Хангаласского улуса. По имеющимся доступным источникам, удалось ввести в атрибутивные данные созданной ГИС примерные даты образования поселений. В итоге была получена следующая картина, представленная на рис. 1. В результате анализа полученной карты установлено, что те поселения, которые были созданы для обеспечения ямщицкого тракта остались и функционируют до

Таблица 2

Численность населения Хангаласского улуса по переписям населения, чел.*

№	Населённый пункт	Тип	Муниципальное образование	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
	Всего			18 457	19 513	25 089	27 482	35 068	35 201	34 052
	Городское население			0	5 038	10 657	12 880	18 925	17 273	16 193
	Сельское население			18 453	14 475	14 432	14 402	16 143	17 928	17 859
1	Бестях	село	Бестяхский наслег	307	1 406	1 686	1 429	2 836	2 249	2 377
2	Булгунняхтах	село	Мальжагарский 1-й наслег	250	1 081	1 803	1 840	1 914	1 601	1 529
3	Едей	село	Мальжагарский 4-й наслег	4	228	396	282	363	364	386
4	Еланка	посёлок	Мальжагарский 2-й наслег	135	241	237	49	28	15	11
5	Исит	село	Иситский наслег	427	430	423	338	428	374	312
6	Карапатское	село	Тэхтюрский наслег	71	130	-	52	1	4	0
7	Качикатцы	село	Качикатский наслег	0	0	1 695	1 233	1 409	1 184	1 156
8	Кердём	село	Жемконский 2-й наслег	168	370	652	717	860	867	1 015
9	Кысыл-Юрюя	посёлок	Качикатский наслег	0	40	356	320	267	273	270
10	Кытыл-Дюра	село	Мальжагарский 5-й наслег	505	232	600	496	507	510	453
11	Мохсоголлох	пгт	Городское поселение «Посёлок Мохсоголлох»	0	0	2 397	4 367	6 960	7 181	6 698
12	Нохорой	посёлок	Иситский наслег	88	126	118	86	39	42	31
13	Нуочаха	посёлок	Жемконский 2-й наслег	51	58	78	26	12	4	4
14	Ой	село	Немюгинский наслег	241	387	1 325	1 667	1 970	2 305	2 266
15	Октёмцы	село	Октёмский наслег	0	0	659	1 022	1 239	1 552	1 726
16	Покровск	город	Городское поселение «Город Покровск»	2 259	5 038	6 574	7 084	9 129	10 092	9 495
17	Синск	село	Синский наслег	395	962	899	1 066	1 098	975	976
18	Тэхтюр	село	Тэхтюрский наслег	172	302	612	518	645	703	630
19	Тит-Ары	село	Тит-Аринский наслег	326	209	494	499	629	418	478
20	Тит-Эбя	село	Жемконский 1-й наслег	139	464	694	815	867	802	847
21	Тойон-Ары (Кытанах-Кырдал)	посёлок	Мальжагарский 1-й наслег	101	66	275	212	162	153	140
22	Тумул	село	Тумульский наслег	0	296	361	317	308	266	239
23	Улах-Ан	село	Жерский наслег	159	-	643	638	725	834	838
24	Улахан-Ан	село	Мальжагарский 2-й наслег	34	505	822	794	975	1 007	1 107
25	Харыялах	посёлок	Тит-Аринский наслег	54	77	181	37	24	8	8
26	Хоточчу	посёлок	Жемконский 1-й наслег	71	224	305	306	277	265	265
27	Чапаево	посёлок	Октёмский наслег	0	0	570	592	617	786	443
28	Чаранг	посёлок	Бестяхский наслег	21	11	164	90	64	83	72
29	Чкалов	посёлок	Тит-Аринский наслег	0	262	268	207	250	284	280

* Составлена автором на основе переписей населения в разрезе современного административно-территориального деления.

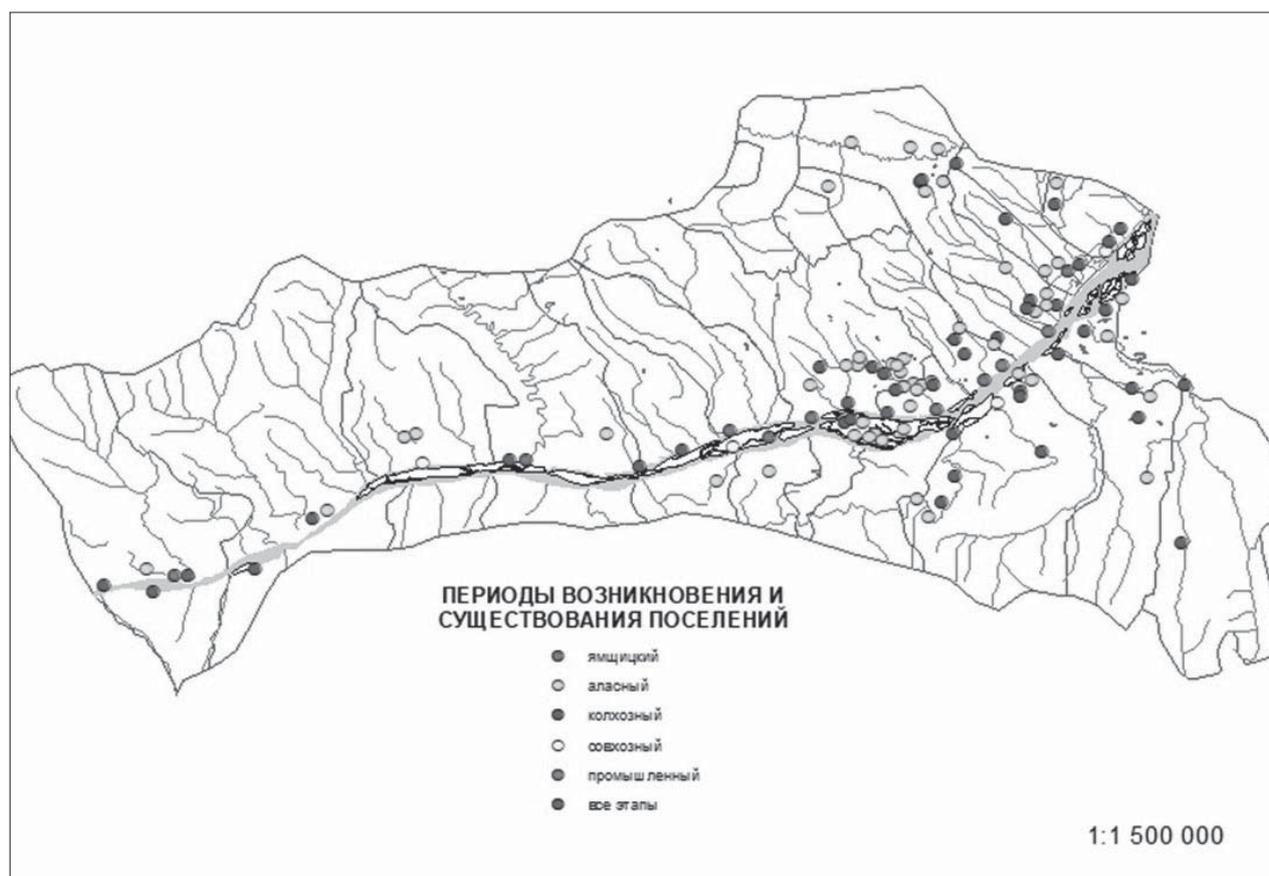

Рис. 1. Периоды возникновения и существования поселений Хангаласского улуса (карта составлена В.В. Филипповой, 2017 г.)

сих пор. Для поселений, в которых преимущественно проживали якуты, было дано название «аласный». На данной карте видно, что их было большинство и в основном они подверглись процессу укрупнения поселений во время коллективизации. В настоящее время в основном остались поселения, созданные как центры колхозов и совхозов.

По составленной с помощью ГИС-технологий серии тематических карт видно, что пространственно-временное размещение населения на территории Хангаласского улуса характеризуется особенностями ландшафтов. Самыми густозаселенными являются долины Энциэли и Самартай, где находятся аласные и межаласные типы местности (рис. 2).

При сравнении и анализе полученных карт можно отметить, что скученность поселений Хангаласского улуса вдоль долины р. Лена значительно возросла, что обусловлено проведенными административно-территориальными

и социально-экономическими преобразованиями.

Наибольшее количество поселений за 1939–2017 гг. было зафиксировано на территории 1-го Мальжегарского и Немюгинского наслегов (рис. 3). Немюгинский наслег и в настоящее время является одним из самых густозаселенных сельских муниципальных образований.

За период между переписями 1939–2010 гг. с карты Хангаласского улуса исчезло по разным причинам 239 из 268 сельских поселений, существовавших в 1939 г. С начала 2000-х гг. на территории данного улуса осталось 29 поселений различной плотности, два из которых являются городскими – г. Покровск и пос. Мохсогolloх, в которых проживает 47,6% населения. Большинство сельского населения живет в шести поселениях с плотностью от 1000–2500 чел., в которых сосредоточено 62,3% населения. Это села Кердем, Улахан-Ан, Качикатцы, Булгунняхтах, Октемцы, Ой. В 15 сельских поселени-

Рис. 2. Размещение поселений Хангаласского улуса по ландшафтам (карта составлена В.В. Филипповой, 2017 г.)

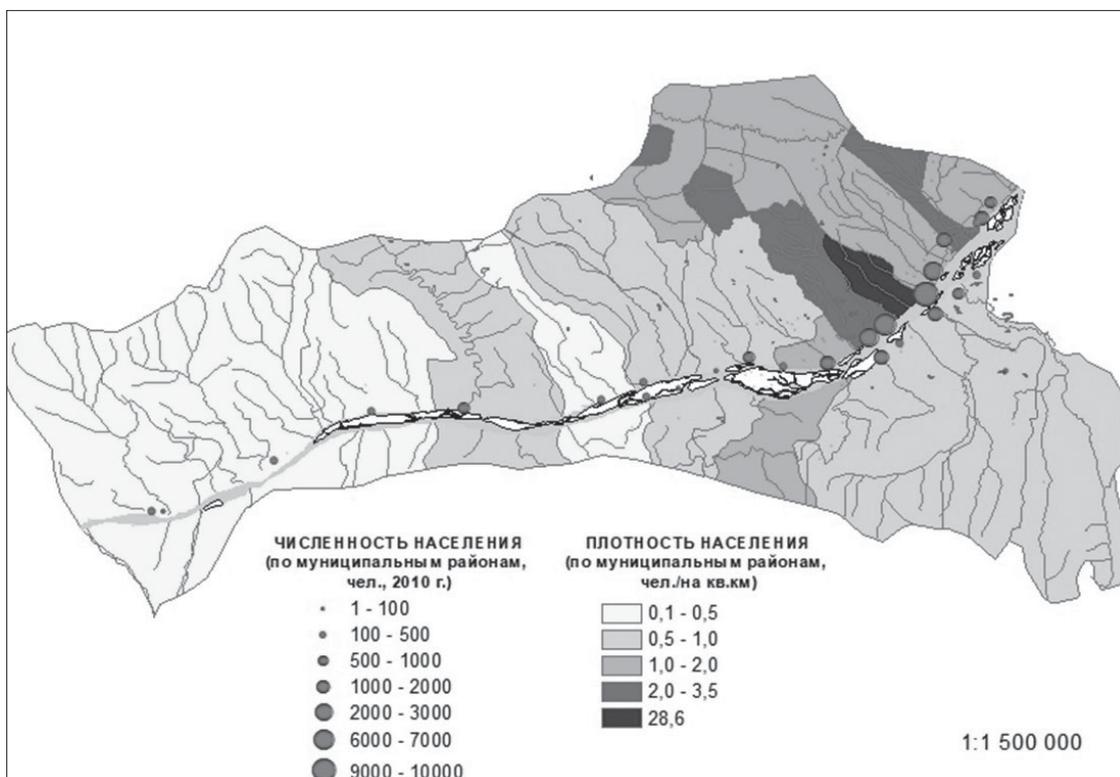

Рис. 3. Численность и плотность населения Хангаласского улуса по данным переписи 2010 г. (карта составлена В.В. Филипповой, 2017 г.)

ях с людностью менее 500 чел. – 18,9% населения. Села Тэхтюр, Улах-Ан, Тит-Эбэ, Синск имеют людность 500–1000 чел., в них сосредоточено 18,8% сельского населения.

Обобщая все вышесказанное, можно сказать, что в результате хозяйственного освоения Хангаласского улуса плотность населения вдоль долины р. Лена значительно возросла, что было обусловлено процессом укрупнения хозяйств. При этом проведенный пространственный анализ размещения сети населенных пунктов исследуемого улуса характеризуется особенностями ландшафтов. Самыми густозаселенными являются долины Энсиэли и Самартай, где находятся аласные и межаласные типы местности. Созданная серия карт поможет изучить пространственно-временные особенности размещения населенных пунктов Хангаласского улуса в контексте территориального планирования.

Литература и источники

Административно-территориальное деление Якутской АССР. Карта масштаба 1:2500000. – М.: ГУГК, 1949.

Административно-территориальное деление Якутской АССР. Карта масштаба 1:2500000. – М.: ГУГК, 1958.

Административно-территориальное деление Якутской АССР. Карта масштаба 1:2500000. – М.: ГУГК, 1970.

Зайцев Ю.Н. Хангаласский улус (район) // Регионы России. Выбор Будущего: Республика Саха (Якутия). 2012. – Электронный доступ: <http://federalbook.ru/files/FS/Yakutiya/Soderjanie/VI/Zaycev.pdf>

Российский государственный архив экономики. Ф. 9570. Оп. 5. Д.166. Л. 41 об. – 43 об.

Хангаласский улус: история, культура, фольклор / Администрация муницип. р-на «Хангалас. улус (район)», Ин-т гуманитар. исслед. АН РС(Я); [сост.: Д.С. Аргунов, Н.С. Попов, П.Н. Харитонов ; отв. ред., предисл. д. ист. н. В.И. Федоров]. – Якутск: Бичик, 2007. – 415 с.

V.V. Filippova

Spatial Analysis of the Formation of Settlements in the Khangalassky Region in the XX century

Geoinformation mapping is one of the modern methods has used in historical researchers. The use of this method in the study of history of settlement and economic development of territories allow to identify patterns in the formation of the territorial organization.

This article is described the experience of GIS technologies in identifying the dynamics of settlements on the example of the Khangalassky district. The geoinformation database includes information about of censuses of the population and historical sources of settlements of the Khangalassky district. Created maps are based on the databases, allowing to identify spatial and temporal characteristics of population settlement on the territory of the Khangalassky district from the XVII century to the early XXI century. Using GIS technology was found that spatial-temporal distribution of population on the territory of the Khangalassky district is depend on types of landscape. The most inhabited part of Khangalassky district are valleys named Enseely and Smarty. The number of settlements was reduced during collectivization and consolidation of soviet farms, which were located in remote areas. Currently, the most of settlements in Khangalassky district were founded such as centers of collective and soviet farms.

Keywords: landscapes, economic development, population, settlements, resettlement, census, mapping, GIS technology, Khangalassky region, Yakutia.

А.Н. Саввинова, В.В. Филиппова

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.08.

УДК 528.921:81'373.211(571.56)

Разновременные карты как источник для изучения топонимического образа Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия)*

В данной работе, проведен анализ разновременных мелкомасштабных карт Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия) (с XVII в. по конец XX в.) с точки зрения наличия и изменения топонимов для целей формирования образа района. В основном были проанализированы карты, хранящиеся в картографическом фонде Лаборатории электронных картографических систем Института естественных наук СВФУ, фотокопии карт из Национального архива РС (Я), а также карты из интернет-источников. Была сформирована база данных, в которой отображалось количественное соотношение видов топонимов (*ойконимов* – названий населенных пунктов, *гидронимов* – названий водных объектов, *оронимов* – названий элементов рельефа. – А.С., В.Ф). Изучение процессов трансформации топонимов в разные исторические периоды позволило связать их с пространственным изменением ландшафтов. Имеющаяся топонимическая информация, основанная на проанализированных исторических картах, в наглядной форме дает представление о степени изученности и освоения территории Хангаласского района. Представление результатов топонимического анализа в пространственном виде, систематизация полученных сведений о топонимах и моделирование реальной ситуации рождения и функционирования топонимической системы, изучение их динамики наглядно показывало увеличение сведений описательного и картографического характера о природе и населении Хангаласского района РС (Я).

Ключевые слова: топонимы, исторические периоды, разновременные карты, топонимический образ региона, Хангаласский район, Якутия.

История создания географической карты отражает историю исследования территории, а географические названия – знания народов о природных условиях и особенностях территории. Топонимические данные дают возможность выявить этапы освоения и заселения территории. Они являются носителями информации об этническом составе населения, проживавшего на той или иной территории в разные исторические периоды, и об особенностях ведения хозяйства. Из всех видов топонимов наиболее древними являются гидронимы, анализ которых позволяет подтвердить или опровергнуть представления о миграциях народов, этнических контактах и смене этносов в пределах территорий. Географические названия образуют разновременные топонимические пла-

сты, которые формируют тематические слои топонимических карт [Басик, 2006].

Топонимы обычно утилитарны по семантике, т.к. отражают отношение человека к природе, сложившееся на протяжении длительного исторического периода. Каждая историческая эпоха характеризуется своим топонимическим набором, поэтому особое место в данном исследовании принадлежит историко-хронологическому анализу топонимов.

Цель статьи – на основании сравнения и анализа топонимов Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия) определить закономерности и характер встречаемости использованных топонимов на разновременных картах для формирования топонимического образа района.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ №15–18–20047 «Онтология ландшафта: семантика, семиотика и географическое моделирование».

Новизна исследования обусловлена отсутствием работ по изучению локальных топонимических образов на примере Якутии. Отображение географических объектов на разновременных картах дает картину изученности территории, на основе которой можно проследить особенности и динамику освоения территории.

Для анализа количественного соотношения топонимов и выявления изменений в их структуре нами отобраны карты Якутии, созданные в разные исторические периоды – с XVII в. по конец XX в., на которых отображается территория Хангаласского района. Первым картографическим изображением Якутии считается «*Чертеж всей Сибири*», составленный в 1667 г. [Романова, 2005]. Из географических объектов, относящихся к Хангаласскому улусу, на этой карте изображена только р. Лена.

Имеются и другие исторические карты, на которых изображена территория Якутии, описанные в различных литературных источниках [Ефимов, 1949; Лебедев, Есаков, 1971], но в данной статье в качестве источников для изучения топонимов по временным срезам явились картографические материалы из фондов Лаборатории электронных картографических систем Института естественных наук СВФУ.

На первом источнике «Генеральная карта Российской Империи 1745 г.» [Материалы из фонда Лаборатории...] отображено все пространство Российской империи с губерниями и провинциями. В пределах Хангаласского улуса Якутии на данной карте имеются только четыре гидронима – это самые крупные реки Лена, Сияня, Батама и Сасыада.

На карте «*Часть Мангазейского и Якуцкого уезда с устьями рек Енисей и Лены 1770 г.*» [Карта «Часть Мангазейского и Якуцкого уездов...», 1770] достаточно подробно даны водные объекты, многие гидронимы совпадают с современными названиями и их местоположением. Впервые на данной карте значком пунсона (*условный знак населенного пункта в виде геометрической фигуры. – А.С., В.Ф.*) нанесен ойконим «Покровской» – современный центр Хангаласского улуса – г. Покровск. Всего на карте в пределах Хангаласского района отмечено пять гидронимов: Лена, Сингась, Батама, Часадниъ, Кетема.

На карте «*Планъ Иркутской Губерніи Якутское уезда сочиненъ Съ разныхъ описаний 1797*

года» [Материалы из фонда Лаборатории...] ойконимы Хангаласского района представлены как ямщицкие станции и обозначены как «ст.» (сокращенное от «станции») Все ойконимы имеют окончания -ой, кроме двух: «Ст. Бестяхъ» и «Манастыр Покровскъ». Их количество увеличено до 10 названий. Гидронимы представлены не только крупными реками, но и значительно мелкими водотоками, количество которых равно 23.

Проанализированный фрагмент карты Якутской области из «*Генеральной карты Азиатской России по новейшему разделению 1825 г.*» [Генеральная карта Азиатской России... 1825] показывает территорию в пределах современных границ Хангаласского района. Условные знаки на карте приближены к общепринятым условным знакам, так, например, горные хребты прорисованы в виде линейных знаков – хребтов. Населенные пункты даны пунсонами, реки показаны извилистыми линейными знаками. Расчет топонимов дал следующие результаты: общее количество топонимов – 17, из них гидронимов – 7, ойконимов – 10.

Отличительной особенностью карты «*Якутская область Иркутской губернии 1826 г.*» [Материалы из фонда Лаборатории...] является то, что все географические названия представлены на двух языках – помимо русского, названия дублируются также на лагинском языке (например, Иситская – Issitskaia). Всего топонимов – 12, из них гидронимов – 3, ойконимов – 9.

На карте «*Восточной Сибири “Губернія Иркутская съ восточною частію Енисейской и области: Забайкальская, Амурская, Якутская и Приморская”*» [Карта Восточной Сибири и Приамурья, 1859] всего отмечено 10 ойконимов и 5 гидронимов.

На «*Карте Азиатской России*» [Старинные карты Азиатской России..., 1913–1916] насчитанное общее количество топонимов – 23, это говорит о том, что данная карта достаточно подробная, количество топонимов значительно больше, чем на предыдущих проанализированных картах XIX в. Итого на карте зафиксировано гидронимов – 9, ойконимов – 13, оронимов – 1 («Столбы утесъ» – современные Ленские столбы). Населенные пункты показаны пунсонами, на карте представлены также дороги – линейными знаками.

Наиболее информативные в географическом и топонимическом отношении карты террито-

рии Якутии появились на основе работы Якутской экспедиции АН СССР 1925–1930 гг. Одним из её результатов явилась первая обзорная карта Якутской АССР [Материалы из фонда Лаборатории...], которая отличалась от предыдущих карт и была наиболее близкой к современным картам административно-территориального деления. Ввиду того, что для составления карт Якутской экспедиции пользовались одной географической основой, а созданная обзорная карта стала картографическим источником для последующих карт, их топонимические составляющие мало отличаются друг от друга. Исключение составляют карты административно-территориального деления ЯАССР 1949 и 1958 г. [Материалы из фонда Лаборатории...], где имеется самое большое количество ойконимов по сравнению с другими картами.

Результаты анализа разновременных карт с XVII по начало XX в. показывают, что количество топонимов напрямую связано с этапами освоения территории Якутии. Соотношение между разными видами топонимов постепенно менялось. В XVII в. преобладали гидронимы, так как при отсутствии постоянных поселений объектами ориентирования зачастую были только водные объекты – реки, озёра, ручьи. Однако со временем роль рек в жизни людей уменьшается, в XVIII в. появляются постоянные поселения, они и становятся главными ориентирами. Количество прочих топонимов постепенно увеличивается, в данную группу включаются все новые географические названия оронимов и др.

В XX в. максимальное количество топонимов (54, в том числе 47 ойконимов) отображено на карте ЯАССР 1949 г. [Материалы из фонда Лаборатории...], именно в этот период помимо центров отделений колхозов и совхозов существовали мелкие населенные пункты – зимники (кыстыки) и летники (сайылыки) которые находят отражение на картах. Впоследствии при процессе укрупнения они объединились, и современная картина расселения установилась в конце 1990-х – начале 2000-х гг., что отражается на картах данного периода. С тех пор количество топонимов существенно не менялось.

Любой топоним имеет функцию создания целостного образа территории. Если на картах XVII–XVIII вв. Якутия выступала как единое

целое с Сибирью, то на последующих картах XIX в. Якутия была представлена как часть Азиатской России, главным образом в пределах современного Дальневосточного федерального округа. Карты XX в. в основном представляют Якутию как отдельную административную единицу – ЯАССР в составе РСФСР в советский период, и Республику Саха (Якутия) с начала 1990-х гг. в составе РФ. Исследование разновременных карт доказывает, что топоним как неотъемлемая часть картины мира активно участвует в создании образа пространства, является посредником между автором картографического произведения и читателем карты.

Изучение тематического содержания вышеуказанных разновременных карт позволило составить сравнительную таблицу всех географических названий, зафиксированных на территории Хангаласского улуса. Всего на 16 анализируемых картах выявлено 60 гидронимов и 82 ойконима.

Выявленные из разновременных карт топонимы можно объединить в следующие группы:

- идентичные для карт топонимы, которые присутствуют на большинстве картографических изображений, но отличаются транскрипцией в зависимости от периода составления карт. Они являются топонимической основой, которая характеризует Хангаласский улус. Всего к идентичным топонимам, которые встречаются более 10 раз, относятся три гидронима – это гидронимы Лена, Синяя, Буотама и шесть ойконимов – Покровск, Бестях, Кытыл-Дюра, Синск, Тит-Ары, Исит;

- топонимы, у которых отсутствуют соответствующие аналоги на сравниваемых картах, являющиеся «новыми» для сравниваемых карт, встречающихся по одному разу. Всего по данному критерию к ним относятся 71,7% гидронимов и 37,3% ойконимов;

- топонимы, которые имеются на одних, но отсутствуют на других. Это может быть связано с тем, что топонимы заменены другими названиями или утрачены безвозвратно. В большинстве случаев это относится к ойконимам, в частности к названиям поселений, которые существовали до укрупнения колхозов. И наоборот, к таким топонимам относятся новые поселения которые возникли в результате укрупнения мелких поселений. В качестве примера можно привести такие поселения, как Ат-Дабан,

Ой-Муран, Харыйалах, которые были переселены в образованное в 1950-е гг. с. Едей. Ойконим «Ой-Муран» присутствовал на картах, датированных с конца XVII в. до 1958 г., а ойконим «Едей» появился на картах только с конца 1950-х гг.

Проведенный анализ разновременных карт наглядно показывает увеличение сведений описательного и картографического характера о природе и населении Хангаласского района. Имеющаяся информация на исторических картах в наглядной форме дает представления о гидрографии и поселениях Хангаласского района, начиная с XVII и до конца XX в. Анализ чертежей и карт из разновременных атласов, в которые была включена территория Якутии, показал изменение соотношения условных знаков с самими изображаемыми объектами в зависимости от уровня полноты географических знаний о ее территории и совершенствования методов составления карт. На картах XVIII–XIX вв. преобладает количество гидронимов, многие из которых сохранили свои названия по настоящее время. Основными гидрографическими объектами на территории Хангаласского улуса выступают реки Лена, Буотама и Синяя. До настоящего времени сохранилась часть ойконимов, которая относилась к ямщицким станциям. В настоящее время из 29 поселений, имеющих на территории Хангаласского улуса, 11 поселений были заложены как ямщицкие станции и продолжают функционировать как населенные пункты. Названия ямщицких станций, которые до сих пор функционируют как поселения, сохранились в первоначальном виде или незначительно изменились в результате транскрипции на русский язык.

Однозначно на увеличение количества указанных на карте топонимов влияли не только изученность территории Центральной Якутии, в которую территориально входит Хангаласский улус, но и цель картографирования, масштаб и генерализация карт.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что старые карты являются

ценными историческими источниками и дают необходимую информацию об историческом развитии образа Хангаласского района, а исследование топонимов на картах позволяет выявить динамику в видении, репрезентации и использовании территории района.

Литература и источники

Басик С.Н. Общая топонимика: учеб. пособие для студентов географического факультета. – Минск: Изд-во БГУ, 2006. – 200 с.

Генеральная карта Азиатской России по новейшему разделению 1825 г. http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_6344/?PAGEN_1=1 [Электронный ресурс] (дата обращения: 09.12.2018 г.).

Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. – М.: Минпрос РСФСР, 1949. – 320 с.

Карта Восточной Сибири и Приамурья // http://kartolog.ru/wp-content/uploads/2009/09/ca000000001_0112_w1.jpg (дата обращения: 12.12.2018 г.)

Карта «Часть Мангазейского и Якутского уездов с устьями рек Енисея и Лень». 1770 г. / сост. И. Трускот. ОК ГИМ, ГО 3771/84 // <http://grafika.ru/item/08-005985?k=8543> (дата обращения: 09.12.2018 г.).

Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования (с древнейших времен до 1917 г.). – М., 1971. – 515 с.

Материалы из фонда Лаборатории электронных картографических систем Института естественных наук СВФУ («Генеральная карта Российской Империи 1745 г.», «Планъ Иркутской Губернии Якутское уезда сочиненъ Съ разныхъ описаний 1797 года», «Якутская область Иркутской губернии 1826 г.», Обзорная карта Якутской АССР 1925–1930 гг., Карта административно-территориального деления ЯАССР 1949 и 1958 г.)

Романова О.С. История картографирования Якутии. XVII – начало XX в.: дис. ... канд. геогр. наук: 07.00.10. – М., 2005. – 192 с.

Старинные карты Азиатской России. 1913–1916 // <http://metalloiskateli-info.ru/starinnye-karty/starinnye-karty-aziatskoj-rossii/> (дата обращения: 14.12.2018 г.).

A.N. Savvinova, V.V. Filippova

Multitemporal Maps as a Source for Studying the Toponymic Image of the Khangalassky Ulus of the Republic of Sakha (Yakutia)

In this paper, the RNF project No. 15-18-20047 analyzes the multi-temporal small-scale maps of the Khangalassky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) (from the XVII to the end of the XX century) in terms of the presence and change of place names for the purposes of forming the image of the district. Basically, the maps stored in the cartographic Fund of the laboratory of electronic cartographic systems of the Institute of Natural Sciences of NEFU, photocopies of maps from the national archive of RS(Y), as well as maps from Internet sources were analyzed.

A database was formed, which displayed the quantitative ratio of toponyms (oikonoms - names of settlements, hydronyms - names of water bodies, oronyms - names of relief elements - A.S., V.F). Studying of transformation processes of place names in different historical periods allowed us to connect them with spatial change of landscapes. Available toponymic information on the analyzed historical maps in a visual form gives an idea of the degree of study of the territory of the Khangalassky district.

Presentation of the results of toponymic analysis in the spatial view, the systematization of the received information about the place names and the simulation of the actual situation of the birth and functioning of toponymic system, the study of their dynamics clearly shows the increase of descriptive and cartographic information on the nature and population of the Khangalassky district of the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: place names, historical periods, multi-temporal maps, toponymic image of the region, Khangalassky district, Yakutia.

Л.М. Хусаинова

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.09.

УДК 81'351(=512.1)

Унификация тюркоязычных алфавитов, основанных на кириллице

Статья посвящена изучению вопроса передачи специфических звуков национального языка буквами русского алфавита. В связи с этим указаны документы, регламентирующие перевод башкирской письменности с латиницы на кириллицу. При разработке алфавитов на русской графике в них не были соблюдены некоторые принципы: буквы русского алфавита должны были употребляться в тех же значениях; для специфических звуков национальных языков введены отдельные буквы, но между алфавитами народов СССР не была проведена унификация. В башкирском алфавите спорные вопросы возникли в связи с буквами я, ё и звуками [w], [o°] и др. Другая проблема связана с тем, что некоторые специфические звуки национальных языков были обозначены разными буквами, например, звук [ъ] – буквами *ъ, ѓ, ѓь*. Автором статьи рассмотрены попытки унификации, предложенные К.М. Мусаевым, Н.А. Баскаковым, К.З. Ахмеровым, Х. Курбатовым и др. Интерес представляет работа К.М. Мусаева по подсчетам существующих знаков-букв, унифицирование которых может привести к ликвидации разнобоя в обозначении аналогичных фонем. Поддерживая это мнение, автор статьи считает, что нужно попытаться пересмотреть функционально-артикуляционные характеристики специфических букв тюркоязычных алфавитов.

Ключевые слова: тюркское языкознание, кириллица, алфавиты, буквы, звуки, унификация.

Перевод на кириллицу башкирской письменности произошел в 1939–1941 гг., когда многие тюркские народы СССР, народы Кавказа (кроме армян и грузин), Средней Азии, Поволжья и Сибири уже разработали свои алфавиты и орфографию на русской графической основе. Данный вопрос рассматривался на бюро Башкирского обкома, которое вынесло постановление от 21 апреля 1939 г. об организации комиссии по разработке башкирского алфавита и новой орфографии башкирского языка на основе кирил-

лицы [Тикеев, 2013, с. 168]. 8 мая 1939 г. состоялось заседание этой комиссии, где с докладом о новом алфавите выступил директор Научно-исследовательского института языка и литературы им. М. Гафури Усманов.

Согласно заключению Института языка и письменности АН СССР о башкирском алфавите и орфографии от 11 декабря 1939 г. за подписью профессора Б. Гранде, новый башкирский алфавит включал практически все буквы русского алфавита, а для обозначения специфиче-

ских фонем башкирского языка были введены следующие буквы [Фатихов, 1976, с. 187]:

- ‘Ъ’ (перевернутая буква ‘е’) – для переднего широкого ‘а’ (взятая из академтранскрипции);
- ‘Ѓ’ (перечеркнутое поперечной чертой ‘о’) – для переднего губного ‘о’;
- ‘Ц’ (буква ‘у’ со спрямленной нижней чертой) – для переднего губного ‘у’;
- ‘Ғ’ (‘к’ с удлинённой вверх вертикальной чертой) – для глубокого – заднеязычного ‘к’;
- ‘Љ’ (буква ‘г’ с поперечной чертой на вертикальной линии) – для заднеязычного фрикативного ‘г’;
- ‘Ң’ – для придыхательного ‘ў’;
- ‘Ҟ’ (‘н’ с зубчиком внизу) – для заднеязычного носового;
- ‘Қ’ (‘з’ со значком «седиль» внизу) – для междузубного ‘з’;
- ‘Ҥ’ (‘с’ со значком «седиль» внизу) – для междузубного ‘с’.

При изучении истории башкирского алфавита, основанного на русской графике, интерес представляет еще один документ, где прописаны «принципы алфавита и орфографии башкирского языка». В нем сказано, что «все буквы русского алфавита включены в башкирский алфавит в таком же порядке, как и в русском алфавите», «орфография башкирского языка строится на базе живого языка трудящихся башкир и башкирского современного литературного языка», «русские и интернациональные слова, вошедшие в башкирский литературный язык, пишутся согласно существующему правописанию русского языка», «русские слова, давно вошедшие в башкирский язык и изменившие свои формы произношения, пишутся согласно их живому произношению (*бҖрльнль [брезно], рьт [ряд], торба [труба], сьйнҖк [чайник]*)» [Там же, с. 186–187].

Тем не менее одна буква русского алфавита (буква ‘ё’) тогда не была включена в алфавит башкирского языка. Дело в том, что буквы русского алфавита ‘я’, ‘ю’, ‘е’, ‘ё’, которые в определенных позициях слова обозначают сочетание двух звуков (я – [й+а], ю – [й+у], е – [й+э], ё – [й+о]), в башкирском языке, кроме указанных сочетаний звуков, должны были обозначать и мягкие варианты аналогичных сочетаний звуков, например, буква ‘я’ должна обозначать со-

четание звуков [й+а] и [й+ль], буква ‘ю’ должна обозначать сочетание звуков [й+у] и [й+J], буква ‘е’ должна обозначать сочетание звуков [й+о] и [й+ть]. Этот вопрос рассматривался на республиканской научной конференции «О путях дальнейшего развития башкирского литературного языка», прошедшей в декабре 1940 г. в Башкирском научно-исследовательском институте языка и литературы им. М. Гафури. О таком принципе передачи сочетаний звуков в башкирских словах сообщил в своем докладе профессор Н.К. Дмитриев. По данному вопросу возникало разногласие: одна группа участников конференции поддержала это предложение, исходя из того, что в данном случае будет иметь место единообразие в передаче сочетаний звуков в башкирском и русском языках. Другая группа выступила против, так как в башкирском языке довольно много слов, имеющих в составе слова сочетание таких звуков, как [й+ль], [й+J], [й+нь], а также [й+о]. Кроме того, артикуляционные характеристики звуков [а^о], [о^о] в русском и башкирском языках отличаются. После конференции вопросы правописания гласных звуков башкирского языка были рассмотрены заново учеными Научно-исследовательского института языка и литературы им. М. Гафури. Для обозначения специфических звуков башкирского языка было предложено ввести 9 букв; буква ‘я’ употребляется для обозначения только сочетания звуков [й+а]. Но две буквы остались двузачными: буква ‘ю’ обозначала сочетание звуков [й+у] и [й+J]; буква ‘е’ – один звук [э] и сочетание звуков [й+э]. А буква ‘ё’ вообще не была представлена в алфавите башкирского языка. В результате в башкирских словах сохранилось написание сочетаний звуков [й+о], [й+ль] отдельными буквами: *йола (обычай), йомро (круглый), бойрок (приказ), йьшел (зеленый), йьш (возраст; молодой)*.

Комиссией был составлен обновленный проект орфографии и отправлен в Институт языка и письменности АН СССР, который предлагал в то время следующие принципы составления национальных алфавитов на основе русской графики:

- в национальных алфавитах буквы русского алфавита должны употребляться в тех же значениях, что и в русском алфавите;
- для специфических звуков национальных языков следует ввести отдельные буквы;

- унифицировать алфавиты народов СССР, основанные на русской графике.

Следует отметить, что унификация алфавитов дала бы большие возможности для научного исследования этих языков в плане сравнительно-исторического и типологического исследований, но, к сожалению, последний пункт остался только на бумаге.

В последующее десятилетие ученые Научно-исследовательского института языка и литературы им. М. Гафури продолжили выявление спорных вопросов в орфографии башкирского языка, которые сводятся к следующему: необходимо ввести в башкирский алфавит букву 'ё', так как в башкирском литературном языке употребляются заимствования из русского языка с этой буквой (*вахтёр, шахтёр, щётка*); устранить разнобой в написании заглавных букв; наличие большого количества сложных слов башкирского языка приводит к разным формам оформления их написания, тем более что в башкирском языке сложные слова могут писаться слитно, полуслитно (через дефис) и отдельно; не все случаи употребления заимствованных слов регламентированы в вопросе присоединения к ним окончаний и т.д. После изучения этих и других вопросов была подготовлена новая редакция орфографии башкирского языка, утвержденная Президиумом Верховного Совета БАССР 23 ноября 1950 г. Отдельной брошюрой этот свод правил вышел в 1951 г.

С этого времени алфавит башкирского языка состоит из 42 букв: в него вошли все буквы русского алфавита, а также 9 букв для передачи специфических звуков башкирского языка. В дальнейшем поправок в алфавит башкирского языка не последовало, хотя в 1950–1960-х гг. были выступления на страницах СМИ А.Г. Бишева (газ. «Совет Башкортостаны», 20 августа 1957 г.), Н.Х. Ишбулатова (газ. «Совет Башкортостаны», 19 декабря 1957 г.), Х.Г. Юсупова (газ. «Совет Башкортостаны», 17 декабря 1957 г.), которые предлагали ввести отдельные буквы для обозначения башкирских звуков [w] – ŷ, [o] – ô, [e] – ê и др.

Проблема передачи специфических звуков национальных языков известна не только башкирскому языку. Решение данного вопроса осложняется следующим: после перехода на русскую графику, как отмечает К.М. Мусаев [1965],

вопросы совершенствования орфографии долгое время не были предметом коллективного обсуждения тюркологов во всесоюзном масштабе. Только в 1959 г. на Всесоюзном совещании по терминологии Е.И. Убрятова поставила этот вопрос [Убрятова, 1961].

Впоследствии об унификации алфавитов тюркских языков писали многие тюркологи, которые предлагали в масштабе близкородственных тюркских языков взять за основу один из алфавитов, например, алфавит казахского языка [Курбатов, 1957, с.118].

В своих работах башкирский языковед К.З. Ахмеров поднимает проблему унификации тюркоязычных алфавитов, разработанных на основе русской графики, в которых для обозначения практически одинаковых звуков тюркских языков взяты разные буквы из разных алфавитов: например, для обозначения звука [ɲ] в башкирском, казахском, кыргызском, татарском, туркменском, уйгурском языках взята буква 'Ө-нь', а в гагаузском, хакасском языках – буква 'Ö-ö', в кумыкском и ногайском языках – буква 'обь'; для обозначения звука [J] в башкирском, казахском, кыргызском, татарском, тувинском, туркменском, уйгурском, азербайджанском языках взята буква 'Ц-Ј', а в гагаузском, хакасском языках – буква 'Ў-ў', в кумыкском и ногайском языках – буква 'уь'; для обозначения звука [Γ] в башкирском, казахском, кыргызском, татарском языках взята буква 'Г', а в карачаевском и ногайском языках – буква 'нъ', в алтайском языке – буква 'н'; для обозначения звука [k̟] в башкирском языке взята буква 'г-к', в балкарском, карачаевском, кумыкском языках – буква 'къ'; для обозначения звука [h] в башкирском, азербайджанском, каракалпакском, уйгурском, казахском языках взята буква 'Ль-һ', в балкарском, карачаевском, кумыкском языках – буква 'гъ' [Ахмеров, 2012, с.101].

К.М. Мусаев в своей книге «Алфавиты языков народов СССР» [1965] пишет, что создание алфавитов на русской графике – это лишь первый этап в унификации алфавитов народов СССР, и этот этап характеризуется отсутствием координации работ создателей различных алфавитов. Теперь необходимо сделать второй шаг – максимально сблизить алфавиты с тем, чтобы люди могли читать на родственных языках. По мнению К.М. Мусаева, сопоставительное изу-

чение алфавитов языков народов СССР дает возможность унификации в основном использовании дополнительных знаков для передачи специфических фонем. Далее рассматриваются семь способов передачи специфических фонем национального языка [Там же, с. 66].

В 1966 г. в Баку проводится тюркологическая конференция, посвященная 40-летию I Тюркологического съезда, где почти половина докладов была посвящена вопросам совершенствования орфографии тюркских литературных языков, что свидетельствует о том, что практическое применение русской графики выявило определенные проблемы, которые необходимо решать в русле унификации этих алфавитов и орфографий национальных языков [Мусаев, 1973].

В 70-х гг. прошлого столетия отечественные ученые изучали историю алфавитов младописьменных тюркских языков и обсуждали вопрос о необходимости проведения реформ в области алфавитов, орфографии с целью совершенствования и унификации существующих тюркских алфавитов. Был издан сборник, в который вошли две общие статьи Н.А. Баскакова и 20 статей об алфавитах следующих тюркских языков: азербайджанского, алтайского, башкирского, гагаузского, казахского, каракалпакского, карачаево-балкарского, киргизского, крымско-татарского, кумыкского, ногайского, татарского, тувинского, туркменского, узбекского, уйгурского, хакаского, чувашского, шорского, якутского языков [Вопросы совершенствования алфавитов..., 1972]. В предисловии ответственный редактор сборника профессор Н.А. Баскаков отмечает, что «проблема унификации алфавитов всех тюркских языков является весьма сложной в связи с тем, что алфавиты каждого конкретного языка разрабатывались изолированно друг от друга, почти без участия каких-либо координационных центров» [Там же, с. 3]. В результате нужно было установить основные недостатки в конкретных алфавитах, внести предложения по их устранению и выяснить возможности реализации соответствующих исправлений.

В своей статье Н.А. Баскаков предлагает следующие принципы, которых целесообразно придерживаться при дальнейшем совершенствовании и фонетической унификации тюркских алфавитов:

- звуки, представляющие собой реализацию одной и той же или близкой по типу фонемы, в различных языках должны обозначаться одинаковыми буквами;

- каждая буква должна обозначать только один звук (но не сочетание звуков);

- каждый звук должен обозначаться только одной буквой (но не сочетанием букв);

- каждая буква алфавита не должна обозначать различные звуки в разных алфавитах [Баскаков, 1972, с. 10–11].

Здесь же Н.А. Баскаков предлагает сводный алфавит для всех тюркских языков на русской основе, состоящий из 39–40 букв (10–11 букв – для гласных, 29 букв – для согласных). При этом состав алфавитов конкретных языков не должен превышать 35 букв [Там же, с. 26–27].

Таким образом, по его мнению, в области согласных звуков необходимо, во-первых, избегать, по возможности, обозначения одного и того же звука разными буквами как внутри одного алфавита (ср., например, обозначение [w] в татарском и башкирском алфавитах, где этот согласный имеет три эквивалента: 'в', 'у', 'J'), так и в различных алфавитах (ср., например, обозначение согласного 'ж' шестью способами: 'дж', 'дь', 'жс', 'жс', 'ч', 'ч'); во-вторых, избегать, по возможности, введения в алфавит лишних букв, которые могут быть заменены условными орфографическими приемами. Ср., например, излишние знаки 'к' и 'ћ' (и соответствующие графические их варианты 'к', 'кь', 'зъ') в языках, сохранивших законы сингармонизма, например в кумыкском, ногайском, казахском, каракалпакском, башкирском, где дифференциация в произношении 'к' и 'к', 'з' и 'ћ' достигается наличием либо задних, либо передних гласных в слове; ср., например, в каракалпакском языке: *кол* [қол] (рука) и *кьл* [кьл] (озеро) или *согыў* (драка) и *сьгиў* (брань) и т.п.; в-третьих, избегать, по возможности, многозначности отдельных букв алфавита, обозначающих далекие друг от друга значения. Например, буква 'у' в казахском алфавите обозначает такие различные звуки, как гласный [y], согласный [j] и дифтонги [yj], [Jj]; в-четвертых, необходимо максимально сблизить графику и орфографию национальных алфавитов с графикой и орфографией русского языка, устраняя имеющиеся здесь противоречия [Баскаков, 2010, с. 87–88].

К.М. Мусаев же считает, что для совершенствования орфографий языков, пользующихся одной алфавитной системой, необходимо провести сравнительное исследование в рамках раздела языкознания под названием «сравнительная орфографиология». Цель сравнительной орфографиологии – основываясь на объективных исследованиях, давать научно обоснованные рекомендации для совершенствования орфографий живых литературных языков, выяснять некоторые «общеизвестные» языковые явления, открытые письмом [Мусаев, 1973, с. 13–14].

Изучив опыт унификации алфавитов на латинице, К.М. Мусаев предлагает наиболее простое решение для алфавитов языков с более сложной фонетической структурой. По его мнению, для окончательной унификации алфавитов языков народов СССР необходимо провести типологические исследования по фонетике этих языков, в результате чего можно было бы выделить в отдельные группы:

1) общие для всех языков фонемы, для которых будут приняты единые знаки (буквы) во всех языках; эти общие фонемы представляли бы собой межгрупповые;

2) фонемы, имеющиеся лишь в одной группе родственных языков (индоевропейской, тюркской, финно-угорской и т.д.) и у отдельных представителей других групп родственных языков, – межъязыковые (или внутригрупповые) фонемы, для которых также будут приняты единые знаки;

3) специфические только для отдельных языков фонемы, которые будут обозначаться особыми знаками.

К.М. Мусаев считает, что после установления таких групп фонем унификация не будет представлять большой трудности. По его подсчетам, в алфавитах языков народов СССР существуют 97 знаков-букв, состоящих из одной литеры или из одной литеры с дополнительным диакритическим знаком. Из 97 букв 11 имеют в виде дополнительного знака апостроф (‘), 10 – две точки над буквой, 4 – дужки над буквой (например, ä), два – горизонтальную черту (ā), одна – вертикальную черту (ý). В виде дополнительных знаков, пишущихся слитно с буквой, у 12 букв существует седиль – крючок под буквой у 7 – средняя или верхняя горизонтальная черта (на-

пример, н, ñ), у двух – вертикальная черта (ч, к), у двух – большая дуга, напоминающая правую круглую скобку (џ, џ).

Кроме вышеуказанных, существуют 108 сложных знаков в виде сочетания двух, трех и четырех букв. Из них в тюркских языках – 9, индоевропейских – 7, финно-угорских – 4, северных – два, остальные 80 с лишним – в иберийско-кавказских языках. Общее количество обозначений фонем в алфавитах языков народов СССР, пользующихся русской графикой, достигает 205 [Мусаев, 1965, с. 73]. По мнению К.М. Мусаева, унифицирование только 10 специфических букв алфавитов лишь тюркских языков приведет к ликвидации разнобоя в обозначении аналогичных фонем и высвободит 24 буквы. Однако он считает, что усовершенствование алфавитов нужно проводить с большой осторожностью, не допуская ломки существующих.

Как было сказано выше, в башкирском языке, несмотря на наличие отдельных статей и выступлений на эту тему, внесения изменений в алфавит после 1950 г., когда ввели 42-ю букву ‘ё’, не произошло. Дальнейшая работа по усовершенствованию правил орфографии башкирского языка велась в русле уточнения и дополнения правил правописания аффиксов и отдельных слов. Результатом этих исследований стала утвержденная в 1981 г. последняя на сегодняшний день орфография башкирского языка, которая является действующей. Последние изменения в башкирскую орфографию были внесены лингвистами под руководством А.Г. Бишева. При этом насущность вопроса об усовершенствовании правил правописания никто не отрицает. Так, в 1989 г. был разработан новый, но не принятый, «Алфавит татарского литературного языка», в который были включены и специальные символы ‘к’, ‘ñ’, ‘ý’ для обозначения в татарском языке звуков [к], [ñ], [w] [Сафаров, 2015]. В 2012 г. участники межрегиональной научно-практической конференции, состоявшейся в Уфе, предложили для обозначения звука [уау] использовать «ў, Э» (*ўакыт (время), Эли (Вали)*) или включить в башкирский алфавит латинскую букву «v» (*вакыт, вэли*), а для обозначения билабиального фрикативного звука [б], близкого к звуку [в], также ввести свою букву [Концепция совершенствования норм ..., 2012, с. 182]. На наш взгляд, в данном вопросе будет какой-то ре-

зультат, если вести речь не о добавлении отдельных букв в существующие алфавиты, а проведении целенаправленной работы по унификации тюркоязычных алфавитов (пересмотреть функционально-артикуляционные значения букв) народов России, основанных на кириллице.

Литература

Ахмеров К.З. Из истории башкирской письменности. – Уфа: Китап, 2012. – 184 с.

Баскаков Н.А. О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавитов тюркских языков народов СССР // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. – М.: Наука, 1972. – С. 10–11.

Баскаков Н.А. Тюркские языки. – 4-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 248 с.

Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР / отв. ред. Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1972. – 240 с.

Концепция совершенствования норм современного башкирского литературного языка // Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка: матер. межрег. науч.-практ. конф. – Уфа: АН РБ: Гилем, 2012. – С.175–197.

Курбатов Х. Об унификации алфавитов тюркских языков в СССР // Сов. востоковедение. – 1957. – № 6.

Мусаев К.М. Алфавиты языков народов СССР. – М.: Наука, 1965. – 87 с.

Мусаев К.М. Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографий тюркских литературных языков Советского Союза // Орфографии тюркских литературных языков СССР. – М.: Наука, 1973. – С. 16–42.

Сафаров Р.Т. Татарская орфография: история, современное состояние, проблемы // Чувашская орфография вчера, сегодня, завтра: матер. межрег. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2015. – С. 91–94.

Тикеев Ф.С. Башкирское языкознание: становление и история развития (1900–1950). Т.1. – Уфа: Гилем; Башк. энцикл., 2013. – 216 с.

Убрятова Е.И. Вопросы графики и орфографии народов СССР, пользующихся алфавитом на русской основе // Вопросы терминологии: матер. всесоюз. терминолог. совещания. – М.: АН СССР, 1961. – С. 92–99.

Фатихов К.З. Создание башкирской письменности, становление и развитие литературного письменного языка (1917–1940 гг.) // Южноуральский археографический сборник. – Вып. 2. – Уфа: БФ АН СССР, 1976. – С. 145–195.

L.M. Khusainova

Unification of Turkic Alphabets, Based on Cyrillic

The article is devoted to the study of the transfer of specific sounds of the national language by the letters of the Russian alphabet. In this regard, there are documents regulating the translation of Bashkir writing from Latin to Cyrillic. When developing alphabets on Russian graphics, some principles were not observed in them: the letters of the Russian alphabet should have been used in the same meanings; separate letters were introduced for specific sounds of national languages, but unification was not carried out between the alphabets of the peoples of the USSR. In the Bashkir alphabet, controversial issues arose in connection with the letters I, e and sounds [w], [oo], etc. Another problem is that some specific sounds of national languages were marked with different letters, for example, the sound [н] - letters нь, ö, o. The author of the article considers attempts at unification proposed by K.M. Musayev, N.A. Baskakov, K.Z. Akhmerov, H. Kurbatov and others. The work of K.M. Musayev according to estimates of existing characters-letters, the unification of which can lead to the elimination of differences in the designation of similar phonemes. Supporting this opinion, the author of the article believes that it is necessary to try to revise the functional-articulation characteristics of the specific letters of the Turkic alphabets.

Keywords: Turkic linguistics, Cyrillic alphabet, alphabets, letters, sounds, unification.

Новейшая тюркская лексикография (о новом типе толковых словарей)

Статья посвящена описанию новых типов словарей, которые появились в последние годы в тюркской лексикографии, – национальных словарей нормативно-регистрающего типа. Зачинателями этого направления в составлении тюркских словарей являются якутские лексикографы. Подобные многотомные своды создаются в якутской и башкирской лексикографиях: якутский «Большой толковый словарь якутского языка» задуман как пятнадцатитомник (2004 г. – настоящее время), башкирский «Академический словарь башкирского языка» включает 10 томов, его подготовка и издание завершились в 2018 г. (2011–2018 гг.). Регистрирующий характер словарей выражается в стремлении учесть наиболее полный перечень имеющихся в языке слов и выражений, включая композиты, раскрыть каждую сему. Нормативность проявляется в орфографических, орфоэпических сведениях, содержащихся в словарях. Одной из значимых особенностей данных словарей является стремление максимально полно передать этнолингвистическую информацию, заключающуюся в словах. Объемность охватываемого материала, наличие переводов (в якутском словаре якутские слова даются в переводе на русский язык, в башкирском – все слова и значения – в переводе на русский, все заглавные слова – в переводе на русский, английский и турецкий языки), иллюстративность в описании значений, разноплановость собранных словарных единиц и многоаспектность раскрытия значений слов способствуют тому, что в словарях достигается показ всесторонней жизни слова в языке.

Ключевые слова: тюркология, лексикография, принципы составления словарей, переводные словари, якутский язык, башкирский язык, многотомные национальные словари, значения слов, толкование, словник.

Лексикография последних лет переживает качественный рост и подъем. Появилось большое количество новых словарных проектов, различающихся по объему, охвату лексики, функциональной направленности, форме представления. Стремительно меняющаяся действительность задает свои темпы, подсказывает новые варианты в разработке, составлении и опубликовании словарных изданий. Несмотря на то, что к настоящему времени лексикография практически каждого языка имеет довольно солидный перечень опубликованных работ, актуальность подготовки словарей никогда не исчезает, наоборот, спрос на них, тем более в модернизированной форме, был и остается всегда.

В тюркской лексикографии к настоящему времени накопилось множество лексикографических работ как традиционного плана, к которым относятся толковые, переводные, фразеологические, семонимические, этимологиче-

ские, специальные, тематические, терминологические, учебные, грамматические, орфографические, орфоэпические, диалектологические и др., так и новых типов словарей, в числе которых в первую очередь нужно указать частотные, обратные, словари писателей, этнолингвистические, словари концептов и символов, функционально-когнитивные, толково-словообразовательные, мотивационные, ассоциативные и др. Отдельный перспективный ряд составляют новейшие разработки в области информационных технологий, связанные с созданием электронных словарей и их использованием (об этом, например, см. [Ягафарова, 2015]). Таким образом, по сравнению с предыдущим поколением традиционных изданий словари теперь значительно расширили и сферу применения, и области распространения, и свой функционал.

В данной статье речь идет о новом типе толково-переводных словарей, появившихся в по-

следние годы в тюркской лексикографии. Якутские лексикографы, которые являются зачинателями этого направления в тюркологии, условно назвали данный тип нормативных лексикографических трудов «национальным словарем нормативно-регистрирующего типа» [Слепцов, Нелунов, Монастырев, 2011] вслед за известным историком лексикографии Л.П. Ступиным, который видел основное содержание и предназначение словарей подобного рода в следующем: «Эволюция толкового словаря национального языка от словаря предписывающего типа к словарю регистрирующего типа есть закономерный качественный переход в развитии национальной лексикографии, отражающей, в частности, стремление лексикографов к более научному и объективному рассмотрению языка как социального явления» [Ступин, 1978, с. 154]. В настоящее время подобные словарные проекты создаются на материале двух тюркских языков – якутского и башкирского.

«Большой толковый словарь якутского языка» задуман как пятнадцатитомник, работа над ним ведется коллективом сотрудников сектора лексикографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (ИГИИПМНС СО РАН). Первый том данного словаря увидел свет в 2004 г.; в настоящий момент в печати находится последний, 15 том [Саха тылын..., 2004–2018]. Главный редактор словаря – академик АН РС (Я), действительный член Нью-Йоркской АН, заслуженный деятель науки РС (Я) и РФ, лауреат Государственной премии РС (Я) им. П.А. Ойунского, лауреат Государственной премии РС (Я) в области науки и техники, заслуженный ветеран Сибирского отделения РАН, главный научный сотрудник отдела якутского языка ИГИИПМНС СО РАН, доктор филологических наук, профессор Петр Алексеевич Слепцов. Им разработаны основные теоретические положения и принципы составления «Большого толкового словаря якутского языка», проведено редактирование многотомника. По своему построению (толково-переводной), объему (составители стремились как можно полнее отразить и представить лексику якутского языка, в том числе пассивную периферийную лексику, народную терминологию, которая в настоящее время почти недоступна

большой части якутского населения) и назначению (ориентирован на широкую читательскую аудиторию билингов) словарь существенно отличается от своих предыдущих аналогов (об этом см. подробнее в статье П.А. Слепцова [Слепцов, 2015]). Здесь все тщательно продумано: начиная от подборки справочных материалов и заканчивая выбором графического их представления, словарь является действительно новым весомым вкладом в тюркскую лексикографию.

На материале башкирского языка подобный словарь создается коллективом сотрудников отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН под руководством члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора, главного редактора словаря Ф.Г. Хисамитдиновой. В свое время приступая к работе над башкирским многотомником, она писала: «Идея создания многотомного толкового словаря башкирского языка возникла в 2005 г. после моей поездки в Саха-Якутию. Глядя, как с упоением и любовью, гордостью за свой народ, создавший столь богатый язык, гордостью за себя, воздвигающих памятник родному языку, работают наши коллеги – якутские языковеды, я решила, что создание многотомного академического двуязычного толкового словаря не только архиважная задача, стоящая перед башкирскими языковедами, но и долг их перед любимым народом, его будущими поколениями» [Хисамитдинова, Суфьянова, 2007]. В 2011–2018 гг. в издательстве «Китап» опубликовало все 10 томов «Академического словаря башкирского языка» [Академический словарь..., 2011–2018]. В отличие от предыдущих изданий словарей башкирского языка, «Академический словарь башкирского языка» является первым в истории башкирской лексикографии толково-переводным словарем. Его основная цель – максимально полно охватить существующую лексику башкирского языка, представленную в художественной, научно-популярной, учебно-методической, публицистической литературе, показать лексическое богатство башкирского языка в синхронии и диахронии.

Оба словаря опираются на солидный фактический материал. Якутский словарь, работа над

которым велась с 1972 г. составлен на базе трех-миллионной Академической картотеки, созданной при секторе лексикологии и лексикографии Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР [Саха тылын..., 2004, с. 16]. Башкирский словарь подготавливался на материале двух больших картотек (картотека толкового и картотека диалектологического словарей), собранном сотрудниками Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, в него вошли около трех миллионов слов. За основу при его составлении был взят двухтомный толковый «Словарь башкирского языка» (М., 1993) под редакцией известного башкирского лексикографа А.Г. Биешева; широко использовались материалы «Диалектологического словаря башкирского языка» (Уфа, 2002) и «Диалектологического атласа башкирского языка» (Уфа, 2005), а также материалы многих лексикографических работ лингвистов республики (в разные годы подготовлены и изданы фундаментальные двуязычные русско-башкирские (1948, 1954, 1964, 2005), башкирско-русские (1958, 1996) словари под руководством Н.К. Дмитриева, К.З. Ахмерова, Т.Г. Байшева, З.Г. Ураксина; на протяжении XX в. было издано около 60 терминологических словарей по разным отраслям науки, техники и производства, (в начале XXI в. – свыше 40), обобщающие монографии по различным аспектам башкирского языкознания.

«Большой толковый словарь якутского языка» и «Академический словарь башкирского языка» признаны новыми в тюркологии, их новизна заключается в ряде моментов.

Как уже было сказано выше, главной их особенностью является стремление включить в словник всю существующую лексику языка. Как известно, основная цель лексикографии – это фиксация языкового материала, сбор и представление слов и сочетаний слов как системы, системы лексики в разрезе временных, функциональных, стилистических и других аспектов. В соответствии с выбранными конкретными задачами появляются и развиваются словари самого разного рода: толковые, терминологические, энциклопедические, чисто лингвистические. Но все же главная цель, которая стоит перед составителями любого словаря, остается неизменной: это учет всех лексических, грам-

матических средств языка, причем желательным всегда остается кумуляция наиболее полного перечня существующих слов и выражений. Это то, к чему стремится лексикограф, приступая уже к обработке словника будущего словаря. Поэтому составители данных лексикографических трудов ставят своей целью не отступать от главной задачи, стоящей перед лексикографами, – обеспечить широту охвата лексики.

По словам создателей якутского словаря, «в словарь включены: лексические единицы, собранные из различных источников, употребляемые как в художественной литературе, так и в публицистике, печати и разговорной речи; слова, образованные посредством различных производящих средств; фразеологизмы; сложные и составные слова с терминологическим значением. Кроме того, представлены редко употребляемые слова или вышедшие из употребления в современном разговорном языке, но встречающиеся в различных источниках, устаревшая лексика, народная терминология, а также наиболее перспективные и достаточно распространенные диалектные слова» [Саха тылын..., 2004, с. 11–12]. Тот же принцип взят на вооружение и башкирскими лингвистами [Академический словарь..., 2011, т. 1, с. 34–35]. Учитываются все слова литературного башкирского языка, в том числе старые и новые заимствования из других языков (включая некоторые узкоспециальные термины типа морск. *кингстон*, муз. *клави́р*), а также наиболее распространенные диалектизмы. При этом, поскольку словарь ориентирован на охват всей лексики, демонстрирующей богатство языка, вариантность некоторых лексем значительна. Так, в башкирском словаре только во 2-м томе, в котором представлены слова, начинающиеся на букву *Б*, содержится около 30 диалектных вариантов слова *бәнембә* ‘одуванчик’: *бабайбаш*, *бабай башы*, *бабай үләне*, *баганак*, *багаяк*, *багүлән*, *багымба*, *багымбак*, *байымбак*, *бакбабай*, *бакбак*, *бакымбак*, *бапагүлән*, *бапымбаш*, *боркак*, *борканак*, *бөгөлмәк*, *бөгөлбәп*, *бөгөләк*, *бөгәр*, *бөгәрләк*, *бүгәлә*, *бәгембә*, *бәгүлән*, *бәмбәкә*, *бәпелдәк*, *бәнем*, *бәнембә*, *бәнембәп*, *бәпкә*.

Необходимо отметить, что охват возможно большего количества лексем обеспечивается не только за счет привлечения различных слоев лексики (литературных вариантов, территори-

альных и социальных диалектов и т. д.), но и за счет включения в словарь сложных слов, что для тюркской лексикографии довольно редкое явление из-за существующих затруднений в разграничении сложных слов от фразеологизмов и свободных словосочетаний. Можно утверждать, что едва ли не единственными словарями в тюркской лексикографии, фиксирующими сложные слова в качестве заглавных, являются турецкие словари (см., например, [Türkçe sözlük, 2005]) и другие издания, выпущенные Турецким лингвистическим обществом (Türk Dil Kurumu). Об удачных и неудачных решениях в разработке сложных слов в тюркских словарях еще в 1972 г. писал известный тюрколог А.А. Юлдашев в своей монографии «Принципы составления тюркско-русских словарей», указывая, что «во многих случаях при составлении тюркско-русских словарей статусом сложных слов пренебрегали, избегая ошибок в их выделении из состава фразеологизмов и свободных словосочетаний» [Юлдашев, 1972, с. 170–226]. Можно утверждать, что вопрос включения или невключения сложных слов в качестве заглавных поныне остается открытым, а большая доля словарного состава тюркских языков, являющая собой именные и глагольные композиты (тем более двух- и более компонентные понятия терминологического характера, к примеру, башкирские *азым үлсәгес* ‘шагомер’, *әүернә сәскәләләр* ‘крестоцветные’ или аналитические формы глаголов, например, *аң булыу* ‘быть настороже, на чеку’, *ваз кисеү* ‘отказаться’), остается неучтенной в лексикографических изданиях.

В якутском словаре из многокомпонентных слов в качестве заглавных помещены парные слова (*аам-дьам* ‘что-либо крайне запутанное, беспорядочно разбросанное, раскиданное’), словосочетания, которые пишутся через дефис и имеют одно устоявшееся лексическое значение (*аам-саам* ‘тихо, неторопливо’), аналитические формы глаголов, образованные от основ образных и звукоподражательных слов в сочетании со служебными глаголами (*лип гын* ‘плотно ложась на опору, произвести резкий стук, резко, энергично хлопнуть’), грамматические разряды некоторых частей речи, образованные с помощью служебных слов (*лоп бааччы* ‘четко, вразумительно, точно’), составные междометия, основные и функциональные модальные

сочетания (*ама дуо* ‘еще бы, а как же’), союзно-модальные сочетания, сложносоставные союзы и слова (*арай туран* ‘и вдруг’), постпозитивные служебные слова (*икки ардыгар* ‘между тем’) [Саха тылын..., 2004, с. 52]. Другие композиты: составные слова со значением термина или номенклатуры, обозначающие конкретный предмет или понятие (*алтан бас* ‘одуванчик’, *алтан от* ‘лютик’, *атырдыах ыйа* ‘август’), аналитические формы глаголов (*айдааны тар* ‘производить большой шум, затевать ссору, скандал’, *батыры ас* ‘вонзать какой-либо инструмент, орудие глубоко во что-либо’), располагаются по гнездовому принципу со знаком ‘светлый ромбик’ после основного слова [Там же, с. 53]. Как видим, здесь многие понятия, имеющие статус номинативных синтагм (например, *мас арыыта* ‘растительное масло’), размещаются традиционно внутри словарных гнезд, причем даются в гнездах обоих компонентов (в данном случае и на *мас*, и на *арыы*).

В отличие от якутского словаря, составители башкирского многотомника сочли необходимым поместить составные слова в традиционном алфавитном порядке в качестве полноправного заглавного слова. Тем самым значительно увеличился состав и объем словаря. К примеру, в нем со словом *урман* ‘лес’ представлено около 40 заглавных слов, в том числе диалектизм (*урман агасы* ‘бортевое дерево’, *урман какыһы* ‘свербига лесная’, *урман талы* ‘ветла’, *урман хужаһы* ‘табуированное название медведя’, *урман эте* ‘енот’ и др.). Для удобства пользования словарем содержащиеся в многотомнике языковые единицы размещаются в алфавитном порядке в качестве индекса к словарю в X томе. Индекс выполняет различные справочные (к примеру, здесь даются сведения по орфоэпии) и отсылочные функции, расширяет функциональные возможности словаря.

Будучи толковыми, данные словари описывают все возможные значения каждой лексемы и понятия. Поскольку лексическая система – самый подвижный уровень языка, его состав и структура постоянно подвергаются изменениям, пополняются новыми словами и значениями либо, наоборот, в силу причин исторического, социокультурного характера теряют в своем составе. Все это находит возможно более точное отражение в описываемых словарях. Так, если

сравнить предыдущий двухтомный толковый словарь башкирского языка [Словарь башкирского языка, 1993] и нынешний, можно увидеть, что некоторые слова из разряда советских реалий получили маркировку историзмов, и, наоборот, восстановили свою активность отдельные архаизмы из исконной лексики или арабизмов и персизмов (к примеру, слова *мөхәррир* 'редактор', *шуро* 'совет'); определенные диалектизмы стали литературной нормой (известно, что диалектизмы иногда являются единственной номинацией того или иного явления, служа источником для пополнения литературного языка, например: *агастабан* 'деревянная подошва лаптей'), а ряд неологизмов дополнился словами, образованными на базе исконной лексики языка (к примеру, *йәнһүрәт* 'мультфильм', *көйәрмән* 'болельщик', *ташлама* 'скидка', *колаклык* 'наушники'); претерпели изменения трактовки значений слов (например, пересмотрены дефиниции, ранее содержащие определения *буржуазный, капиталистический*).

Одной из значимых особенностей данных словарей является стремление максимально полно передать этнолингвистическую информацию, заключающуюся в словах. Общеизвестно, что суть народных представлений о явлениях действительности существенно дополняется связанными с ними верованиями, обычаями, обрядами, присущими конкретно данному народу. В свою очередь из этих представлений складывается языковая картина мира определенного этноса. Выявление и описание в словаре этнокультурного значения отдельных лексических понятий, играющих особую роль в духовной культуре народа, чрезвычайно важно с точки зрения отражения уникальных семантических особенностей языка, которые помогают осознать говорящему или пишущему, в чем заключается самобытность родного языка, его богатство. Поэтому в данных словарях значительное внимание уделено описанию слов и значений, раскрывающих специфику мировосприятия, миропонимания народа, например, якут. *айыы* 'общее название высших существ, олицетворяющих доброе начало (*примерно соответствует христианским божествам*)', *ала* 'тягловый ремень через плечо, шлейка (*в оленьей упряжке*)'; башк. *каран* 'незамерзающий родник (*по представлениям башкир, связывает*

средний и нижний миры)', *айыу* '1) медведь / медвежий; 2) *перен.* о неуклюжем, медлительном, сильном человеке; 3) *миф.* медведь, мифологизированное почитаемое животное, дух леса. По поверьям, имеет человеческое происхождение'. Очень развернуто дается толкование безэквивалентной лексики: якут. *айыы-абааһы* 'собирательное название божественных сил, покровительствующих людям, или противоположных им злых духов, причиняющих вред, связано с древним верованием якутов в существование божественных покровителей и злых духов, вредящих людям или скоту', *аланаа* 'древнее якутское ручное оружие для стрельбы стрелами, кончики дуги которого имеют изгиб для усиления полета стрелы', *ыһыах* 'национальный праздник якутов, устраиваемый в начале лета и сопровождаемый национальными танцами, спортивными играми и кумысным питьем'; башк. *яга* 'нагрудник (*женское нагрудное украшение из нашитых на ткань серебряных монет, кораллов и драгоценных камней*)', *яндау* 'сосуд из цельного полого дерева, с вставным дном, обычно из липы или осины', *ямуртай* 'напиток, которым жених угощает братьев невесты на свадьбе' и др. Через такие словарные статьи или значения слов толковый словарь ярко отражает уникальные семантические особенности языка, которые помогают осознать говорящему или пишущему, в чем заключается самобытность того или иного языка, его богатство.

Таким образом, регистрирующий характер описываемых словарей обеспечивается фиксацией и учетом всего разнообразия существующей лексики и ее семантики. Естественно, значения и особенности употребления слов иллюстрируются цитатами из художественной, научной, общественно-политической литературы и фольклорных текстов, т.к. одной из важнейших сторон любого лексикографического труда является «стремление описать каждую лексическую единицу с позиции ее индивидуальности и неповторимости, показать ее отличительные черты и специфическое контекстуальное окружение» [Дубичинский, 2008, с. 13]. Тем самым достигается показ всесторонней жизни слова в языке. Большим подспорьем при подборе иллюстративного материала к башкирскому словарю послужили материалы Машинного фонда башкирского языка, включающие генеральную кар-

тотеку, лексикографическую, грамматическую, диалектологическую базы, каталоги рукописных и старопечатных книг, художественные и другие тексты [http://mfbl2.ru].

«Если словарь – это зеркало культуры, то нормативно-стилистическая система – ее рентгеновский снимок», – писала Н.Б. Мечковская [Мечковская, 1996, с. 58–59]. Нормативность словарей достигается уже тем, что издания носят академический характер. Поскольку «академическая грамматика и академический словарь должны находиться в отношениях согласованности и комплементарности» [Денисов, 1988, с. 48], в словарях все пометы грамматического характера и разработка оформления осуществлены по правилам существующих ныне грамматик обоих языков. Словарные статьи постулируют предпочтительное употребление тех или иных слов и словоформ, отграничивают стилистические, ареальные варианты слов от литературных; содержат указание на правильное написание лексем в соответствии с существующими правилами орфографии, тем самым одновременно служа и источником по правописанию данных языков. Нормы правописания якутского словаря основываются на «Правилах якутской орфографии», утвержденных Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) № 83 от 14 февраля 2001 г. Орфография башкирского словаря базируется на «Алфавите и орфографии башкирского литературного языка», которые были утверждены Указом Президиума Верховного Совета Башкирской АССР от 22 октября 1981 г. Следует подчеркнуть, что, несмотря на тщательную разработку орфографических норм башкирского языка, белых пятен, неразъясненных моментов в них до сих пор имеется достаточно много, что и выяснилось в процессе создания словаря. В этой связи решение частных вопросов башкирской орфографии в будущем требует особенно внимания языковедов.

Нормативность словарей обеспечивается также сведениями по орфоэпии. Известно, что в тюркских языках ударение падает преимущественно на последний слог, при присоединении аффиксов оно передвигается на конец слова. В якутском словаре знак ударения ставится, если слово в порядке исключения из общего правила имеет ударение на первом или втором

слоге: *субу, сѳннук, нѳһиулѳ* и др. [Саха тылын..., 2004, с. 71]. В башкирском словаре знаком ударения снабжены слова, в которых акцентуация выполняет смыслообразительную функцию (некоторые прилагательные и наречия, например, *яңы* ‘новый’ (прилагательное) – *яңы* ‘только что’ (наречие), заимствованные имена существительные и образованные от них имена прилагательные типа *академик* ‘ученое звание’ – *академик* ‘академический’, или слова, заимствованные из / или через посредство русского языка: *кабриолѳт, узкоколѳйка* и др. Сведения по орфоэпии приводятся в индексе словаря.

Нормативность башкирского словаря распространяется и на пласт собственных наименований, т.к. в приложении к каждому тому словаря башкирского языка содержатся перечни топонимов (гидронимы, оронимы, ойконимы), антропонимов, наиболее употребительных названий фирм, учреждений, организаций. Перечень топонимов регламентирует правописание топонимов Республики Башкортостан на башкирском и русском языках, объединяет списки названий населенных пунктов, названий рек и озер с указанием разновидностей водных объектов (*река, речка, болото, озеро, родник*), названий гор с указанием разновидностей (*гора, возвышенность, склон, хребет, холм, камень, косогор, пещера, подъем, сопка, курган, перевал, цепи гор*). В приложении «Антропонимы» содержится около 3000 мужских и женских имен, которые даны на башкирском и русском языках. Предложенный материал отражает современные нормы передачи башкирских личных имен на русский язык. Наличие большого числа антропонимов, их комбинаций, вариантность имен обусловлены высокой степенью имятворчества, что составляет одну из специфических характеристик башкирского антропонимикона, а также многонациональным составом жителей Республики Башкортостан и существованием множества диалектов и говоров в башкирском языке. Поэтому в приложении многие имена приводятся с вариантами, например, *Васих / Вѳсих, Ғизѳр / Гизѳр, Ғѳле / Ғѳли, Зѳкир / Закир, Илһѳйѳр / Илсѳйѳр, Италмас / Эталмас, Зѳбѳржѳт / Зѳбѳрйѳт, Заһиза / Заһида, Маһи / Маһый, Миңһылыу / Минсылыу, Мѳүлидѳ / Мѳүлизѳ, Самик/Сѳмик, Сыңғыз / Сыңғыз, Раҡыя / Ракия / Рѳкиѳ* и т.п. Список названий

организаций, предприятий и учреждений, представленный в каждом томе словаря по состоянию на момент подготовки рукописи, призван упорядочить существующий разнобой в правописании эргонимов на башкирском и русском языках ввиду того, что множество учреждений и организаций были переименованы именно в течение последнего десятилетия из-за смены формы собственности имущества, реорганизаций предприятий и т. п., а в соответствии с законом «О языках народов Республики Башкортостан» визуальная информация (оформление названий населенных пунктов, улиц, дорожных указателей, этикеток, ярлыков) должна быть представлена на русском и башкирском языках [Хисамитдинова, Мухтаров, 2016, с. 73].

Оба вышеуказанных словаря являются переводными: все значения даются с переводом на русский язык, что очень важно в условиях российской билингвальной действительности. Тем самым словарь адресуется самому широкому кругу населения, призван служить также и научно-исследовательским целям. Необходимость применения подобного подхода в составлении словарей объясняется также дидактическими задачами: существующее в Республике Саха (Якутия) и Республике Башкортостан активное двуязычие требует перевода на русский язык большого пласта пассивной архаизирующейся лексики и фразеологии обоих языков, что поможет современной молодежи и будущим поколениям точнее, полнее и легче воспринимать и понимать ее семантику.

Как отмечают исследователи, «за последние 15–20 лет отечественная лексикография сделала огромный шаг вперед: сформировались новые типы словарей, обогатился и усовершенствовался метаязык словарных описаний, разработаны новые принципы диалога “словарь – читатель” с учетом многообразных целевых установок адресатов словарной продукции. Создатели словарей стремятся к постоянному обновлению “лексикографического пространства”, отвечая тем самым на все новые и новые вопросы, возникающие у читателей – пользователей словаря» [Козырев, Черняк, 2014, с. 7]. Одним из вызовов, которые ставит современность перед составителями словаря, является полиязычность изданий, что обеспечивает выход на более широкую читательскую аудиторию. В соответствии с

этим в башкирском словаре каждое заглавное слово дается с переводом на английский (как один из языков международного общения) и турецкий (как один из самых распространенных тюркских языков) языки. Так, словарь регистрирует перевод словника на русский (Р.), английский (И.) и турецкий (Т.) языки: *королма* (Р.: сооружение; И.: structure; Т.: уар). Тем самым многоязычность башкирского многотомника обеспечивает полифункциональность издания.

Следующей важной особенностью якутского и башкирского словарей является то, что они содержат сведения по истории языка. В якутском словаре, если происхождение слова достаточно прозрачно, в конце словарной статьи дается указание относительно этимологии заглавного слова (преимущественно тюркские, тюрко-монгольские, монгольские или эвенкийские корни), например: *адарай* – монг. *адайр*, *адъарай* – бур. *ажирай* [Саха тылын..., 2004, с. 71]. В башкирском словаре этимологические справки даются после заглавного слова в краткой форме, без ссылок на источники, с указанием этимонов, например: *косур* [Ғәр. روصق] ‘недостаток’; *ваза* [рус. < фр. *vase*] ‘ваза’. С целью более точного определения фаунистической и флористической терминологии в башкирском словаре также указываются их международные научные названия на латинском языке: *корохтан* ‘турухтан’ (лат. *Philomachus pugnax*), что также повышает информативную значимость словарей.

Таким образом, в настоящее время в тюркологии появляется новый тип переводно-толковых национальных словарей нормативно-регистрающего характера, цель которых – охватить всю лексику языка во всем его разнообразии стилей, территориальных, социальных, временных пластов. При этом они полностью соответствуют требованиям, которые ставятся перед современной лексикографией: «Словарное произведение выступает продуктом национальной культуры еще и в том смысле, что является справочником по культуре речи. Оно, как правило, отвечает на основные вопросы, которые ставит пользователь перед тем, как заглянуть в словарь: правильно ли я говорю, так ли употребляю слово или выражение, верен ли перевод данного слова на другой язык и т.п.» [Дубичинский, 2008, с. 31]. Нормативно-регистрающий тип словаря, по справедливому замечанию

П.А. Слепцова, признается «наиболее перспективным и научным направлением современной лексикографии» [Слепцов, 2015, с. 50]. Создание таких словарей направлено на распространение норм национального литературного языка, а также обеспечение возможности для научного изучения отдельных тюркских языков и более широкого овладения ими. Словари служат базой для сравнительных, сопоставительных исследований, а также основой изучения словарного состава языков в синхронии и диахронии, что полностью отвечает актуальным задачам и функциям науки лексикографии, заключающимся в возможно более полном учете, фиксации и представлении лексических средств языка на основе самых современных достижений лексикографической науки.

Литература

Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2011–2018. – Т. 10.

Академический словарь башкирского языка = Башкорт теленец академик һүзлеге: в 10 т. / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2011. – Т. 1: (буква А). – 432 с.

Денисов П. Н. Единицы словаря // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1988. – С. 48–52.

Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 432 с.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. – 2014. – 1 (5). – С. 5–13.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитар. вузов. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 1996. — 207 с.

Саха тылын быһаарылыах улахан тылдьыта: в 15 т. / под общ. ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004–2018. – 15 т.

Саха тылын быһаарылыах тылдьыта: в 15 т. / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – Т. 1 (буква А). – 680 с.

Слепцов П. А. О многотомном «Большом академическом толковом словаре якутского языка» // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 3 (12). – С. 47–52.

Слепцов П.А., Нелунов А.Г., Монастырев В.Д. О новом типе толкового словаря якутского языка // Наука и техника в Якутии. – 2011. – № 2 (21). – С. 10–15.

Словарь башкирского языка = Башкорт теленец һүзлеге: в 2 т. / под ред. А.Г. Бишева. – М., 1993.

Ступин Л.П. Каким должен быть толковый словарь: предписывающим или регистрирующим? // Язык и общество. – Саратов: ЛГУ, 1978. – С. 33–41.

Хисамитдинова Ф.Г., Мухтаров Т.Г. Функционирование языков в Республике Башкортостан: проблемы развития башкирского языка как государственного // Проблемы востоковедения. – 2016. – № 1 (71). – С. 70–75.

Хисамитдинова Ф.Г., Суфьянова Н.Ф. Многотомный академический толковый словарь башкирского языка. Инструкция. – Уфа, 2007. – 56 с.

Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. – М.: Наука, 1972. – 416 с.

Ягафарова Г.Н. Онлайн-словари в лексикографической работе // Тілтаным (Языкознание). – Алматы, 2015. – № 1. – С. 70–76.

Türkçe sözlük. 10. baskı. – Ankara, 2005. – 2244 s. <http://mfbl2.ru>

G.N. Yagafarova

The Newest Turkic Lexicography (About the New Type of Explanatory Dictionaries)

The article is devoted to the description of new types of dictionaries that have appeared in recent years in the Turkic lexicography, the national dictionaries of the standart register type. The pioneers of this trend in compiling Turkic dictionaries are Yakut lexicographers. Such voluminous projects are created in the Yakut and Bashkir lexicography. The Yakut Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language is conceived as a fifteen-volume volume (2004 - present), the Bashkir Academic Dictionary of the Bashkir language includes ten volumes, its preparation and publication ended in 2018 (2011-2018). The registering nature of dictionaries is expressed in an effort to take into account the most comprehensive list of words and expressions available in a particular language, including composites, to reveal every thing. Normativity manifests itself in the spelling, orthoepic information contained in the dictionaries. One of the significant features of these dictionaries is the desire to convey the ethnolinguistic information contained in words as fully as possible. The bulk of the material covered, the availability of translations (in the Yakut dictionary, Yakut words

are translated into Russian, in Bashkir all words and meanings being translated into Russian, all capital entries translated into Russian, English and Turkish), illustrative nature in the description of meanings, the diversity of the collected vocabulary units and the multidimensionality of the revealing of the meanings of words – all these contribute to the fact that the dictionaries achieve a demonstration of a comprehensive life of a particular word in a language.

Keywords: Turkic studies, lexicography, principles of compiling dictionaries, translation dictionaries, Yakut language, Bashkir language, multi-volume national dictionaries, meaning of words, interpretation, vocabulary.

А.А. Озонова, Е.В. Тюттешева, Н.Н. Федина

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.011.

УДК 27-23=03.811.512

Языковые особенности перевода текста «Евангелия от Матфея» 1910 г. на алтайский язык*

В статье рассматриваются некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности алтайского переводного текста «Евангелия от Матфея» 1910 г. В результате деятельности Алтайской духовной миссии была разработана система письменности на кириллице, созданы первые словари и учебники, сделаны переводы Евангелия, богослужебной и назидательной литературы. При этом базовым языком послужил телеутский, так как телеуты были первыми обращены в христианство. Телеутский очень близок собственно алтайскому, поэтому довольно сложно определить язык рассматриваемого текста. Однако выявленные языковые особенности показывают, что перевод осуществлен на базе двух языков: телеутского и алтайского, с преимуществом первого. На это указывают такие особенности грамматики, как, например, оформление финитного сказуемого, в фонетике – выпадение *z* в дательном падеже в простом склонении, в лексике – наличие, наряду с алтайскими, лексем, характерных для телеутского. Анализ лексики показал, что для передачи религиозных понятий в исследуемом тексте использованы слова, представляющие традиционные верования алтайцев; заимствования из русского языка. Встречаются также русские слова, обозначающие реалии, не характерные для традиционного быта алтайцев.

Ключевые слова: алтайский язык, телеутский язык, переводная литература, «Евангелие от Матфея», православные тексты.

Введение

В XIX в. Алтайская духовная миссия для распространения христианства среди алтайцев начала работу по переводу православных текстов на алтайский язык. Для этого была разработана система письменности на кириллической основе, ориентированная на адекватное отражение звукового облика живой речи. Миссионеры собрали образцы произведений устного народного творчества на разных диалектах алтайского, шорского языков, составили первые словари, учебники. В результате деятельности Алтайской духовной миссии сделаны переводы Евангелия, бого-

служебной и назидательной литературы [Пивоваров, 1990]. Базовым языком послужил телеутский, поскольку «телеуты первые обратились в христианство» и «телеутское наречие сделалось как бы официальным языком Алтайской Миссии» [Грамматика алтайского языка, 2005, II]. Большую помощь при переводах оказывал телеут Михаил Чевалков, впоследствии ставший первым алтайским священником. Книги печатались в Синодальной типографии Санкт-Петербурга, в Казани, позже в Томске и Бийске. Переводческой комиссией при Братстве святителя Гурия Казанского при участии Н.И. Ильминского были подготовлены и опубликованы в Казани

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 17-78-20185 «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона».

«Грамматика алтайского языка» (1869), «Алтайский букварь» (1882), «Шорский букварь» (1885), «Жития святых» (4 вып., 1882–1884) и др. В 1876 г. под руководством архимандрита Владимира создана переводческая комиссия Алтайской духовной миссии. Наибольший вклад в переводческую деятельность миссии внесли протоиерей Василий Вербицкий, иеромонах, впоследствии митрополит Московский, Макарий (Невский) и протоиерей Михаил Чевалков [Пивоваров 2009].

В 1869 г. членами Алтайской духовной миссии была издана первая научная «Грамматика алтайского языка» под редакцией и при непосредственном участии известного тюрколога Н. Ильминского. Несмотря на то, что, как отмечали сами составители, «цель этой грамматики – практическая, миссионерская, собственной научной цели мы не имели в виду» [Грамматика алтайского языка, 2005, VII], она стала образцом для создания грамматик ряда других тюркских языков и не утратила своей научной ценности до настоящего времени. В 1884 г. в Казани издан известный «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка», составленный протоиерием В. Вербицким.

К сожалению, кроме названных этих двух научных работ, а также первых оригинальных произведений основоположника алтайской литературы М.В. Чевалкова, практически все остальные грамматические, лексикографические работы, учебная, переводная богослужбная литература не введены в научный оборот. Статья Н.О. Тадышевой «Особенности перевода православных текстов на алтайский язык» [2010], где исследуются особенности перевода основных понятий христианства на алтайский язык, является на данный момент практически единственной работой. До сих пор неизвестно точное число переводных православных текстов, букварей и словарей. Их ценность состоит в том, что в них зафиксирован определенный языковой срез, важный для истории и развития алтайского языка. Кроме того, в них в разной степени представлен материал на разных наречиях алтайского, в первую очередь телеутского, и шорского языков.

В данной статье рассматриваются некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности переводного текста «Евангелия от Матфея» [1910]. Следует отметить, что при пе-

реводе религиозных текстов сами миссионеры в качестве языка перевода указывали алтайский. Однако эти тексты были преимущественно телеутскими либо носили смешанный характер (телеутский и алтайский языки).

Язык телеутов очень близок собственно алтайскому, поэтому определить язык текста довольно сложно. Неслучайно в известных классификациях телеутский вместе с алтай-кижи и теленгитским объединяются в группу южных диалектов. Большая часть современных телеутов проживает за пределами Республики Алтай: бачатские телеуты – в Кемеровской области, заринские телеуты – в Алтайском крае. Они не входят в сферу распространения алтайского литературного языка. Язык бачатских и заринских телеутов развивался изолированно от алтайского языка и испытал воздействие других языков.

Графика

Обращают внимание следующие особенности графики в тексте:

1) в именах собственных используется *i* и *o* по правилам русской графики того времени: *Иаков, Иуда, Иоасафат, Иорам, Иоанн, Иордан, Иерусалим, Иисус; Оамара, Руо, Иоаоам;*

2) в алтайских словах перед *й* пишется *i*: *ий* ‘плач’, *сийла* = ‘дарить’;

3) звук *э* обозначается буквой *e*, в том числе в анлауте, ср. с современным написанием: *емеген* – *эмеген* ‘жена’, *ене* – *эне* ‘мать’, *ееш* = – *эши* ‘следовать’, *емес* – *эмес* ‘не’. Единственное исключение составляет слово *эбеш* ‘немного’.

Фонетические особенности

В тексте отмечаются некоторые фонетические явления, характерные для телеутского языка:

1) *a* в личных местоимениях 3-го лица *ал* ‘он’, *алар* ‘они’: *анын* ‘его’, *аны* ‘его’, *аа* ‘ему’, *аларга* ‘им’ и т.д. Ср. алт. *ол* ‘он’, *олор* ‘они’, *онын* ‘его’, *оны* ‘его’, *ого* ‘ему’, *олорго* ‘им’;

2) после широких огубленных *o*, *ö* в корне следует вариант аффикса с узким огубленным *y*, *ü*: телеут. *бой=угар* ‘(вы) сами’, *бой=ум=нун* ‘моего’, *бол=угар* ‘будьте’, *кол=ун* ‘его руку’, *көз=үн* ‘твои глаза’. Ср. алт. *бой=ыгар* ‘(вы) сами’, *бой=ым=нын* ‘моего’, *бол=ыгар* ‘будьте’, *кол=ын* ‘его руку’, *көз=ин* ‘твои глаза’;

3) узкий огубленный у в корне, соответствующий неогубленному ы в алтайском: телеут. *мундый* – алт. *мындый* ‘такой’, телеут. *мунын* – алт. *мынын* ‘этого’, телеут. *муны* – алт. *мыны* ‘это’;

4) в заимствованных словах при присоединении косвенных падежей наблюдается нарушение сингармонизма: *Иерусалимга*, *Иосифка*, *Овидтан*, *ангелдарына*;

5) в анлауте употребляется *n* вместо алтайского полувзвонкого *b*: *пуудай* – *буудай* ‘пшеница’, *палык* – *балык* ‘рыба’, *пашка* – *башка* ‘другой’, *пала* – *бала* ‘ребенок’, *пер* – *бер* ‘давать’. В современном телеутском также употребляется *n*;

6) наблюдается выпадение согласного *z* в анлауте дательного падежа: *аа* – *ого* ‘ему’, *кижее* – *кижиге* ‘человеку’, *кемее* – *кемеге* ‘лодке’, *поо* – *бого* ‘этому’.

Морфологические особенности.

Форма императива 2-го лица единственного числа *-гын*

В рассматриваемом тексте наряду с безаффиксальной формой 2-го л. ед. ч. императива активно используется форма на *=гын*. Эта форма встречается в текстах В. Радлова [Озонова, Тазранова, Федина, 2018, с. 244], зафиксирована в «Грамматике алтайского языка» (1869). Как отмечают авторы указанной грамматики, безаффиксальная форма императива 2-го лица ед. ч. выражает приказание, «но она же может употребляться как простодушное выражение просьбы, молитвы и благожелания; но в этих последних случаях приличнее приставка *гын*» [Грамматика алтайского языка, 2005, с. 221].

(1) *Е Каан! Бисти аргалагын; олуп праады-бис...* (с. 20)

е каан=Ø бис=ти аргала=**гын** ол=уп
 INTERJ господь=NOM мы=ACC
 спастить=IMP.2SG умирать=CV1
 праа=ды=бис
 идти=PAST=1PL
 ‘Господи! Спаси нас, погибаем’.

(2) *Менен кезде бар, сатана, теди* (с. 7)

ме-нен кезде бар=Ø сатана=Ø те=ди
 я=ABL прочь идти=IMP.2SG сатана=NOM
 говорить=PAST
 ‘– Отойди от меня, сатана, – сказал он’.

Форма на *-гын* не представлена ни в современном алтайском языке и его диалектах, ни в других южносибирских тюркских языках.

Лично-числовые показатели.

Аффиксы 1-го л. ед. и мн. ч.

В текстах наблюдается одновременное использование краткого показателя 1-го л. ед. ч., присущего парадигме 2-го типа (=ым), и полного показателя, характерного парадигме 1-го типа (=мын).

Формы настоящего-будущего времени на *=ар* и прошедшего времени на *=ган* в 1-м л. ед. ч. встречаются как с показателем первого полного типа *=мын* (примеры 3, 4), так и с показателем второго краткого типа *=ым* (примеры 5, 6).

(3) *Аларга ол каруун айдат: слерге чын айдып турум: слерди билбесмин, теди* (с. 72)

алар=га ол=Ø кару-у=н айд=ат слер=ге
 они=DAT он=NOM ответ-POSS.3=ACC
 говорить=PRES вы=DAT
 чын айд=ып тур=ум слер=ди бил=бес=**мин**
 правда говорить=CV1 AUX: стоять=1SG
 вы=ACC знать=NEG.PrP=1SG
 те=ди
 говорить=PAST
 ‘Он говорит им в ответ: истинно говорю Вам: не знаю вас’.

(4) *Мен дезе актуларды кычырарга келген емес, килинчектүлерди жаманын таштап ак санандыарга келгенмин, теди* (с. 22)

мен=Ø дезе акту=лар=ды кычыр=арга
 кел=ген
 я=NOM же праведник=PL=ACC
 призывать=INF приходиться=PP1
 емес килинчектү=лер=ди жаман=ы-н ташта=п
 NEG.PTCL грешник=PL=ACC
 плохое=POSS.3=ACC бросать=CV1
 ак санан=дыр=арга кел=ген=**мин** те=ди
 PTCL думать=CAUS=INF
 приходиться=PP1=1SG говорить=PAST

‘Я же пришел не призвать праведников, а заставить грешников, отречьшись от плохого, думать о светлом, – сказал он’.

(5) *Ол ичинде анида сананган: Анын кимине тийзем-не, жазыларым деп* (с. 23)

ол=Ø ич=и=нде анида санан=ган а-нын
она=NOM внутренняя часть=POSS.3.=LOC
так думать=PP1 он-GEN

кiим=и=не тiй=зе=м-не jазыл=ар=**ым**
одежда=POSS.3=DAT касаться=COND=1SG-
PTCL выздороавливать=PrP=1SG

деп

мол

‘Она про себя думала: как только к одежде
Его прикоснулся, выздороветь’.

(6) ... *пузарга келген емес-мин, пүдүрерге кел-
геним* (с. 10)

пуз=арга кел=ген емес-**мин** пүдүр=ерге
разрушать=INF приходить=PP1 PTCL.NEG-
1SG исполнять=INF

кел=ген=**им**

приходить=PP1=1SG

‘...не нарушить пришел Я, исполнить’.

В «Грамматике алтайского языка» (1869), в
«Грамматике ойротского языка» (1940) выделя-
ются следующие варианты для 1-го л. ед. ч. при
форме на =ган: кан=**ым** / ка-м ‘я продал’ [Грамматика
алтайского языка, 2005, с. 80; Дыренкова,
1940, с. 174]. В «Грамматике современного ал-
тайского языка. Морфология» [2017, с. 364] дана
только стяженная форма =ка-м. В языке совре-
менных бачатских телеутов также употребляет-
ся стяженный аффикс [Фисакова, 1977, с. 92].

В тексте формы прошедшего времени на
=ды, актуального настоящего времени =n тур=
принимают только краткий показатель 1 л. ед.ч.

(7) *Уулымды Египеттен кычырып алдым,
теген* (с. 4)

уул=**ым**=ды Египет=тен кычыр=**ып**
ал=ды=**м**

сын=POSS.1SG=ACC Египет=ABL
звать=CV1 AUX: брать=PAST=1SG

те=ген

говорить=PP1

‘Из Египта воззвал Я Сына Моего, – сказал
Он’.

(8) *Мунын учун айдын турум слерге* (с. 32)

му=нын учун айд=**ып** тур=**ум** слер=ге
этот=GEN POSTP говорить=CV1 AUX:
стоять=1SG вы=DAT

‘Поэтому говорю вам’.

В рассматриваемом тексте употребляются
две формы 1-го л. мн. ч.: -(ы)быс и -(ы)к. Показа-
тель 1-го л. мн. числа =(ы)к наряду с =(ы)быс
выделяется в первых двух научных граммати-
ках алтайского языка: «Грамматике алтайского
языка» (1869) и «Грамматике ойротского языка»
[Дыренкова, 1940]. Форма =(ы)к также зафикс-
ирована в материалах В. Радлова [Озонова,
Тазранова, Федина, 2018, с. 239].

(9) *Алар айдат: чыдаир=ык...* (с. 56)

алар=Ø айд=ат чыда=ир=**ык**

они=NOM говорить=PRES мочь=PrP=1PL

‘Они говорят ему: можем’.

(10) ...*пис Иерусалимга чыгып праадык...*
(с. 56)

пис Иерусалим=га чыг=**ып** праа=**д=ык**

мы Иерусалим=DAT подниматься=CV1
идти=PAST=1Pl

‘...вот мы восходим в Иерусалим ...’

(11) *Канип пис алымдуларыбисти божодып
жадыбис, бистинг алымдарыбисти таштагын*
(с. 14)

канип пис=Ø алым=ду=лар=ыбис=ти
божод=**ып**

как мы=NOM долг=
POSSV=PL=POSS.1PL=ACC отпускать=CV1
ја-ды=**бис** бис=тинг алым=дар=ыбис=ти
ташта=гын

AUX: лежать-PAST=1PL мы=GEN
долг=PL=POSS.1PL=ACC бросать=IMP.2SG

‘Как мы прощаем должникам нашим, про-
сти и нам долги наши’.

В современном алтайском языке этот показа-
тель встречается крайне редко, в основном при
форме прошедшего времени на =ды. Как отме-
чает исследователь телеутского языка Г.Г. Фиса-
кова, аффикс =(ы)быс/=ыс используется в языке
заринских телеутов, а =(ы)к – в языке бачатских
телеутов [Фисакова, 1983, с. 91].

Лично-числовые аффиксы 2-го л. ед. и мн. ч.

В тексте используются два типа аффиксов
для оформления 2-го л. ед. ч.: =(ы)н и =зын.

(12) *Аа Иусус айтты: сен айттын, теди*
(с. 81)

аа Иисус=Ø айт=ты сен=Ø айт=ты=н
ему Иисус=NOM говорить=PAST ты=NOM
говорить=PAST=2SG
те=ди
говорить=PAST
'Иисус сказал ему: ты сказал'.

(13) *Тустын кўчи чыгып пааза, аны канип кўч едерзин?* (с. 9)

тус=тын кўч=и=Ø чыг=ып паа=за а-ны
канип соль=GEN
сила=POSS.3SG=NOM выходить=CV1
идти=COND он-ACC как
кўч ед=ер=зин
сила делать=PrP=2SG
'Если же соль потеряет силу, то как ее сдела-
ешь сильною?'

Финитные формы прошедшего времени на =ды и на =ган во 2-м л. мн. ч. принимают аффикс второго типа =(ы)гар (примеры 14, 15).

(14) *Тегин алдыгар, тегин беригер* (с. 24)

тегин ал=ды=гар тегин бер=игер
даром брать=PAST=2PL даром дать=IMP.2PL
'Даром получили, даром давайте'.

(15) *Нени көрөргө жүргенигер?* (с. 28)

не=ни көр=өргө жүр=ген=игер
что=ACC видеть=INF ходить=PP1=2PL
'Что же смотреть ходили вы?'

К форме настояще-будущего времени на =ар может присоединяться аффикс второго типа =(ы)гар (17) или первого типа -=зыңар/=зыгар (16).

(16) *...көспиле көрүп туруп, көрбей саларзы-гар...* (с. 35)

көс=пиле көр=үп тур=уп көр=бей
глаза=INSTR видеть=CV1 AUX: стоять=CV1
видеть=CV.NEG
сал=ар=зыгар
AUX: класть=PrP=2PL
'...смотря глазами, не увидите'.

(17) *Маа нени береригер, Аны слерге берип иеин?* (с. 76)

маа не=ни бер=ер=игер а-ны слер=ге бер=ип
мне что=ACC давать=PrP=2PL он-ACC
вы=DAT дать=CV1

ие=ин
AUX: посылать=OPT.1SG
'Что вы дадите мне, я вам предаю Его?'

Аффиксы 3-го л. ед. и мн.ч.

В тексте сказуемое в 3-м л. мн.ч. в разных временных формах в подавляющем большинстве случаев встречается с показателем =лар (примеры 14, 16, 18), реже – без показателя (примеры 15, 17).

(14) *Енир кирип келгенде, үренчиктери аа пазып келеле, айттылар* (с. 40)

енир=Ø кир=ип кел=ген=де
үренчик=тер=и=Ø
вечер=NOM входить=CV1 приходить
=PP1=LOC школьник=PL=POSS.3=NOM
аа паз=ып кел=еле айт=ты=лар
ему наступать=CV1 приходить=CV3
говорить=PAST=3PL
'Когда же настал вечер, пришли к Нему ученики Его и сказали...'

(15) *Алар улу ачуланды* (с. 76)

алар=Ø улу ачулан=ды
они=NOM сильно опечалиться=PAST
'Они весьма опечалились'.

(16) *Алар кайкап ермектижип айткандар* (с. 38)

алар=Ø кайка=п ермекти=ж=ип айт=кан=дар
они=NOM удивляться=CV1
разговаривать=RECIP=CV1 говорить=PP1=3PL
'Они изумлялись и говорили...'

(17) *Ару жүректүлөр кежиктү: алар Кудайды көрөр* (с. 9)

ару жүрек=тү=лөр кежик=тү алар=Ø
Кудай=ды көр=өр
чистый сердце=POSSV=PL счастье=POSSV
они=NOM Бог=ACC видеть=PrP
'Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят'.

(18) *...анда Мени көрөрлөр* (с. 86)

анда ме-ни көр=өр=лөр
там я-ACC видеть=PrP=3PL
'...и там они увидят Меня'.

Лексические особенности

Ко времени исследуемого перевода Евангелия в переводных текстах на алтайском языке уже сложилась лексика, передающая религиозные христианские понятия. Отчасти это были слова, представляющие традиционные верования алтайцев, и другие лексемы, в той или иной степени близкие по значению русским: *Кудай* 'Бог', *көрүмес / көрмес* 'дьявол', *агару* 'святой, священный', *Тын* 'Дух', *Агару Тын* 'Святой Дух', *Кудайдын Тыны* 'Дух Божий', *Каан Кудай* 'Господь Бог', *сүне* 'душа', *килинчек* 'грех', *тенгере* в сочетании *Тенгере каандыгы* 'Царство божие' (*тенгери* 'небо; божество'); *кежиктү* 'блажен' (благодатный, благой), *орозо* 'пост' (< *ораза*, *ураза* 'пост у мусульман'). Перечисленные слова используются и в современном переводе Евангелия [Яны керес, 2003], что свидетельствует об их закреплении в алтаеязычной христианской среде.

Интерес вызывают лексемы *ораза* и *абыс*, которые по происхождению относятся к исламской религиозной лексике, но попали в тюркские языки Сибири (алтайский, телеутский, хакасский, шорский) с русскими священниками. Лексема *ораза / ураза* широко известна в тюркских языках исламского мира в значении 'мусульманский пост'. В алтайском языке, как и в хакасском, слово *ораза* не является общеупотребительным и используется только в христианских текстах в значении 'пост'. Оно зафиксировано и в Алтайско-русском [2018], и в Хакасско-русском [2006], и в Шорско-русском [Курпешко-Таннагашева, Апонькин, 1993] словарях. В отличие от него, *абыс* употребляется в значении 'священник, поп' и в алтайском литературном языке, и в разговорной речи. Ср. тат. *абыз* 'просвещенный, грамотный' (чаще относилось к муллам) [Татарско-русский словарь, 1966]; 'грамотей; учитель; мулла; старший родственник' [Ахметьянов, 2015, с. 71]; башк. *абыз* устар. 'просвещенный и почитаемый (о человеке)' [Башкирско-русский словарь, 1996] (< араб. *хәфиз* 'укымышлы; яттан сөйләүче' [Ахметьянов, 2015, с. 71] ('образованный; декламирующий наизусть')). Это слово зафиксировано также в словаре В. Даля в значении 'мулла, татарский поп' (ряз., тмб.) [Даль, 1994, с. 2].

В тексте выделяется религиозная лексика, оставленная непереуведенной. Это такие слова, как *геенна*, *закон*, *пророк*, *сатана*, *фарисей*, *апостол*, *ангел* и др. Слово *ангел* в некоторых текстах (например, в «Беседах готовящемуся к святому крещению» [1865]), передается как (*ак-агару*, *ак*) *элчи* '(святой) ангел'; 'посланник'. Об употреблении лексемы *элчи* в этом значении, а также в значениях 'пророк', 'апостол' пишет и Н.О. Тадышева. Она отмечает, что использование «привычных алтайских сакральных понятий» характерно для текстов, составленных в форме поучений, бесед и др. для доступности понимания. В переводах канонических текстов, таких, как Евангелие, «многие слова не переводятся, по-видимому, для того, чтобы не потерять смысл учения» [Тадышева, 2010, с. 87]. Встречаются также русские слова, обозначающие реалии, не характерные для традиционного быта алтайцев: *свечи*, *ключ*, *виноград*, *город*. Некоторые слова в тексте предстают в разной степени адаптации: *церкве* 'церковь', *жемчик* 'жемчуг', *кнес* 'князь'.

В современном переводе Евангелия для многих из этих слов подобраны алтайские эквиваленты: *јарчы* 'пророк', *јасак* 'закон', *јарыткыш* 'свеча', *түлкүүр* 'ключ', *кала* 'город'; ср. также фонетически адаптированное русское заимствование *серкпе* 'церковь'. Фраза *Не мечите бисер перед свиньями* переведена буквально в тексте 1910 г.: *Жемчигигерды чочко пудынын алдына таштабагар* (с. 16) (букв.: 'Жемчуг свой под ноги свиней не бросайте'). В тексте 2003 г. она передана близкой по смыслу, более доступной для понимания алтайского читателя: *Агару немени ийттерге бербегер* 'Священную вещь собакам не давайте'.

В переводе Евангелия 1910 г. отмечается обилие телеутских слов, относящихся к разным частям речи и разным лексико-семантическим группам: *палта* 'топор', *иштеечи* 'работник, слуга', *беленде-* 'готовить', *кыјуурка-* 'гневаться, негодовать', *танарка-* 'удивляться', *пакатты-* 'восхищаться', *күште-* 'принуждать', *каручап айт-* 'отвечать'; *недек* 'не так ли' (вопросительная частица), *нерек* 'зачем, почему' и др. Некоторые лексемы не отмечены в Телеутско-русском словаре (1995) и Русско-телеутском словаре (2002), а их значение передается други-

ми словами: *jer aru* ‘пчела’ – *aary* [Рюмина-Сыркашева, Кучигашева, 1995], *közükтир-* ‘показывать’ – *körğüs-* [Рюмина-Сыркашева, Рюмин, 2002; Рюмина-Сыркашева, Кучигашева, 1995]; ср. алт. лит. *körğüs-*), *улу* ‘очень, сильно’ – *тынг* [Рюмина-Сыркашева, Рюмин, 2002; Рюмина-Сыркашева, Кучигашева, 1995], *ууру / уру / уруу* – в Телеутско-русском и Русско-телеутском словарях указан один вариант – *ууру*. Есть примеры употребления в тексте и телеутских, и алтайских слов: тел. *кеч* ‘вечер’ – алт. *енгир* (в современном алтайском *энгир*).

Таким образом, фонетические, морфологические и лексические особенности рассматриваемого текста показывают, что перевод осуществлен на базе двух языков: телеутского и алтайского, с преимуществом первого. На это указывают такие особенности грамматики, как, например, оформление финитного сказуемого, в фонетике – выпадение *z* в дательном падеже в простом склонении, в лексике – слова, характерные для телеутского.

Условные обозначения

Грамматические значения в глоссах: 1P1, 2P1, 3P1 – личные аффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа; 1SG, 2SG, 3SG – личные аффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа; ACC – винительный падеж; ABL – исходный падеж; AUX – вспомогательный глагол; CAUS – понудительный залог; COND – условно-временное деепричастие на =*ca*; CV1 – форма соединительного деепричастия на =*n*; CV3 – форма разделительного деепричастия на =*ала*; GEN – притяжательный падеж; DAT – дательный падеж; IMP – повелительное наклонение; INF – инфинитив; INSTR – орудный падеж; INTERJ – междометие; LOC – местный падеж; NEG – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; NOM – неопределенный падеж; OPT – опатив; PAST – форма прошедшего времени на =*ды*; PP1 – форма причастия прошедшего времени на =*ган*; PL – множественное число; POSS – аффикс принадлежности; POSSV – аффикс обладания; PRES – форма широкого настоящего времени на =*ат*; PrP – форма причастия настояще-будущего времени на =*ар*; PTCL – частица; RECIP – взаимно-совместный залог; SG – единственное число; Tv – основа глагола; Ø – нулевая морфема; знак равенства – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах; тире – морфемный шов при наложении морфов.

Литература

Алтайско-русский словарь. – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.

Ахметьянов Р. Г. Этимологический словарь татарского языка. – Т. I. – Казань: Изд-во «Магариф-Вақыт», 2015. – 239 с.

Башкирско-русский словарь / отв. ред. З.Г. Уракин. – М.: ДИГОРА, Русский язык, 1996. – 884 с.

Беседы готовящемуся к святому крещению. – СПб., 1865. – 38 с.

Вербницкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884. – 496 с.

Грамматика алтайского языка / составлена членами Алтайской миссии. – 2-е изд. [Репринтное воспроизведение издания «Грамматика алтайского языка». Казань, 1869]. – Горно-Алтайск, 2005. – 291 с.

Грамматика современного алтайского языка. Морфология / отв. ред. И.А. Невская. – Горно-Алтайск, 2017. – 576 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. I. – М.: ТЕРРА, 1994. – 670 с.

Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка / отв. ред. С.Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 303 с.

Евангелие отъ Матѳея // Евангелие отъ Матѳея, Марка, Луки, Иоанна на алтайском языке. – Томск: Типография Пріюта и Дома Трудолюбія, 1910. С. 3–87.

Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1993. – 149 с.

Озонова А.А., Тазранова А.Р., Федина Н.Н. Алтайский язык и его диалекты в материалах В.В. Радлова // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 235–249.

Пивоваров В.И. Издательская деятельность алтайской духовной миссии // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1990. – С. 41–61.

Пивоваров В.И. Алтайская духовная миссия // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 1. – Новосибирск, 2009. – С. 77–79.

Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. Телеутско-русский словарь. – Кемерово, 1995. – 119 с.

Рюмина-Сыркашева Л.Т., Рюмин Н.М. Русско-телеутский словарь. – Кемерово, 2002. – 192 с.

Тадышева Н.О. Особенности перевода православных текстов на алтайский язык // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2010. – № 333. – С. 87–90.

Татарско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 863.

Фисакова Г.Г. Личное оформление сказуемого в бачатско-телеутском языке // Языки народов Сибири. – Кемерово, 1977. – С. 91–94.

Фисакова Г.Г. Образование некоторых форм изъяснительного наклонения в языке телеутов // Тюркские языки Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 90–98.

Хакасско-русский словарь / отв. ред. О.В. Субракова. – Новосибирск, 2006. – 1114 с.

Янғы кереес. Агару бичик. Библияны көчүрер Институт. – М., 2003. – 552 с.

A.A. Ozonova, E.V. Tyuntesheva, N.N. Fedina

Linguistic Traits of the Gospel of Matthew Translated into Altai (1910)

In the following article, we analyze a number of phonetic, morphological and lexical traits of the Gospel of Matthew translated into Altai (1910). Through the efforts of the Altai Christian mission, a writing system based on the Cyrillic alphabet was created, as well as early dictionaries, textbooks, and translations of the Gospel and spiritual literature. Teleut served as base language, because the Teleuts were the first to be converted into Christianity. The Teleut and Altai languages are closely related and similar, therefore it is difficult to determine the specific language of the text we analyze. However, its linguistic traits show that the translation was made on the basis of two languages, Teleut and Altai, with Teleut being the dominant one. This is reflected in such grammar traits as the formation of the finite predicate, the omissions of *r* in the dative in simple declination, and the presence of lexemes typical for the Teleut language along with the Altai ones. Our analysis shows that religious concepts were expressed by the means of terms of traditional Altai beliefs, as well as Russian loan words and untranslated words. We also found a number of Russian words denoting items not typical for traditional Altai lifestyle.

Keywords: Altai, Teleut, translated literature, Gospel of Matthew, Orthodox Christian texts.

Л.В. Роббек

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.012.

УДК 811.512.157

Слово *тыын* в значении ‘мысль; сознание; разум’ в составе устойчивых словесных комплексов (по материалам «Большого толкового словаря якутского языка»)

В статье произведён анализ лексико-семантической структуры лексемы *тыын* (букв. ‘дыхание’), функционирующей в составе отдельных устойчивых словесных комплексов, которые даны к словарным статьям **ТЫЫН I** и **ТЫЫН II** в XI томе «Большого толкового словаря якутского языка» (буква «Т»). Выявлено, что в некоторых случаях данное слово может выступать в значении ‘мысль; сознание; разум (человека)’. Анализ произведён на основе материалов из работ по психологии, медицине, культурологии, этнографии, юриспруденции, а также произведений якутских писателей-классиков. Всего проанализировано шесть устойчивых словесных комплексов, которые являются фразеологическими оборотами якутского языка. Оказалось, что в их составе слово *тыын* (букв. ‘дыхание’) тем или иным образом связано с понятиями «мысль», «сознание» и «разум» человека. Исходя из этого в статье приведены размышления об особенностях этнического мышления, которые посредством слова образуют своеобразие национальных языков. Поскольку все тома «Большого толкового словаря якутского языка» изданы, то начиная с 2019 г. исследования подобного характера позволят выявить много интересных языковых фактов.

Ключевые слова: якутский язык, семантика слова, лексема *тыын* (букв. ‘дыхание’), устойчивые словесные комплексы, фразеологические обороты речи.

© Роббек Л.В., 2019

В 2018 г. в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН завершилась работа по составлению и подготовке к печати «Большого толкового словаря якутского языка» в 15 томах (буквы «А – Э»). Выход из печати этого фундаментального труда будет способствовать активизации различных лексико-семантических исследований в области якутского языка.

Исходя из этого предлагаем рассмотреть лексему *тыын* (букв. ‘дыхание’), представленную в XI томе БТСЯЯ двумя омонимами. Её значения следующие:

ТЫЫН I *туохт.* 1. Салгыны тыҥабынан эҕирийэн ыл уонна таһаар. • Дышать. // *көсп.* Салгый, саба биэр, билин (*хол., сылаас эбэтэр тымныы салгынынан*). • Обдавать, овеать *чем-л.* (*напр., тёплым или холодным воздухом*);

2) *көсп.* Бэйэҕиттэн таһаар, уһуур (*хол., буруону эбэтэр паары – тугу эмэ этэргэ*). • Выпускать дым или пар (*напр., о чайнике*);

3) *көсп.* Санар, эт. • Говорить;

4) *көсп.* Тугунан эмэ үлүһүй, улаханник баҕаран, интэриэһиргээн туран дьарыгыр. • Увлёкаться *чем-л.*, проявлять большой интерес, быть расположенным к *чему-л.*

ТЫЫН II 1. *аат.* 1. Тыыннаах харамайдар тыынар уорганнарынан тыналарыгар салгыны эҕирийиилэрэ уонна таһаарыылара (*кислороду ингэринээри уонна углекислай гааһы таһаараары*). • Дыхание;

2) тэмпэрэтиирэтэ хамсааһыныттан туохтан эмэ тахсар, илгийэр салгын. • Пар;

3) киһи-сүөһү, харамай тыыннаах буолуута, олоҕо. • Жизнь. // Киһи ис айылгыта, дууһата. • Душа (*человека*);

4) *миф.* Этэ-сиинэ суох, айылҕаны таһынан дыккилээх күүс, иччи. • Бесплотное сверхъестественное существо, дух;

5) *көсп.* Туох эмэ (*хол., айымньы*) саамай сүрүнэ, төрүтэ. • Основа, суть, сущность *чего-л.* (*напр., произведения*). // Киһи олох олороругар, тыыннаах буоларыгар саамай сүрүн суолталаах туох эмэ (*хол., сахаларга – ынах сүөһү*). • *Что-л.*, имеющее важное значение для обеспечения жизнедеятельности человека (*напр., для якутов – крупный рогатый скот*);

6) *көсп.* Туох эмэ (*хол., саас*) буолаары гыммытын, чугаһаабытын сибикитэ, билгэтэ. • Примета, предвестие *чего-л.* (*напр., весны*);

2. *даф. суолт.* Сүрүн, тутуах суолталаах, төрүт. • Главный, решающий, основной [Большой толковый словарь..., 2014, с. 419–423].

В данных словарных статьях лексема *тыын* ‘дыхание’ имеет 66 устойчивых словесных комплексов (далее – УСК), из которых 58 являются фразеологическими единицами.

Проведенный анализ УСК даёт возможность предположить, что указанное слово имеет также значение «мысль; сознание; разум», которого нет в основных значениях. Например:

1. *Биир тыынынан тыыналлар* (букв. ‘дышат одним дыханием’). Значение этого УСК в БТСЯЯ следующее: «бары биир санааны этэллэр, туохха эмэ толору сөбүлэхэллэр. • *соотв.* в одну дуду дудеть (букв. одним дыханием дышат)» [Большой толковый словарь..., 2014, с. 420].

В «Якутско-русском фразеологическом словаре» А.Г. Нелунова содержится следующее толкование: «**Биир тыынынан тыыналлар** в одну дуду дудеть. *Букв.* [они] одним дыханием дышат. *Тэҥн.* биир куолаһынан сангар» [Нелунов, 1998, с. 136]. «**Биир куолаһынан сангар** в одну дуду (дудку) дудеть. *Букв.* одним голосом говорить. *Тэҥн.* биир тыынынан тыыналлар» [Там же, с. 134].

Фразеологизм употребляется в случаях, когда два или несколько человек имеют совершенно одинаковое или очень схожее мнение по какому-либо вопросу. Иными словами, речь идёт об единомышленниках. «Единомышленник, -а, м. 1. Тот, кто находится в полном единомыслии с кем-н. 2. Сообщник в каком-н. деле» [Ожегов, 2009, с. 161]. «Единомыслие, -я, ср. (книжн.). Одинаковый с кем-н. образ мыслей» [Там же]. Насколько видно из содержания толкования слов «единомышленник», «единомыслие», сутью фразеологизма *биир тыынынан тыыналлар* (букв. ‘дышат одним дыханием’) является мысль человека, людей.

Сказанное подтверждается также следующим материалом: «Тыыннаах дьон тэбэр сүрэхтээх, саныыр санаалаах буолаллар» *посл.* ‘Живые люди имеют бьющееся сердце, рассуждающий ум’ [Якутско-русский словарь, 1972, с. 423].

2. *Хабахха тыын* (букв. ‘дыши в мешок (из мочевого пузыря животного)’). Значение УСК в БТСЯЯ: «Ончу санарыма, бэйэн санаабын көнүл этимэ. • Не иметь возможности свободно

говорить, высказывать свои мысли» [Большой толковый словарь..., 2014, с. 421].

В «Якутско-русском фразеологическом словаре» А.Г. Нелунова указанный фразеологизм приведён в форме *хабахха тыыннар*. Значение следующее: «Не давать кому-л. говорить, свободно высказывать свои мысли; не давать даже пикнуть кому-л. Букв. в пузыре заставить дышать. Тэни. тыынын хабахха үрбүт» [Нелунов, 2002, с. 318].

Как видим, в основе этого УСК также присутствует компонент ‘мысль’.

Внимание вызывает происхождение фразеологизма *хабахха тыын* – нас интересует, почему процесс дыхания в мешке из мочевого пузыря животного связан с запретом, с подавлением естественного желания человека высказать по какому-либо вопросу собственное мнение.

Можно предположить два варианта ответа: первый – «дуть в мешок, изготовленный из мочевого пузыря какого-либо животного»; второй – «дышать собственно внутри мешка, сделанного из мочевого пузыря животного, т.е. на голову человека кто-либо надевает такой мешок». На наш взгляд, оба варианта могут быть связаны с каким-либо забытым древним этнографическим обрядом или ритуалом.

Рассмотрим первый вариант. В свадебном ритуале сернурских мари упоминается шувыр – волынка, традиционный инструмент марийцев. «Марийская волынка представляет собой парный кларнет, состоящий из двух игровых трубок с грифными отверстиями на каждой из них. Главная часть инструмента — воздушный резервуар, который изготавливается из мочевого пузыря какого-либо крупного домашнего животного (быка, коровы, лошади)» [<https://www.culture.ru/objects/2986/svadebnyi-obryad-lugovykh-se-murskikh-mari>].

Хотя о существовании у якутов такого инструмента не упоминается [Шамаева, 2016], но у наших предков в древности подобный инструмент всё же мог быть. В таком случае происхождение анализируемого фразеологизма может быть связано с процессом «вдувания воздуха в мешок, изготовленный из мочевого пузыря животного».

Второй вариант более жестокий, однако в жизни такой обычай вполне мог иметь место. Мы допускаем, что человеку, провинившемуся

в чём-либо, либо попавшему в силу каких-то обстоятельств в рассматриваемую ситуацию, насильно надевали на голову кожаный мешок с целью удушения.

На данный момент возможности определить происхождение УСК *хабахха тыын* (букв. ‘дыши в мешок (из мочевого пузыря животного)’) нет, вышесказанное является только предположением. Однако если указанные предположения имеют под собой основание, то более подходящим к анализируемому УСК представляется второй вариант, поскольку насильственные действия прямым образом связаны с подавлением свободы человека, которая в первую очередь выражается в непринуждённом высказывании своего мнения, т.е. мыслей.

3. *Тыына-быара хаайтарар* (букв. ‘дыхание-печень (его) закрывается, не имеет возможности выйти из чего-либо’). Значение УСК в БТСЯЯ: «Туохтан эмэ (хол., тугу да гыммат буолууттан) тэнийбэт-тулуйбат. • Испытывать тоску, изнывать (напр., от безделья)» [Большой толковый словарь..., 2014, с. 424].

«Якутско-русский фразеологический словарь» А.Г. Нелунова: «**Тыына-быара хааттарар** – испытывать чувство тоски; испытывать душевное томление (напр., от безделья)» [Нелунов, 2002, с. 240].

В данном случае парное слово *тыын-быар* (букв. ‘дыхание-печень’) может означать «разум, сознание; ум».

Выражение *тыына-быара хаайтарар* (букв. ‘дыхание-печень (его) закрывается, не имеет возможности выйти из чего-либо’) употребляется в случае, когда человек изнывает, мучается от испытываемого им психологического дискомфорта. В подобном состоянии он не знает, что делать, чтобы стабилизировать своё состояние. Человек может ходить взад-вперёд, глубоко и громко вздыхать; находится в состоянии возбуждения («возбудиться – ‘прийти в состояние внутреннего нервного подъёма’» [Ожегов, 2009, с. 86]).

Одно из значений глагола *хаайтарар*, входящего в состав данного УСК, в БТСЯЯ следующее: «Кыайан таска тахсыма, тууйулун (хол., иэйиини этэргэ). • Не проявляться, подавляться внутри (напр., о чувствах)» [Большой толковый словарь..., 2016, с. 80]. Слово *тууйулун* означает «өйүҥ-санаан тутахсыан, улаханник мунчаар,

мунутахсый. • Впасть в уныние, быть в угнетённом, подавленном состоянии, грустить» [Большой толковый словарь..., 2014, с. 221].

Насколько видно из приведённых примеров, указанные слова также связаны с мыслительной деятельностью человека. Содержание УСК *тыына-быара хаайтарар* (букв. 'дыхание-печень (его) закрывается, не имеет возможности выйти из чего-либо') дословно можно понимать как: 'сознание человека, не имея возможности функционировать ясно, свободно, испытывает психологический дискомфорт'.

4. *Тыына-быара ыгыллар* (букв. 'дыхание-печень (его) сдавливается'). Значение УСК в БТСЯЯ: «(1) туохтан эмэ ыксыыр, ыгылылар (хол., куттанан). • Испытывать чувство безысходности, запаниковать (напр., от страха). 2) **тыына-быара хаайтарар диэн курдук**» [Большой толковый словарь..., 2014, с. 424].

«Якутско-русский фразеологический словарь» А.Г. Нелунова: «**Тыына-быара ыгыллар** – волноваться; возбуждаться, будоражиться; испытывать душевное смятение» [Нелунов, 2002, с. 241].

Значение слова *тыын* (букв. 'дыхание') в данном УСК схоже со значением, описанным в УСК выше: *тыына-быара хаайтарар* (букв. 'дыхание-печень (его) закрывается, не имеет возможности выйти из чего-либо'). Однако в значении УСК в целом имеются некоторые отличия.

Рассмотрим примеры, взятые из классической якутской литературы: *Айан кинитэ көхсө кыарабаастыйан, тыына-быара ыгыллан барда*. 'Путнику стало тяжело, он начал испытывать сильный страх, паниковать' [Заболоцкий, 1978, с. 57]. *Болугур оҕонньор үйэлээх сааһыгар хаста-хаста буурбаҕа ылларда, хаар анныгар сытта, өлө сыта этэй! Ол тухары, бу бүгүнгү курдук, кини тыына-быара ыгыллыбыта суоҕа*. 'Сколько раз за свою долгую жизнь старик Болугур попадал в пургу, лежал под снегом, чуть не умер! Однако, не было такого случая, чтобы он испугался так сильно, как сегодня' [Золотарёв, 1952, с. 87]. *Тогойкин иэнэ тымныйталаан ылла, баттаҕа адаарыгныы хамнаан, бэргэһэтин өрүтэ сүкпэхтииргэ дылы гынна, тыына-быара ыгылынна*. 'У Тогойкина прошёл мороз по спине, волосы у него встали дыбом, так, что показалось – шапка поднялась кверху, им овладел сильный страх' [Мординов, 1966, с. 95].

Из примеров видно, что речь идёт о мужчинах, которые попали в критические условия в лесу, тайге. В первом примере говорится о путнике, во втором – о старике Болугуре, которого также в пути застала пурга, в третьем – о Тогойкине, молодом человеке, попавшем со своими спутниками в авиакатастрофу и выживающем в лесу зимой. В этих примерах всех мужчин объединяет страх, переходящий в панику, т.е. эмоция, душевное переживание, чувство.

Слово «чувство» означает: «1. Способность ощущать, испытывать, воспринимать внешние воздействия. 2. (мн. в одном знач. с ед.). Состояние, в котором человек способен сознавать окружающее. 3. Способность осознавать, переживать, понимать что-н. на основе ощущений, впечатлений» [Ожегов, 2009, с. 710].

Связь чувств и эмоций с мыслительной деятельностью человека очевидна. «Чувства, как и мысли человека, возникают в деятельности мозга» [Рубинштейн, 2012, с. 234]. «Мышление и эмоции не являются отдельными процессами» [Гинойн, Хомутов, 2010, с. 44].

5. *Тыына ыараабыт (күлүгэ хараарбыт)* – букв. 'дыхание (его) стало тяжёлым, тень (его) стала чёрной'. Значение УСК в БТСЯЯ: «'киһини өлөрөн ыар көрүннэммит; ханнык эмэ ыар айыыны онгорон санаатыгар-оноотугар таһаҕас онгостубут. • *соотв.* камень на душе'» [Большой толковый словарь..., 2014, с. 424], а в «Якутско-русском фразеологическом словаре» А.Г. Нелунова: «иметь мрачный вид (*убив человека*); иметь за душой тяжкие преступления. *Тэнн.* күлүгэ хараарбыт (2); тымныы (хараҥа) күлүктэн» [Нелунов, 2002, с. 242]. «**Тымныы (хараҥа) күлүктэн** быть мрачным, угрюмым (*имея за душой тяжкие преступления*). Букв. иметь холодную (тёмную) тень» [Там же, с. 238].

Фразеологизм *тыына ыараабыт (күлүгэ хараарбыт)* (букв. 'дыхание (его) стало тяжёлым, тень (его) стала чёрной') обозначает человека, совершившего преступление, у которого вследствие этого в психике произошли определённые изменения.

«Отличие преступного поведения от правомерного коренится в системе ценностных ориентаций, взглядов и социальных установок, т.е. в содержательной стороне сознания» [Кузьмина, Садовникова, 2009, с. 165]. Слово «взгляд» в третьем значении также связано со свойством

человека мыслить: ‘мнение, суждение’ [Ожегов, 2009, с. 77].

Совершив уголовно-наказуемое деяние, человек, характеризуемый УСК как *тыына ыараабыт* (*күлүгэ хараарбыт*) (букв. ‘дыхание стало тяжёлым, тень стала чёрной’), испытывает тяжёлые душевные переживания. Они затрагивают душевную сферу, а первопричиной этого процесса становится умственная деятельность человека, т.е. мысли. Соответственно человека, у которого «дыхание стало тяжёлым, тень стала чёрной (*тыына ыараабыт* (*күлүгэ хараарбыт*))», мучают собственные мысли о совершённом преступлении.

б. *Тыынын таһаарар* (букв. ‘(он) выпускает своё дыхание’). Значение УСК в БТСЯЯ: «Тугу эмэ гынан (*хол., ытаан*) мунһууллубут кыһытын-абатын, муунтуйбутун таһаарар, санаатын чэпчэтэр; дуоһуйуор диэри кимнин эмэ кэпсэтэр-ипсэтэр. • *соотв.* отвести душу» [Большой толковый словарь..., 2014, с. 428]; в «Якутско-русском фразеологическом словаре» А.Г. Нелунова: «давать выход эмоциям, разряжаться» [Нелунов, 2002, с. 246].

Фразеологизм *тыынын таһаарар* (букв. ‘(он) выпускает своё дыхание’) употребляется в двух случаях: 1) когда человек удовлетворяет свою естественную потребность в общении, обмене мыслями; 2) когда даёт выход своим эмоциям (*обычно негативным, связанным с душевными переживаниями, печалью или недовольством чем-либо*).

Приведём примеры из художественной литературы: «*Мин ийэбин хомоттум – төрүт да кэпсэтэр киһи баҕалаах буолан олорор эмээхсини күлүү гынан сыыстым дии саныыбын уонна кэпсэтэн, муунтуйбутун аһаран, тыынын таһаарабын.* ‘Я обидел свою мать – посмеялся над старушкой, которой очень хотелось поговорить с кем-нибудь. Подумав так, я душевно поговорил с ней, дал ей выпустить то, что накопилось в душе, развеял её мысли, дал выход эмоциям’» [Яковлев, 1978, с. 58]. «*Кыысчаан сылтан ордук кэмнэ ыар баттык гыммыт санаата чэпчиэр, тыынын таһаарыар диэри күүскэ ытаабыта:* ‘Девчушка заплакала так сильно, что облегчила груз своих мыслей, не дававших ей покоя больше года, выпустила наружу все свои эмоции’» [Федосеев, 1966, с. 43].

В первом примере герой произведения удовлетворяет потребность матери в общении, во втором – девушка с помощью слёз выпускает накопившиеся эмоции. Сказанное тоже касается мыслительной способности людей.

Таким образом, слово *тыын* ‘дыхание’ в якутском языке в составе разных УСК достаточно часто употребляется в значении ‘мысль; сознание; разум’. Очевидно, связано это с тем, что мыслительная деятельность человека в определённой степени имеет сходство с процессом дыхания.

«Дыхание – сложный непрерывный процесс, в результате которого постоянно обновляется газовый состав крови и происходит биологическое окисление в тканях» [Сивоглазов, и др., 2014, с. 75].

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова слово «мысль» отождествляется со словом «мышление» (во 2-м значении). «**Мышление** *ср.* 2. Способность человека рассуждать, представляющая собою процесс отражения объективной действительности в представлениях, суждениях, понятиях» [Ожегов, 2009, с. 307].

«В результате процесса мышления в психике субъекта (носителя психики) возникает мысль, а появление мысли означает появление понимания. Вновь образовавшаяся мысль, представляя собой новый образ (новое знание), благодаря процессам мышления может связываться с другими образами (знаниями), или мыслями. Таким образом, в психике могут образовываться как отдельные цепочки, так и целая система взаимосвязанных мыслей» [Корниенко, 2013, с. 51].

Сходство процессов мышления и дыхания, на наш взгляд, состоит в их непрерывности, т.е. постоянстве, а также в их естественной природе. Очевидно, именно поэтому якутский народ в своей повседневной речи отождествил слово *тыын* (букв. ‘дыхание’) с такими понятиями, как мысль, разум и сознание.

Подытоживая статью, следует отметить, что дальнейший анализ материалов «Большого толкового словаря якутского языка» может выявить много интересных языковых фактов, а также пролить свет на вопрос о связи языка и особенностей этнического мышления, что образует в конечном счёте своеобразие национальных языков.

Литература

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XIII: (Буква Х) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2016. – 639 с.

Гиноян Р.В., Хомутов А.Е. Физиология эмоций: учеб.-метод. пособие. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2010. – 66 с.

Заболоцкий Н.М. Мин сүрэх хайам. – Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1978. – 255 с.

Золотарёв Н.Г. Тайбаҕа: «Төлкө» иккис кинигэ-тэ. – Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1952. – 272 с.

Корниенко А.Ф. Сущность процессов мышления и мыслительной деятельности // Научный диалог. – 2013. – № 4. – С. 49–62.

Кузьмина Е.О., Садовникова И.В. Личность преступника и особенности формирования девиантного поведения // Молодой учёный. – 2009. – № 4. – С. 164–168.

Мординов Н.Е. Алдьархай. – Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1966. – 352 с.

Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – Т. 1. – 287 с.

Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2002. – Т. 2. – 420 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2009. – 736 с.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – СПб.: Питер, 2012. – 508 с.

Сивоглазов В., Габриелян О., Остроумов И. Естествознание. Базовый уровень. 11 класс. – М.: Дрофа, 2014. – 336 с.

Федосеев И.Е. Хотугу хоһууттар: Кэпсээннэр, очеркалар. – Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1966. – 104 с.

Шамаева М.И. История формирования якутских национальных инструментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3 ч. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 12(74): Ч. 1. – С. 194–198.

Якутско-русский словарь. – М.: Изд-во «Сов. энцикл.», 1972. – 605 с.

Яковлев В.С. Дьикти саас. – Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1978. – 344 с.

<https://www.culture.ru/objects/2986/svadebnyi-obryad-lugovykh-se-rnurskikh-mari>.

L.V. Robbek

The Word Tyyn in the Meaning ‘Thought; Consciousness; Mind’ in the Composition of Stable Verbal Complexes (Based on the Materials of the Great Explanatory Yakut Language Dictionary)

The article analyzes the lexical-semantic structure of the lexeme tyyn (lit. “breath”), functioning as a part of separate stable verbal complexes, which are given to the dictionary articles TYYN I and TYYN II in the XI volume of the “Great Explanatory Dictionary of the Yakut language” (letter “T”). It is revealed that in some cases, the word may act in the meaning ‘thought; consciousness; mind (of human)’. The analysis was made on the basis of materials from works on psychology, medicine, cultural studies, ethnography, law studies, and also works of Yakut classic writers. In total, six stable verbal complexes that are phraseological turns of the Yakut language have been analyzed. It turned out that in their composition the word tyyn (lit. “breath”) is in some way connected with the concepts of “thought”, “consciousness” and “mind” of a person. Based on this, the article contains reflections on the peculiarities of ethnic thinking, which, through a word, form the peculiarity of national languages. Since all the volumes of the Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language have been published, starting from 2019, studies of this nature will reveal many interesting linguistic facts.

Keywords: Yakut language, semantics of the word, lexeme tyyn (lit. “breath”), stable verbal complexes, phraseological turns of speech.

С.Н. Курилова

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.013.

УДК 811.554

Иноязычные лексические переносы в языке тундровых юкагиров: тематическая группа «время»

Юкагиры – один из древнейших народов Северо-Восточной Азии, предположительно представлявшие первую волну носителей урало-юкагирских языков с запада, переселения которых по Якутии приходились на VI/IV–III тыс. до н.э. С конца III тыс. праюкагиры занимали практически всю территорию Якутии, пока в около 1300–1350 гг. до н.э. в связи с распространением южной усть-мильской культуры общеюкагирский ареал не распался на североюкагирский (предки современных тундровых юкагиров вадулов) и южноюкагирский (предки современных лесных юкагиров одулов). Вековые отношения с соседним автохтонным населением (чукчи, коряки) и народами-пришельцами (тунгусы, якуты, русские) нашли свое отражение в культуре юкагиров. В данной статье впервые полно представлены и комплексно рассматриваются инолексические переносы в языке тундровых юкагиров в рамках тематической группы «время». Источниками для данной лексико-тематической группы явились якутский и русский языки, при этом часть русизмов проникла в юкагирский язык через якутский. Наблюдается фонетико-графическая и морфологическая адаптация инолексем, в то время как по функциональному статусу они относятся к окказионализмам по частотному принципу. Выявлены синонимические ряды, обозначающие определенный временной период, включающие автохтонные слова и словосочетания, якутские и русские лексемы.

Ключевые слова: язык тундровых юкагиров, русский язык, якутский язык, время, лексический перенос, окказионализм, адаптация, аффикс, функция, синоним.

У тундровых юкагиров существуют свои лексемы для обозначения годовых отрезков времени в зависимости от изменений и условий погоды, окружающей среды, и имеют они более детальное и содержательное деление. Так, например, время, соответствующее русскому месяцу «июль», в тундровом юкагирском языке (далее – ТЮ) называется *йангдэн кэриэнубэ киндьэ* ‘месяц линьки гусей’, «начало июля» – *кичиэн курэлэйнубэ* ‘время обильного появления комаров’, «октябрь» – *йарха воромуйуол киндьэ* ‘месяц, когда крепчает лед и ездят на упряжках’ или *пугуолэл лавийэмэ* ‘теплое предзимье’, «август» – *лукул йоссорул киндьэ* ‘месяц, когда начинает промерзать земля’, «сентябрь» – *йархэ чаахасул киндьэ* ‘месяц появления льда’, «май» – *йангдэн кэлуунубэ киндьэ* ‘месяц прилета гусей’ и т.п. Тем не менее в результате многовекового контактирования с соседствующими народами в лексику тундровых юкагиров вошли иноязычные термины для обозначения

единиц исчисления времени – временных отрезков, дней недели и месяцев.

1. Переносы из якутского языка.

Лексико-тематическая группа прямых якутизмов представлена названиями месяцев, перенесенными напрямую из якутского языка.

Ахсинньи ‘декабрь’ < як. ахсынҕы, ахсинньи ‘восьмой месяц декабрь, восьмая луна, декабрь-январь; февраль’ (Пекарский, 1959а, с. 207; Слепцов, 1972, с. 53; Иванов, 2016, с. 73).

(1) Ахсинньи ваай эл мөр-чии-чуон уу-чии-тэ-й.

декабрь тоже NEG почувствовать-DLMT-PRV идти-DLMT-FUT-3SG

‘Декабрь тоже пройдет незаметно’ [Курилов, 2001, с. 266]

Бэс ыйа ‘июнь’ < як. бэс ыйа ‘месяц сосны (июнь); месяц заготовки сосновой заболони’ (Пекарский, 1959а, с. 444; Слепцов, 1972, с. 100; Иванов, 2016, с. 72).

(2) *Бэс+ыйа йуобай-ну-даба, илэ-н ин сава-раа-ну-даба, пугучэ-ги мэ моннаа-чии-й.*

июнь кончиться-DUR-CONV.IPFV олень-FC только шкура- COM.CAUS-DUR-CONV.IPFV шерсть-RP AFF быть.коротким-DIM-3SG

‘Когда кончается июнь, когда у оленей только появляется шерсть, шерсть у них короткая’ [Курилов, 2001, с. 134]

Кулун тутар ‘март’ < як. кулун тутар ‘март, месяц подкармливания жеребят (месяц, когда жеребят ловят и не подпускают к кобылам, чтобы смочь их доить’ (Пекарский, 1959а, с. 1210; Слепцов, 1972, с. 187; Иванов, 2016, с. 74).

(3) *Кулун+тутар-ба чав-йуол-э-р ат амуольэ-нь.*

март-LOC отрезать-RES-0-CONV.IPFV SBJV быть.хорошим-INFR-3SG

‘Если бы обрезали в марте, было бы хорошо’ [Курилов, 2001, с. 532]

Муус устар ‘апрель’ < як. муус устар ‘апрель-май, месяц таяния льда, ледоходный месяц’ (Пекарский, 1959б, с. 1640; Слепцов, 1972, с. 246; Иванов, 2016, с. 74).

(4) *Муус+устар кунильи-счэ чайлэ-да-бат ваду-н личуоркэ мэдьуол-н-аа-нун-и.*

апрель десять-ORD день-3-ABL юкагир-AT важенка родиться-DUR-INCH-НАВ-3SG

‘С десятого апреля важенка юкагирской породы начинает телиться’ [Курилов, 2001, с. 274]

Олунньу ‘февраль’ < як. олунју, олунньу ‘десятый месяц февраль’ (Пекарский, 1959б, с. 1830; Слепцов, 1972, с. 271; Иванов, 2016, с. 74).

(5) *«Хандьэмэ-ба» – сэтинньи вальбарэ-ги, ахсинньи, тохсунньу, тадаат олунньу кэйэбэ-ги сэв-нун-у-л.*

зима-LOC ноябрь половина-RP декабрь январь потом февраль начало-RP войти-НАВ-0-SF

‘К зимним месяцам относится половина ноября, декабрь, январь, потом начало февраля’ [Курилов, 2001, с. 177]

Сэтинньи ‘ноябрь’ < як. сэтинји, сэт(т)инньи ‘седьмой месяц ноябрь’ (Пекарский, 1959б, 2181; Слепцов, 1972, с. 369; Иванов, 2016, с. 73). См. пример (5).

Тохсунньу ‘январь’ < як. тохсунју, тохсунньу ‘девятый месяц январь’ (Пекарский, 1959в, с. 2755; Слепцов, 1972, с. 393; Иванов, 2016, с. 73).

(6) *Тохсунньу 26 чайлэ-бат лалимэ поморэ-й-тэ-й (чундидьэ) – та-нун кийиэ сукун ах хадьуу-р чундидьэ-лэ эримэ мэ мой-м.*

Январь 26 день-ABL нарты скользить-PFV-FUT-3SG (полоз) DST-NR.FC до из-за.того.что. чрезмерно быть.холодным-CONV.IPFV полоз-ACC снег AFF держать-3SG

‘С 26 января полозья нарты начнут (хорошо) скользить – до этого снег придерживал полозья из-за чрезмерного холода’ [Курилов, 2001, с. 380]

2. Переносы из русского языка

2.1. Прямые переносы из русского языка

К прямым переносам из русского языка в ТЮ относятся лексемы для обозначения отрезков времени, дней недели и месяцев.

Минутэ, минута ‘минута’ < рус. минута.

(7) *Ту-н ульэдуул йаун-э-р план-эк уу-й, час, минутэ-н тат эл уу-чи.*

PRXM-FC работа все-0-ADVR.S план-INS идти-3SG час минута-FC так NEG идти-DLMT:3SG

‘Эта работа вся по плану идет, час, минута так не проходят (зазря) (досл.: этой работы движение все по плану идет, час, минута так не проходит)’ [Крейнович, 1958, с. 262]

Неделя < рус. неделя.

(8) *Хахун иитнэ льэ-л-нинь кэлу-к? – Имдалды-н неделя-ба льэ-тэ-йэн.*

насколько долго быть-ANR-DAT прийти-IMP:2 пять-AT неделя-LOC быть-FUT-1SG

‘Надолго ли приехал (ты)? – Пять недель пробуду (я)’ [Атласов, Курилов, 1992, с. 22]

(В)оркисизнньэ, воскресенье, воскресенье, воскресенья ‘воскресенье’ (юк. < як. – Курилов, 2003, с. 238) < рус. воскресенье.

(9) *Пэндьизлньик-ха мөндьэ-й-рэлэк, / Мэ нэмэ-п-из пэл-дэлэк, / Уоркисизнньэ авйаадар-ба / Йандуу-нун-дъэк, йэвлу-гэ.*

понедельник-LOC бодрствовать-PFV-CONV. PFV INDF что-PL-DIM догнать-CONV.PFV воскресенье вечер-LOC уснуть-НАВ-2SG быть. милым-INTJ

‘В понедельник проснувшись, / Чего-либо достигнув, / Вечером в воскресенье / Засыпашь (ты), бедняга’ [Курилов, 2009, с. 24]

Понедельник ‘понедельник’ < рус. понедельник.

(10) *Хайчиэ чайлэ-чун-дъэ толи-ньэ-й. Пурэ-н чайлэ-чун-дъэ-ги льэ-й. Йэлуку-н ньяачэ-дэ-бэ понедельник-хат-воскресенья гит-ньэ-р чарилэ-лэ саайдэ виэ-нун-у-м.*

дедушка день-считать-NR палка-COM-3SG на-PROL день-считать-NR-RP быть-3SG

четыре-АТ лицо-3-LOC понедельник-ABL-воскресенье край-COM-ADVR насечка-ACC поперек делать-НАВ-0-3SG

‘Дедушка имел посох-трость с календарем. На его верхушке имелся календарь. На четырех сторонах (зд. календаря) насечки поперечные стругаются с понедельника до воскресенья (т.е. по дням недели)’ [Kurilov, 2012, p. 200].

Пээтинчэ ‘пятница’ (юк. < як. – Курилов, 2003, с. 238) < рус. пятница.

(11) *Идьиэ пээтинчэ-лэнг.*

сейчас пятница-FC

‘Сейчас пятница’ [Курилов Г.Н., 1994, с. 17]

Суббота ‘суббота’ < рус. суббота.

(12) *Суббота-ба эл чабадьаа-нун-ну.*

суббота-LOC NEG работать-НАВ-3PL

‘В субботу (зд. госучреждения) не работают’ [Атласов, Курилов, 1992, с. 12]

Чэчвиэр ‘четверг’ (ТЮ > як. – Курилов, 2003, с. 238; Аникин, 2003, с. 681) < рус. четверг.

(13) *Идьиэ чэчвиэр-лэнг.*

сейчас четверг-FC

‘Сейчас четверг’ [Курилов Г.Н., 1994, с. 17]

Авгус ‘август’ < рус. август.

(14) *Ньаалабай эгуо-й, 6 август-ха гит-ньэ-р.*

мошкара встать-3SG 6 август-LOC край-COM-ADVR

‘Мошкара появилась (досл.: встала), до шестого августа’ [Kurilov, 2012, p. 208]

Апрель ‘апрель’ < рус. апрель.

(15) *Владимир Ильич апрель 22 чаайлэ-дэ-бэ 1870 сукунмольбал-бэ, Симбирскэй гуорат-хэ мэдьюо-нь.*

Владимир Ильич апрель 22 день-3-LOC 1970 год-LOC Симбирск город-LOC родиться-3SG

‘Владимир Ильич родился 22 апреля 1870 года в городе Симбирск’ [Курилов Н.Н., 1994, с. 49]

Июль ‘июль’ (*ийууль* – Курилов, 2003, с. 257) < рус. июль.

(16) *Чама пугудьэ-ба лаайкэ эл моой-нун-дээли. Июль киндьэ-бат лаайка моой-н-аа-нун-у-й.*

большой тепло-LOC лайка NEG держать-НАВ-3PL июль месяц-ABL лайка держать-DUR-INCH-НАВ-0-3SG

‘В большую жару лайку не используем (мы). С июля лайку начинает (он) использовать’ [Курилов, 2001, с. 258]

Ма(а)й ‘май’ < рус. май.

(17) *9 Маай – чама чаайлэ-к. Йэргэйэ пурэ-н хуудэ-ч. Мит ту-н чаайлэ-бэт, мааруо-л абарэ мэдью-й!*

9 май большой день-FC солнце на-PROL подняться-3SG мы PRXM-FC день-ABL быть. счастливым-PART дыхание взять-1PL

‘9 мая – большой день. Солнце наверх поднялось. Для нас с этого дня счастливая жизнь началась (досл.: мы с этого дня счастливое дыхание взяли)’ [Курилов Н.Н., 1994, с. 52]

Маарт, марта ‘март’ < рус. март.

(18) *Пугудьэ-мэ хади киндьэ-ба? – Маарт-ха.*

тепло-TMP какой месяц-LOC март-LOC

‘Весна в каком месяце? – В марте’ [Курилов, 2001, с. 151]

Октябрь ‘октябрь’ < рус. октябрь.

(19) *А-н таатльэр, / хаали-чэ мубуол-ба мит эдьи-л / Эл сэв-бан мон-ур-р лыэ / Октябрь тэ-н кэлу-й!*

VS-D поэтому быть.ужасным-PART событие-LOC мы:POSS жить-ANR NEG войти-IMP:3 сказать-0-CONV.IPFV октябрь PRXM-D прийти-3SG

‘Вот поэтому, / страшного события в нашей жизни (досл.: в страшном событии наша жизнь) / Пусть не произойдет (досл.: пусть не входит), (и только) подумав так, / Октябрь вот пришел!’ [Курилов, 1985, с. 25]

Сентябрь ‘сентябрь’ < рус. сентябрь.

(20) *Ту-н чаайлэ-чун-дээ ньидьэргэ-й чаайлэ-чун-дээ-бэт 13 чаайлэ-лэк поньаа-й. Ньидьэргэ-й календарь-ба сентябрь 24 чаайлэ-но-дэбанэ, ту-н чаайлэ-чун-дээ-бэ 11-хан чаайлэ-бэ өгэтэ-т-мэк.*

PRXM-FC день-считать-NR быть.новым-PART день-считать-NR-ABL 13 день-INS отстать-3SG быть.новым-PART календарь-LOC сентябрь 24 день быть-CONV.IPFV PRXM-FC день-считать-PART-LOC 11-PROL день-LOC поставить-FUT-2SG

‘Этот календарь от новых календарей (зд. советского времени) на 13 дней отстает. Если в новом календаре 24 сентября, (то) в новом календаре 11-м днем поставишь (ты)’ [Kurilov, 2012, p. 200]

2.2. Опосредованные переносы из русского языка

К опосредованным через якутский язык русизмам, обозначающим единицы исчисления времени, относятся следующие лексемы.

Бириэмэ ‘время’ (*пириэмэ* – Курилов, 1994а, с. 17; Курилов, 2003, с. 246, 255) < як. бэриэмэ, бириэмэ, бриэмэ ‘время’ (Пекарский, 1959а, с. 437, 474; Слепцов, 1964, с. 63, 78, 103, 107, 116, 165, 166, 168; 1972, с. 71) < рус. время (Аникин, 2003, с. 448).

(21) *Тит-ха бириэмэ мэ лъэ-тэ-й?*

вы-LOC время AFF быть-FUT-3SG

‘У вас время будет (ли)?’ [Атласов, Курилов, 1992, с. 13]

Ча(а)с ‘час’ [Veenker, 1989, р. 32, 83] < як. чаас ‘час; часы; время’ (Пекарский, 1959в, с. 3586; Слепцов, 1972, с. 506; Аникин, 2003, с. 671-672, 673) < рус. час.

(22) *Хабун чаас гол-аа? Пускийи-н минута-лэк маалайлуку-н чаас гол-аа-тэ-й.*

сколько час быть-INCH семь-AT минута-INS
восемь-AT час быть-INCH-FUT-3SG

‘Который час? – Без семи минут восемь часов будет’ [Курилов Г.Н., 1994, с. 18]

Н(ь)эдьиэ, ньидьиэ, ньидьилэ, нэдиэлэ ‘неделя’ (Veenker, 1989, р. 51, 81; Nikolaeva, 2006, р. 294) < як. нэдиэлэ, нэлиэдэ, ньэдиэлэ ‘неделя, воскресенье’, ‘численник-календарь’ (Пекарский, 1959б, с. 1687; Слепцов, 1964, с. 109; 1975, с. 256; Аникин, 2003, с. 400) < рус. неделя.

(23) *Маарха-н нэдиэлэ Йакуускай-ба, Ганя-ба зурэ-йэн.*

один-AT неделя Якутск-LOC Ганя-LOC
ходить-1SG

‘На одну неделю в Якутске, у Гани погостила (я)’ [Kurilov, 2012, р. 164]

Оптуорныйк ‘вторник’ (*октуорныйк* – Курилов, 2003, с. 238) < як. оптуорунныйк, оптуорунјук, оптуорунньук, отуорнјук, оттуорунныйк ‘вторник’ (Пекарский, 1959б, с. 1890, 1901; Слепцов, 1964, с. 97; 1972, с. 275) < рус. вторник < вторник (Аникин, 2003, с. 146).

(24) *Идьиэ оптуорныйк-лэн.*

сейчас вторник-FC

‘Сейчас вторник’ [Курилов Г.Н., 1994, с. 17]

Пэньидьилныйк, пэньидьилныйк ‘понедельник’ (*пэньидьилныйк* – Курилов 2003: 238) < як. бэ-дэлиэник, бэньидьилныйк, бэлэдиэнныйк, бэни-эдиэнныйк ‘понедельник’ (Пекарский, 1959б, с. 419; Слепцов, 1964, с. 86, 180; 1972, с. 99; 1975, с. 221; Аникин, 2003, с. 472) < рус. понедельник. См. пример (9).

Субуота ‘суббота’ (*субуотэ* – Курилов, 2003, с. 238) < як. собуота, субуота ‘суббота’ (Пекар-

ский, 1959б, с. 2257; Афанасьева, Харитоновна, 1968, с. 625) < рус. суббота.

(25) *Идьирэ, эл субуота-лэн, ньаар-чэ+лауйэ мэнь-ба, мит пэлдудие-пэ-гинь.*

сегодня NEG суббота-FC быть.плохим-PART+вода взять-IMP:1PL мы.POSS старик-PL-DAT

‘Сегодня, не суббота, водки (досл.: плохой воды) давай купим (мы) (досл.: давай возьмем), своим старикам’ [Kurilov, 2012, р. 112]

Сэрэдэ ‘среда’ (*сэрдээ* – Курилов, 2003, с. 238) < як. сэрдэ ‘среда’ (Афанасьева, Харитоновна, 1968, с. 612) < рус. среда.

(26) *Идьиэ сэрдэ-лэн.*

сейчас среда-FC

‘Сейчас среда’ [Курилов Г.Н., 1994, с. 17]

3. Адаптационные особенности

3.1. Фонетико-графическая адаптация

3.1.1. Фонетико-графическая адаптация

якутизмов

Практически все якутизмы избежали фонетической обработки в языке-реципиенте, за исключением лексемы *ахсинньи* ‘декабрь’, у которой отмечено изменение в плане вокализма с замещением гласной *ы*, не характерной для фонетической системы ТЮ, на *и* (ср. як. ахсинньи). Остальные неосвоенные якутизмы воспроизводятся в том виде, в каком они употребляются в речи носителей – якутов (як. бэс ыйа ‘месяц сосны (июнь)’ > ТЮ *бэс ыйа* ‘апрель’, як. муус устар ‘месяц таяния льда’ > юк. *муус устар* ‘апрель’, як. олунньу олунньо ‘десятый (февраль)’ > ТЮ *олунньу* ‘февраль’ и др.).

3.1.2. Фонетико-графическая адаптация прямых русизмов

В сегменте прямых русизмов также часть переносов сохранила звуко-буквенный состав языка-донора (напр., *понедельник, суббота, апрель, июль* и др.), однако очевидны адаптационные особенности.

1) Фонетико-графическая адаптация в системе вокализма:

а) субституция русских гласных:

- замещение *a*

a > *aa*: рус. май > ТЮ *маай*, рус. март > ТЮ *маарт*;

a > *э*: рус. минута > ТЮ *минутэ*, рус. пятница > ТЮ *пээтинчэ*;

- замещение *e*

e > *и*: рус. воскресенье > ТЮ *оркисииэнньэ*;

e > *э*: рус. четверг > ТЮ *чэчвиэр*;
e > *иэ*: рус. воскресенье > ТЮ *оркисииэнньэ*,
 рус. четверг > ТЮ *чэчвиэр*;
 - замещение *я*
я > *ээ*: рус. пятница > ТЮ *пээтинчэ*;
 б) наращение гласных в инлауте
θ > *и*: рус. пятница > ТЮ *пээтинчэ*.
 2) Фонетико-графическая адаптация в системе консонантизма:
 а) субституция русских согласных:
 - замещение *н*
н > *нн*: рус. воскресенье > ТЮ *воркисииэнньэ*;
 - замещение *т*
т > *ч*: рус. четверг > ТЮ *чэчвиэр*;
 - замещение *ц*
ц > *ч*: рус. пятница > ТЮ *пээтинчэ*;
 б) метатеза
кр > *рк*: рус. воскресенье > ТЮ *воркисииэнньэ*;
ни > *ин*: рус. пятница > ТЮ *пээтинчэ*;
 в) выпадение согласных
 - в анлауте
в < *θ*: рус. воскресенье > ТЮ *оркисииэнньэ*;
 - в инлауте
с < *θ*: рус. воскресенье > ТЮ *воркисииэнньэ*;
 - в ауслауте
г < *θ*: рус. четверг > ТЮ *чэчвиэр*;
т < *θ*: рус. август > ТЮ *авгус*.

3.1.3. Фонетико-графическая адаптация опосредованных русизмов

Часть опосредованных русизмов сохранила звуко-буквенную форму языка-посредника, а именно якутского языка (напр., рус. время > як. бириэмэ > ТЮ *бириэмэ*, рус. неделя > як. нэдиэлэ > ТЮ *нэдиэлэ*, рус. суббота > як. субуота > ТЮ *субуота* и др.). Другая часть подверглась адаптации.

1) Фонетико-графическая адаптация в системе вокализма:

а) субституция якутских гласных:
 - замещение *у* (добавочная или сменившая русские *и, у*)

у > *и*: як. оптуорунньук 'вторник' > ТЮ *октуорныйк*;

- замещение *э* (сменившая русские *а, е, о*)

э > *и*: як. нэдиэлэ 'неделя' > ТЮ *ньидиэльэ*;

э > *иэ*: як. ньэдиэлэ 'неделя' > ТЮ *ньиэдьилэ*;

б) субституция якутских дифтонгов:

- замещение *иэ* (сменившего русскую *е*)

иэ > *и*: як. ньэдиэлэ 'неделя' > ТЮ *ньиэдьилэ*;

в) выпадение якутских гласных в инлауте
и > *θ*: як. бэньидиэлныйк 'понедельник' > ТЮ *пэньидиэлныйк*;

у > *θ*: як. оптуорунньук 'вторник' > ТЮ *октуорныйк*.

2) фонетико-графическая адаптация в системе консонантизма:

а) субституция якутских согласных:

- замещение *б* (сменившего русские *б, в*)

б > *п*: як. бэньидиэлныйк 'понедельник' > ТЮ *пэньидиэлныйк*;

- замещение *д*

д > *дь*: як. ньэдиэлэ 'неделя' > ТЮ *ньиэдьилэ*;

б) субституция якутских удвоенных согласных неударенными:

нн > *н*: як. оптуорунньук 'вторник' > ТЮ *оптуорныйк*.

3.2. Морфологическая адаптация

Среди морфологических особенностей адаптации переносов из якутского и русского языков в ТЮ можно назвать, главным образом, оформление аффиксами:

падежа:

Ахсинньи 'декабрь' > *ахсинньиба* 'в декабре',
 напр.:

(27) *Ахсинньи-ба хадьыр чайлэ мэ монмибай-нун-и*.

декабрь-ЛОС вот день AFF укоротиться-НАВ-3SG

'В декабре вот день укорачивается' [Курилов, 2001, с. 254];

Нэдиэлэ 'неделя' > *нэдиэлэбэ* 'в неделю',
 напр.:

(28) *Таннигинэ «АН-2» самолет нэдиэлэ-бэ ки-дьэ-н+йалми-дьэ-н эуриэ-нун-и*.

в.то.время АН-2 самолет неделя-ЛОС два-FRQ-FC+три-FRQ-FC ходить-НАВ-3SG

'В то время самолет «АН-2» два-три раза в неделю прилетал' [Курилов, 2013, с. 30];

Чаас 'час' > *чаасбат* 'с десяти', напр.:

(29) *Суббота-ба магазин ханьин йондичи-нун? – Титтэл кунильи-н чаас-хат*.

суббота-ЛОС магазин когда открыться-НАВ:3SG – они десять-АТ час-ABL

'В субботу магазин когда открывается? – Они с десяти часов' [Атласов, Курилов, 1992, с. 12];

множественного числа в сочетании с падежными аффиксами:

Воскресение 'воскресенье' > *воскресениепулбан* 'по воскресениям', напр.:

(30) *Воскресение-пул-бан мэт город нудэлиэ-н эврэ-л-эн амудьии-мэн.*

воскресенье-PL-PROL я город возле-ADVR ходить-ANR-FC любить-1SG

‘По воскресениям я люблю прогуляться за городом’ [Атласов, Курилов, 1992, с. 28];

фокуса:

Минутэ ‘минута’ > *минутэн* ‘именно минута’, напр.:

(31) *Минутэ-н тат эл уу-чи.*

минута-FC так NEG идти-DLMT:3SG

‘Минута так не проходит’ [Крейнович, 1958, с. 262].

Русизмы встречаются в функции определительного слова в сочетании со словами юкагирского происхождения.

Маай ‘май’ + *киндьэ* ‘месяц’ > *маай киндьэ* ‘месяц май’, напр.:

(32) *Маай киндьэ-ба илэ лабаниш-муо-риш-рэн мой-нун-у-й – чуу-рэ-ну-бан мон-у-р.*

май месяц-LOC олень пасти.скученно-DIM-CAUS-CONV.IPFV держать-НАВ-0-3PL – мясо-COM.CAUS-3PL-IMP:3 сказать-0-CONV.IPFV

‘В месяце мае оленей держим на выпасе свободно (не скученно), чтобы стали мясные’ [Курилов, 2001, с. 189].

3.3. Семантическая адаптация

Большая часть якутизмов освоена на лексико-семантическом уровне в ТЮ и сохраняет свои значения, которыми обладают в языке-источнике (напр., як. *тохсунньу* ‘январь’ > ТЮ *тохсунньу* ‘январь’, рус. минута > ТЮ *минутэ* ‘минута’, рус. среда > як. *сэрэдэ* > ТЮ *сэрэдэ* ‘среда’ и др.).

3.4. Функции переносов в юкагирском языке

Все инолексемы в тематической группе «Время» можно отнести к явлениям смешения кодов в рамках одного слова, т.е. окказионализмам. С одной стороны, они встречаются в речи одного носителя и реже двух носителей, при этом являющихся родственниками (братья Г.Н. и Н.Н. Куриловы). Так, якутские наименования месяцев отмечены в материалах Г.Н. Курилова, а некоторые русизмы для обозначения месяцев и дней недели либо только у одного из авторов (*оптуорньик* ‘вторник’ у Г.Н. Курилова, *авгус* ‘август’ у Н.Н. Курилова), либо у обоих (*субуота* ‘суббота’ у обоих носителей). С другой стороны, эти инолексемы, как правило, имеют ра-

зовое появление в имеющемся материале (*сэтинньи* ‘ноябрь’, *пээтинчэ* ‘пятница’, *авгус* ‘август’, *бириэмэ* ‘время’, *оптуорньик* ‘время’ и др.)

Инолексемы могут составлять синонимические ряды, наряду с исконными обозначениями, напр.:

рус.>ТЮ *неделя* = рус.>як.>ТЮ *н(ь)эдьиэльэ, ньидьиэльэ, ньиэдьилэ, нэдиэлэ* ‘неделя’;

рус.>ТЮ *понедельник* = рус.>як.>ТЮ *пэньидьилньик, пэндьилньик* ‘понедельник’;

рус.>ТЮ *суббота* = рус.>як.>ТЮ *субуота* ‘суббота’;

як.>ТЮ *тохсунньу* ‘девятый (январь)’ = ТЮ *йэрпэйэдьуо экуол* ‘время появления солнечного диска (начало января)’;

як.>ТЮ *олунньу* ‘десятый (февраль)’ = ТЮ *чайлэн чичигэйнубэ киндьэ* ‘месяц удлинения света дня’;

як.>ТЮ *кулун тутар* ‘месяц подкармливания жеребят (март)’ = рус.>ТЮ *маарт* ‘март’, *благовещение киндьэ* ‘месяц благовещения’ = юк. *хойл нимэ киндьэ* ‘месяц дома Хойла (Божества)’;

як.>ТЮ *муус устар* ‘месяц таяния льда (апрель)’ = рус. *апрель* = ТЮ *йэвлидьэн киндьэ* ‘месяц рождения оленят’;

рус.>ТЮ *маай* ‘май’ = ТЮ *йандэн кэлуунубэ киндьэ* ‘месяц прилета гусей’;

рус.>ТЮ *июль* = ТЮ *йандэн кэриэнубэ киндьэ* ‘месяц линьки гусей’, «начало июля» – *кичизэн курэлэйнубэ* ‘время обильного появления комаров’;

рус.>ТЮ *авгус* ‘август’ = ТЮ *лукул йоссорул киндьэ* ‘месяц, когда начинает промерзать земля’;

рус.>ТЮ *сентябрь* = ТЮ *йархэ чаахасул киндьэ* ‘месяц появления льда’;

рус.>ТЮ *октябрь* = ТЮ *йарха воромуйуол киндьэ* ‘месяц, когда крепчает лед и ездят на упряжках’, *пугуолэл лавийэмэ* ‘теплое предзимье’ =;

як.>ТЮ *сэтинньи* ‘седьмой (ноябрь)’ = ТЮ *лавийэмэ* ‘поздняя осень (вторая половина октября, первая половина ноября)’;

як.>ТЮ *ахсинньи* ‘восьмой (декабрь)’ = ТЮ *тивабаачиил* ‘месяц с самым коротким световым днем’, *лыкудбайлэмэ* ‘время (пора) самого короткого светового дня (букв.: маленький день)’.

Таким образом, в ТЮ выявлено 25 иноязычных лексем в тематической группе «время» для

обозначения временных отрезков, дней недели и месяцев. Семь единиц перенесены напрямую из якутского языка (*ахсинньи, сэтинньи, муус устар* и др.). 18 единиц имеют русскоязычное происхождение, из которых 11 вошли в ТЮ напрямую и семь как напрямую (*минутэ, чэчвиэр, авгус* и др.), так и опосредованно через якутский язык (*бириэмэ, оптуорньик, неделя* и *ньиэдьилэ* и др.). В системе ТЮ инолексеммы подверглись фонетико-графической и морфологической адаптации. Фонетико-графическая адаптация наблюдается в системе вокализма (замена гласных и якутских дифтонгов, наращение и выпадение гласных) и консонантизма (замена и выпадение согласных и якутских удвоенных согласных, а также метатеза). В морфологическом плане отмечено оформление инолексем юкагирскими аффиксами падежа, множественного числа и логического выделения, а также употребление в определительной функции в составе словосочетания. Выявлены лексеммы, перенесенные из разных языков-источников, для обозначения одного и того же понятия (як. *муус устар* 'месяц таяния льда (апрель)', рус. *апрель*, ТЮ *йэвлидьэн киндьэ* 'месяц рождения оленят (апрель)' и др.). Все рассмотренные инолексеммы демонстрируют низкую частотность, что не позволяет отнести их к собственно заимствованиям, и, следовательно, они являются окказионализмами. Полученные результаты исследования могут быть использованы при разработке словарей, в сравнительно-сопоставительных исследованиях и учебно-образовательных материалах.

Сокращения

0 – нулевая морфема
 1 – первое лицо
 2 – второе лицо
 3 – третье лицо
 Досл. – дословно
 Зд. – здесь
 Рус. – русский язык
 См. – смотрите
 Ср. – сравните
 ТЮ – язык тундровых юкагиров
 Як. – якутский язык
 ABL – ablative – исходный падеж
 ACC – accusative – винительный падеж
 ADVR – adverbializer – наречеобразующий показатель

AFF – affirmative – прилагольная частица утверждения
 ANR – action nominalizer – имя действия
 AT – attributive – показатель атрибутивности
 CAUS – causative – показатель каузативной деривации
 COM – comitative – совместный падеж, совместный способ действия
 CONV – converb – деепричастие
 D – deictic – дейктический показатель
 DAT – dative – дательный-направительный падеж
 DIM – diminutive – уменьшительность, диминутивный способ действия
 DLMT – delimitative – делимитативный способ действия
 DST – distal – удаленно расположенный в пространстве
 DUR – durative – продолжающийся вид действия
 FC – focus – показатель логического выделения
 FRQ – frequentative – показатель повторяемости
 FUT – future – будущее время
 HAB – habitual – привычный способ действия
 IMP – imperative – повелительное наклонение
 INDF – indefinite – частица неопределенности
 INFR – inferential – очевидное наклонение
 INGR – ingressive – начинательный вид действия
 INS – instrumental – творительный падеж
 INTJ – interjective – междометный показатель
 IPFV – imperfective – несовершенный вид действия
 LOC – locative – местный падеж
 NEG – negative – отрицательная частица
 NR – nominalizer – субстантиватор
 ORD – ordinal – порядковое числительное
 PART – participle – причастие
 PFV – perfective – совершенный вид действия
 PL – plural – множественное число
 POSS – possessive – притяжательный показатель
 PROL – prolativ – продольный падеж
 PRV – privative – показатель привативной конструкции
 PRXM – proximal – близко расположенный в пространстве
 RES – resultative – результативный показатель
 RP – reference point – перекрестная ссылка
 S – subject – подлежащее
 SBJV – subjunctive – частица сослагательного наклонения
 SF – subject focus – логическое выделение подлежащего
 SG – singular – единственное число
 TMP – temporal – временной показатель
 VRR – verbalizer – вербализирующий показатель
 VS – visible – видимый на расстоянии в пространстве

Литература и источники

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. – Новосибирск: Наука, 2003. – 788 с.

Атласов Е.И., Курилов Г.Н. Русско-юкагирский разговорник. – Якутск: Розовая чайка, 1992. – 32 с.

Афанасьева П.С., Харитонова Л.Н. Русско-якутский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1968. – 720 с.

Иванов С.А. Названия месяцев в якутском языке и их диалектные варианты // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 2 (15). – С. 71–76.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык. – М.-Л.: АН СССР, 1958. – 288 с.

Курилов Г.Н. Ньаавальданньа мумдэл (Гул полярного сияния): поэма. – Якутск: Якут. Кн. изд-во, 1985. – 84 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский разговорник. – Якутск: ИПМНС СО РАН, 1994. – 27 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка). – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.

Курилов Г.Н. Лабунмэдэну өндэрил (Благословление реки Лабунмэдэну): стихи, поэмы. – Якутск: Бичик, 2009. – 144 с.

Курилов Н.Н. Чуннул кинигэ. 3 классниһ: книга для чтения на юкагирском языке. – Якутск: 1994. – 60 с.

Курилов Н.Н. Литературное чтение. 4 класс: учеб. пособие на юкагирском языке (тундренный

диалект) для общеобраз. учрежд. – СПб.: Алмаз-Граф, 2013. – 96 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка [Электронный ресурс]. – Л.: Академия наук СССР, 1959а. – Т.1. URL: <http://sakhatyla.ru/books/pekarSKIY-1/88> (дата обращения: 09.05.2015).

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка [Электронный ресурс]. – Л.: Академия наук СССР, 1959б. – Т.2. URL: <http://sakhatyla.ru/books/pekarSKIY-2/482> (дата обращения: 09.05.2015).

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка [Электронный ресурс]. – Л.: Академия наук СССР, 1959в. – Т.3. URL: <http://sakhatyla.ru/books/pekarSKIY-3> (дата обращения: 09.05.2015).

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке: дореволюционный период. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1964. – 196 с.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке: послереволюционный период. – М.: Наука, 1975. – 256 с.

Слепцов П.А. Якутско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1972. – 608 с.

Kurilov N. Tales from my mother Anna Kurilova. Эһиэ, Анна Курилова ньиэдьилпэ. Рассказы матери Анны Куриловой / С. Ode (ed.). – Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012. – 270 p.

Nikolaeva I. A historical dictionary of Yukaghir. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. – 500 p.

Veenker W. Tundrajukagirisches wörterverzeichnis zusammengestellt von Wolfgang Veenker // Opuscula Sibirica 1. – Hamburg: Universität Hamburg, 1989. – 83 p.

S.N. Kurilova

Foreign Lexical Transfers in the Language of Tundra Yukagirs: a Thematic Group of “Time”

The Yukagirs are one of the ancient peoples of North-Eastern Asia, who presumably represented a first wave of the speakers of the Uralo-Yukagir languages from the west, and whose migration across Yakutia took place between VI/IV-III millenium BC. From the end of III millennium BC the ancestors of the Yukagirs had been settling almost on the whole territory of Yakutia, until in appr. 1300-1350 BC the Yukagir-wide areal split up to North-Yukagir (ancestors of the modern Tundra Yukagirs) and South-Yukagir ones (ancestors of the modern Forest Yukagirs) under the Ust-Mil culture's expansion. Age-old relationships with neighbouring aboriginal peoples (Chukchi, Koryaks) and late newcomers (Tungus, Yakuts, Russians) had found reflection in the Yukagir culture. The paper presents in full and comprehensively considers for the first time the foreign lexical transfers in the language of Tundra Yukagir within a thematic group of “time”. The donors for this thematic group are Yakut and Russian languages. A part of the Russian lexemes entered into Yukaghir via Yakut. There is phonetic and morphological adaptation of the transfers, but are supposed to be nonce words on a frequency principle. The synonymic ranges consisting of Yukagir, Yakut and Russian words for a certain temporal period are presented.

Keywords: Tundra Yukagir, Russian, Yakut, time, lexical transfer, nonce word, adaptation, affix, function, synonym.

В.Г. Попов

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.016.

УДК 811.512.137-112

Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования

В статье рассматривается часть тематической группы «лексика военной материальной культуры якутов», а именно «наступательное холодное оружие». Уделяется внимание сравнительному и сопоставительному анализу лексем, обозначающих традиционное метательное оружие якутов. Представлены результаты сопоставительного анализа фронтальной выборки лексем по искомой теме. Поднимается вопрос об определении тех или иных истоков лексем. Особое внимание уделяется сравнительному методу. По возможности приводятся этимологические построения. Новизна исследования видится в том, что в рамках одной статьи осуществлено фронтальное сравнительное исследование лексики, относящейся к клинковому и метательному видам холодного оружия. Считается, что лексика якутского языка в сравнительно-историческом отношении изучена относительно хорошо. Над этой проблемой работали О.Н. Бётлингк, Г. Вамбери, В.В. Радлов, Э.К. Пекарский, Л.Н. Харитонов, Е.И. Убрятова, Н.К. Антонов, Г.В. Попов и др. Однако отдельные тематические группы якутской лексики до сих пор в сравнительно-историческом и сравнительно-сопоставительном планах изучены далеко не достаточно. К ним относятся, например, лексика традиционной военной культуры якутского народа, в частности, лексика клинкового и метательного холодного оружия. В этом заключается актуальность исследования. Приводятся определения и толкования предмета обсуждения – названий традиционного клинкового и метательного холодного оружия. Автор останавливается на анализе названий самих видов и составных частей клинкового и метательного оружия древних якутов. Предлагается классификация типов холодного оружия, что отражено в структуре статьи. Представлена авторская этимология исследуемых лексем. Описан опыт многолетней работы автора по теме.

Ключевые слова: этимология, сравнительный, сопоставительный, анализ, тюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурский, оружиеведение, оружие, метательное, клинковое, лук, тетива.

Тема традиционной материальной культуры – военное дело якутов с позиции языка очень интересна и разнообразна, однако в практическом плане малоизучена. В трудах О.Н. Бётлингка, Э.К. Пекарского, Ст. Калужинского, Н.К. Антонова, Г.В. Попова и других есть этимологии отдельных слов, но значительная часть лексики по этой теме до сих пор не разработана. Автору статьи пришлось погрузиться не только в мир лингвистических исследований, но и в таинственный мир древних воинских искусств и воинской культуры саха, а также одновременно проводить этнографические изыскания по малоизвестным знаниям традиционной материальной культуры, незаслуженно обойденной вниманием специалистов-этнографов. В этнографии есть лишь один серьезный труд по этой теме. Это монография Ф.Ф. Васильева «Воен-

ное дело якутов» [Васильев, 1995]. Также некоторые виды длиннодревкового оружия двойного назначения (охота-война) описаны в монографии Ф.М. Зыкова [Зыков, 1989]. Тем не менее в этих трудах тема всего разнообразия старинного якутского холодного оружия и вооружения затронута лишь касательно. Определенные зарисовки по теме хранятся в рукописном фонде ИГИ и ПМНС СО РАН – в фондах А.А. Саввина [Саввин]. Все источники были проработаны нами. Автор также имеет статьи этнографического плана по рассматриваемой теме [Попов, 2015, с. 105–112].

Длиннодревковое оружие. Пальма

Батас – однолезвийное рубяще-колющее оружие ближнего боя. Длина клинка – 50–70 см,

хвостовика – 25–30 см, рукояти – до 150 см'. Э.К. Пекарский в своем «Словаре якутского языка» сравнил его с камчат.-русск. *батас* 'тесак (длина клинка – один аршин, древка – сажень)' (со ссылкой на словарь В.И. Даля) [Пекарский, 1959, стб. 403]. У В.И. Даля: «Батас м. кмч. ножище, косарь, тесак» [Даль, 1880, с. 54]. Русск. диал. *батас* является якутизмом. Этому же мнению придерживался М. Рясänen [Räsänen, 1969, p. 65]. Ст. Калужинский якут. *батас* сравнивает с п.-монг. *мадаган* 'большой кортик', халх. *матга* 'кортик', бур. (тунг.) *мадага* 'большой охотничий нож на длинной рукояти' [Калужински. Исследования... р. 111; Калужински. Этимологические..., z. 73]. Стоит отметить, что бурятская *мадага* выглядит как классическая старинная якутская пешня *анньыы*, т.е. как *батыя* со втульчатым насадом. Н.К. Антонов *батас* возводит к глаголу *батыры ас* 'вонзить, всадить', так как *батас* был преимущественно колющим видом оружия [Антонов, 1977, с. 109]. Необходимо отметить, что мнению Ст. Калужинского противоречит фонетическая закономерность, замеченная впервые им же: монгольские интервокальные -г-, -б- ни в халха-монгольском, ни в бурятском языках не стянулись [Kaluzynsky, 1961b, с. 12; Попов, 2003, с. 128–129]. Значит, в якутском они дали бы закономерно *мадаба*, *батаба*, а не *батас*. Именно поэтому гипотеза Ст. Калужинского не выдерживает критики. Предположение Н.К. Антонова нелегко объяснить. Наиболее правдоподобны этимологии Г.В. Попова: 1) *батас* < *балту* 'секира' или *балду* 'топор' + *-ш* = **балтуш* или **балдуш* > **батуш* > **баташ* > *батас*. Ср. др.-тюрк. образования: *бөгүш* 'понимание' < *бөгү*; *багыш* 'связки (суставные)' < *баб* 'верёвка'. Выпадение -л- вполне допустимо: ср. якут. *сыыдам* 'скорый, поспешный' = уйг. *жилдам*, туркм. *йылдам*, казах. *жылдам* в том же значении. В других тюркских языках в подобной позиции -л- тоже может легко выпасть. Ср. **олтур* 'сидеть' > казах. *отыр* 'сидеть, садиться' [Щербак, 1962, с. 91; Малов, 1966, с. 31; Попов, 2003, с. 128–129]; 2) *батас* < др.-тюрк. *бат* 'погружаться, нырять' + *-ш* [ДТС, 1969, с. 663] = **батыш* > **баташ* > *батас*. Ср. др.-тюрк. *тохуш* 'удар' < *тохы* ~ *тоху* 'ударять'; *бахыш* 'взгляд' < *бах* 'смотреть' [Попов, 2003, с. 128–129]. Можно предложить и вариант: др.-тюрк. *бат* 'погру-

жаться, нырять' + *-ас* 'толкать; втыкать'. Якут. *бат* 'входить, вмещаться, помещаться; иметь место, помещаться' сравнивается с общетюрк. *бат*, *пат* 'входить, поместиться, вместиться; заходить (о солнце); гибнуть'. Сопоставляется также с монг. *багта* с теми же значениями. Это сопоставление фонетически неприемлемо, так как выпадение в якутском языке -г- и конечного -а в монг. *багта* невозможно удовлетворительно объяснить. Здесь вполне справедливы сомнения М. Рясänen и Э.В. Севортыяна [Пекарский, 1959, стб. 400; Радлов, 1963, IV, с. 1173–1174; Gabaine, 1950, p. 301; Räsänen, 1969, p. 65; Рассадин, 1971, с. 160; ЭСТЯ, 1979, с. 80].

Батыя 'пальма с клинка размером в 30 см и длинной рукоятью; общая длина батыя при вертикальной постановке – от земли до подмышки владельца'. Слово *батыя* образовано от *батас*, *бат* + *-ыя* (уменьшительный аффикс). Ср. *бынах* 'нож' + *-ыя* = *быныя* 'ножик'. С другой стороны, интересно присмотреться к бурятской пальме *матага*, *мадага*, с втульчатой насадкой наподобие якутской пешни. Вероятно, восходит к бур. *батаа*? Опять же якут. *матаба* 'сумка, котомка' [Пекарский, 1959, стб. 1535] у Бётлингк сравнивается с якут. *бат* 'входить' [Бётлингк. Словарь, 1990, с. 127].

Хотокоон 'однолезвийное рубяще-колющее оружие ближнего боя, которое Ф.Ф. Васильев определяет как маленькая *батыя*' [Васильев 1995, с. 95]. *Хотокоон* происходит от общетунгусо-маньчжурского корня *кото* 'большой нож' + *-коон* (уменьшительный аффикс). Эвенк. *кото* 1. 'рогатина, пальма (тесак на древке – для обрубания сучьев, мелких деревьев и для охоты на медведя)'; 2. 'нож'; 3. 'коса' [ТМС, I, 1975, с. 418]. Ср. эвен. *котондьо* 'шашка (сабля)', письм.-монг. *китуба*, *хутаба*, *хутуба* 'нож', монг. *хутга(н)*, бурят. *хутага* 'нож' [Там же]. Также интересно ср. эвенк. *котокон* 'вогнутый', эвен. *котан*'а 'вогнутый', письм.-монг. *хотуй* 'гнуть, прогибаться' [Там же].

Копьё

Унүү 'копье'. Ср. тюрк. **сунуг*: орх-тюрк. *сунуг*, др.-уйг., др.-кыпч., ср.-кыпч. *суну*, чаг. *сунгу*, турк. *сунги*, кбалк., кум. *суннү*, тат., башк. *сөнө / сөнгө*, каз., кирг. *сунгу*, уйг. *сунгүш*, *сунуг*, чув. *сана*, *сөнө* 'копье' [Бётлингк. Сло-

варь, 1990, с. 48; Пекарский, 1959, стб. 3132; ДТС, 1969, с. 517; Тат РС, 1966, с. 503; СИГТЯ 1997, с. 569]. Образовано от глагола *синг-* ~ *сунг-* 'проникать, проходить, пронзать' = др.-якут. *ун* 'засовывать'. Причем в «Древнетюркском словаре» находим *ун* 'пробивать отверстие, сверлить' [ДТС, 1969, с. 626]. А А.Т. Кайдаров приводит казах. *ун* 'нечто полое, пробитое, с отверстием' и казах. *унгы* 'отверстие, куда вставляют ручку, черенок', т.е. втулка орудия труда или втулка копья [Кайдаров, 1986, с. 294]. Причем втулка имеет обыкновенно отверстия для фиксации её гвоздем к древку. Ср. тюрк. *сөнүк* 'кость' = якут. *унуох* 'кость'. Видимо, семантика является реликтом допалеометаллических времен – костяного века, когда оружие делали из заточенных метаподий (трубчатых костей конечностей крупных животных, например, лося). Наблюдаем: *сунуг* > *унуг* > *унуб* > *унуу*. Интересно, что М. Рясänen считает остяк. *сункэ* тюркизмом [Räsänen, 1969, s. 437].

Рогатина

Тайыы 'охотничья рогатина с поперечиной у основания лезвия или обручем'. Ср. эвенк. *тыевун* 'копье, рогатина' [Попов 1986, с. 124]. Вероятно, от якут. *тайыы*. Г.В. Попов метко подметил, что слово произошло от якут. *тайаа* 'опирать, подпирать' = тюрк. *тайа*, *дайа* 'подпирать' [Там же] + *-ыы* 'аффикс имени существительного'. Ср. др.-тюрк. *тайа-* 'прислонять, ставить опору' [ДТС, 1969, с. 527], алт. *тая* 'подпирать' [Пекарский, 1959, стб. 2527], туркм. *даямак* 'подпирать, упирать; прислонять' [Туркм РС, 1968, с. 250], тат. *таяу* 'опирать, опереть, подпирать, прислонить' [Тат РС, 1966, с. 525]. Интересно, что якут. *тайах*, тюрк. *таяк* 'трость; посох' тоже от *тайаа*, *тайа-*.

Пика

Үөрбэ 'трехгранного сечения колющее оружие'. Ср. др.-тюрк. *сүрвэ* 'острый, остроконечный' [ДТС, 1969, с. 519], тюрк. *сүйрү*, *сүври*, *сүрү* 'острый, остроконечный' [Пекарский, 1959, стб. 3152]. Наблюдаем: *сүрвэ* > *үерве* > *үербэ* > *үөрбэ*.

Дьөрбө: *айыы дьөрбөтө* 'чудо-оружие стражей Верхнего мира – божественная пика, убива-

ющая богатырей Среднего и Нижнего миров'. Фонетический вариант: *үөрбэ*. Мы сравниваем с монг. *жирвийх* 'быть узким и ровным' [МОТ, 1957, с. 181].

Пика-пешня

Анньыы 'пешня; применялась в военных столкновениях'. Древние уйгуры называли боевую пика *санчах* [Suvannaprabhasa, 1952, с. 72]. Причём *санчах* образовано от тюрк. глагола *санч* 'колоть, вонзать, втыкать' посредством аффикса *-хах*. Тюрк. *санч* = якут. *ас* 'толкать; втыкать, вонзать, колоть' [СИГТЯ, 1997, с. 568–569]. Наблюдаем: **санчах* > *анчах* > *анчыы* > *анньыы*.

Длинноклинковое оружие. Сабля, ятаган

Кылыс является разновидностью однолезвийного длинноклинкового оружия якутов. В ходе многолетних исследований автором установлено, что *кылыс* представляется оружи-еведами, этнографами, краеведами в виде пяти различных типов: 4 типа палаша и 1 тип ятагана. Перечислим некоторые наиболее интересные мнения, чтобы выявить наиболее точное определение понятия *кылыс*. Оружиевед Ф.Ф. Васильев, приводя примеры метровый длины разновидности длинноклинкового оружия типа *батас* с характерной геометрией клинка, считает его оружием типа *кылыс* [Васильев, 1995, с. 96–98]. На самом деле это *уһун дурба батас* 'длинный массивный меч-батас'. В.Л. Серошевский называет однолезвийный палаш, наиболее характерной для *кылыса* формы, «древним железным мечом *болат*» [Серошевский, 1993, с. 381]. Однако известно по фольклорным материалам, что болот являлся обоюдоострым прямым мечом, но не палашом [Бётлингк, 1990, с. 232; Пекарский, 1959, стб. 494; Räsänen, 1969, p. 387; Попов, 2003, с. 146]. Данный тип оружия Ф.Ф. Васильев также относит к оружию типа *кылыс*, с чем мы согласны [Васильев, 1995, с. 96, 98; Попов, 2018]. В Иркутском краеведческом музее, а также Эгвекинотском и Марковском филиалах музея «Наследие Чукотки» сохранились образцы якутских *кылыс*, аналогичных «*болат*» В.Л. Серошевского, однако с изогнуто-вогнутой формой клинка, как на турецких ятаганах [Нефёдкин, 2017а,

с. 144; 2017б, с. 153]. Ятаганские клинки сходной конструкции назывались у енисейских кыргызов и их потомков хакасов *хылыс* [Бутинаев, 1981, с. 189].

Якутский *кылыс* имеет ряд характерных признаков. Это прежде всего бутылкообразной формы полая рукоять, выемка при переходе от рукояти к лезвию клинка, ятаганной формы изогнутый клинок, характерный двойной орнамент в виде морской волны. То есть якутский традиционный *кылыс* имеет два варианта, образцы которых можно встретить в музеях РФ:

1) палаш с полой рукоятью характерной бутылкообразной формы с многочисленными насечками, имеющий на плоскостях клинка орнамент в виде двойной морской волны;

2) ятаган с полой рукоятью характерной бутылкообразной формы с многочисленными насечками и имеющий на плоскостях клинка орнамент в виде двойной морской волны.

Теперь определимся с названиями.

Якут. *кылыс* > тюрк. **хылыч*: др.-уйг., крх-уйг., ср.-уйг., чаг. *хылыч*, тур. *кыч*, *кылыч*, туркм. *гылыч*, караим. *кылыч*, *кылыс*, казах. *гылыш*, кирг. *гылыч*, алт. *хылыш*, узб. *хылыч*, уйг. *хылыч*, *килич*, шор. *гылыш*, сан., койб. *хылыс*, чув. *хэм* ‘сабля; палаш; ятаган’ [Попов, 2012, с. 173]. Исследователи единодушно считают, что, возможно, слово образовано от *хыл-* ‘делать, изготавливать, создавать’, также это звукоподражание *хыли-хыли*. [Räsänen, 1969, p. 263; ДТС, 1969, с. 442; Пекарский, 1959, стб. 1389; СИГТЯ, 1997, с. 570]. Мы не можем согласиться с этой этимологией с очень далекой семантикой. Мы сравниваем с якут. *кылыа* ‘«волчий зуб», когда у теленка или жеребенка вырастает острый зуб выше остальных’, казах. *кылау* ‘болезнь телят – длинный «волчий зуб», тув. *хылаа* ‘эмаль (зуба)’. Также ср. туркм. *гылав*, якут. *кылаан* ‘лезвие, острие’ [Туркм РС, 1968, с. 230; Попов, 1986, с. 109], связанные, на наш взгляд, с др.-тюрк., тюрк. *хыл*, *кыл* ‘волос’ [ДТС, 1969, с. 442]. В смысле острие настолько тонкое, словно кончик шерстинки, пуха.

Кроме собственно термина *кылыс* в фольклоре используется иногда *саадах*, *саадах кылыс*. Понятие *саадах* ‘налучь, футляр для лука’ общеизвестно. Это слово широко распространено как в тюркских, так и в монгольских языках в формах *саадак*, *садаг*, *садак*, *сабдак*, *сабадак*.

Обратим внимание на четвертое значение этого слова в словаре Э.К. Пекарского, а именно ‘старинное оружие, разновидность батаса’ [Пекарский, 1959, стб. 2022].

Этот вид длинноклинкового оружия типа ятаган находился у всадника рядом с *саадах* (налучем), как собственно и турецкие ятаганы, и русские подсайдашные ножи, которые всадник нередко прикреплял справа от седла у налуча. Мы видим непосредственную связь между турецким *ятаган* и якутским *саадах* (+ -н). В якутском языке тюркское анлаутное *й-* зачастую переходит в *с-* [Попов, 1986, с. 15–31]. Тем более, что турецкие ятаганы делились на *ятаган пчак* ‘короткий ятаган-нож’ и *ятаган кылыч* ‘собственно ятаган’. Согласно устным сведениям краеведов и носителей традиционного кузнечного дела якутов слово *саадах* встречалось чаще в сочетании *саадах кылыс*, т.е. буквально ‘ятаган, находящийся у налуча’. В таком случае якут. *саадах кылыс* вполне объясняет доселе неясную этимологию тур. *ятаган* [Попов, 2018, с. 183–187].

Прямой меч

Болот ‘древний короткий обоюдоострый меч’. Обычно считается заимствованием из монгольских языков: *болуд* ‘сталь, уклад, булат’, видимо, из-за того, что во втором слоге тюрк. *болат* встречается *а*, но якут. *о* во втором слоге двусложных основ закономерно соответствует *а* во втором слоге этих же тюркских основ: якут. *орто* – тюрк. *орта* ‘средний’, якут. *мобох* – тюрк. *бохак* ‘зоб’, якут. *сото* – тюрк. *йота*, *жота* ‘голень’ и т.д. Это же явление наблюдается во втором слоге трехсложных основ: якут. *модьобо* – тюрк. *босаба* ‘порог’, якут. *соборуу*, *собуруу* ‘южный; верхний’ – тюрк. *йокары*, *жобары* ‘верхний’ и т.д. Это явление объясняется более сильным, чем в других тюркских языках, развитием губной гармонии гласных в якутском языке. Кроме того, интенсивные контакты монголов с персами начались только с XIII в., начиная с завоеваний Чингисхана, а в XIII в. предки якутов уже покинули Южную Сибирь, и после XIII в., предположительно, с монголами, обитавшими в центральноазиатских степях и полупустынях, не контактировали. Поэтому в якут. *болот* мы видим закономерное

развитие тюрк. *болат*, *полат*, заимствованного из персидского [Бётлингк, 1990, с. 232; Пекарский, 1959, стб. 494; Kaluzynski, 1961a, p. 122; Räsänen, 1969, s. 387; Рассадин, 1980, с. 68; Попов, 2003, с. 146].

Короткоклинковое оружие. Нож

Якут. *быһах* ‘нож’ от якут. *быс* ‘резать’ + -х ‘аффикс имени существительного. Общетюрк. *быч*, *пыч*, *пыс*, *быс* ‘резать’.

Удабан үөрбэтэ ‘не известный этнографам вид короткоклинкового оружия с Т-образным сечением клинка, находимый в арангасных погребениях Оленька’. См. *үөрбэ*.

Метательный нож

Быыра ‘метательное орудие, которое разными информаторами и в записях фольклористов представляется то метательным ножом или кинжалом, то специальной стрелой, то метательным дротиком’. О.Н. Бётлингк и Э.К. Пекарский сравнивают с монг. *борохан*, *боруба* ‘утолщение из рога на конце стрелы’ [Бётлингк. Словарь, 1990, с. 136; 597; Пекарский, 1959, стб. 620]. М. Ряснен выводит к тунг. *бер* ‘лук’ [Räsänen, 1969, s. 74]. Мы же считаем, что *быыра* связано с якут. *бырах*, гагауз. *брак*, осм. *бырак*, крым.-тат. *бырак*, *бурак*, чув. *парах* ‘бросить, метать’ [Бётлингк. Словарь, 1990, с. 146; Stachowski, 1993, s. 25; Räsänen, 1969, s. 74; Гаг РС, 1973, с. 116; Тур РС, 1977, с. 25; Чув РС, 1982, с. 62].

Ударно-дробящие виды оружия. Палица

Представлена палицей *чомпо сүллүгэс*. Под *чомпо сүллүгэс* понимается палица, дубинка и шестопер с насадной боевой частью. По мнению Ст. Калужинского, якут. *чомпо*, *чомпойук* ‘вид крохаля’ от монгольского [Калужиньски. Этимологические..., с. 46]. Однако, мы приведем др.-тюрк. *чом* ‘нырять’ [ДТС, 1969, с. 153; Попов, 1986, с. 22]. Якут. *чомпо* ‘погружение’ < др.-тюрк. *чом*. Ср. чув. *чам* ‘нырять’ [Чув РС, 1982, с. 414], эвенк. *чампулин* ‘всплеск (рыбы)’ [РЭС, 1948, с. 207] < якут. *чомполун*. Якут. *сүллүгэс* ‘шестопер; дубина’, вероятно, связано с др.-тюрк. *йүли* ‘брить’, *сойул* ‘снимать кожу,

обдирать’ [ДТС, 1969, с. 285, 507]. Сравним с каракалп., казах. *сойыл*, кирг. *сойул*, узб. *суйил*, тув. *суйул* ‘дубинка’ [СИГТЯ, 1997, с. 565], получается ‘погружающаяся (в череп врага) дубина’. **суйул* > *сүүл* + -ү- + -гэс > *сүүлүгэс* > *сүллүгэс*. *Сүүлүгэс~сүллүгэс* – подобно якут. *сүлүкүн~сүүлүкүн~сүллүкүн* ‘водяной дух’.

Боевой молот

Якут. *балта* ‘боевой молот’. В старину вражеских воинов в состоянии боевого транса – *илбис* считалось невозможным зарубить или заколоть клинковым оружием. Таких одержимых воинов оглушали специальным боевым молотом *балта*. Сказочный Говорливый Рассказчик *Сээркээн Сэһэн*, дед верховного божества якутского мифологического пантеона *Үрүҥ Аар Тойона*, обладал таковым молотом, которым мог на смерть поразить любого богатыря. Ср. др.-уйг. *балту*, казах. *балта*, *ай балта*, кирг. *балха* ‘боевая секира, топор’. В якутском языке семантика изменилась.

Лук и стрелы. Лук и защитная пластина

Ох саа ‘лук’. Ср.-уйг., ср.-кыпч., чаг. *йай*, *йа*, др.-уйг. крх.-уйг. *йа*, тур. гагауз., азерб. *йай*, гагауз. *йайы*, туркм. *йай*, кирг. *жаа*, *жа*, уйг. *йа*, тув., тоф., *ча*, чув. *су* [СИГТЯ, 1997, с. 570; ЭСТЯ, 1989, с. 74–75].

Кураахтаах саа ‘лук’. См. *ох саа* и *кураах*.

Чаачар ‘тело лука’. Ст. Калужинский выводит от др.-якут. *саа* + -*чар* [Калужиньски. Этимологические..., с. 39]. Н.К. Антонов также выводит из тюрк. *йа*, *жаа* ‘лук’ [Антонов, 1971, с. 22].

Кирис ‘тетива’. Ср. др.-уйг., др.кыпч., ср.-кыпч., чаг. *кириш*, туркм. *кириш*, тат. *кэрэш*, казах. *кирис*, кирг., алт., тув. *кириш*, чув. *хирлү*, *хирлу* ‘тетива лука’ [СИГТЯ, 1997, с. 578]. Образовано от тюрк. *кир-* ‘входить, погружаться, вступать, присоединяться’ посредством аффикса -*иш* (-*ыс*).

Кураах ‘изогнутые костяные накладки на рогах лука’. *Кураах*: 1) ‘выгиб, изгиб на торцах лука для метания стрел’; 2) ‘выдающаяся оконечность какого-либо предмета, состоящая из двух частей’. Ср. уйг., каракалп. *курал*, кирг. *хурал* ‘оружие’, кирг. *хурах* ‘лоскут; составленный из отдельных кусочков’. Вероятнее связь с кирг.

хурах. Тогда семантика не в изогнутости, рога-ности концов лука, но в сложносоставности ее.

Дансы ‘защитная пластинка из металла или кости, защищающая запястье лучника от удара тетивы’. Ср. с якут. *дан* ‘хватать’, *дан гын* ‘брать (хватать) на ходу, быстро схватывать’ [Пекарский, 1959, стб. 674].

Саадах ‘налучь’. Ср. тюрк. **сабдах*: чагат. *сабдах*, турк. *сабдах*, кар. *сабдах*, кбалк., ккалп., каз. *садах*, кирг., алт. *саадах*, узб. *садох*, уйг. *саабыдах*, сюг. *сабадах*, *сабатах*, тув. *саадах* [СИГТЯ, 1997, с. 567]. М. Рясänen считает *саадах* < монг. *саба-даб* ‘Bogen und Pfeile’, ‘Kocher’ [Räsänen, 1969, p. 393].

Кэхэх ‘колчан’. Ср. тюрк. **кеш*, др.-кыпч. *кеш* ‘колчан’. Дальнейшая этимология неясна. Исследователи сравнивают с тюрк. *кез* ‘стрела’ [СИГТЯ, 1997, с. 566–567]. *Кеш* + *-х* > *кешех* > *кэхэх*.

Рассмотрены семь лексем, имеющих тюркские параллели и корни. Одна из них, вероятно, монгольского происхождения.

Стрелы

Наконечники якутских стрел имеют аналогии на востоке в чжурчжэньских и других тунгусо-маньчжурских наконечниках Дальнего Востока, а на западе – с наконечниками угро-самодийских народов (предков ненцев, энцев и др.) [Степанов 2010].

Понятие стрела в якутском языке обозначено двумя словами – *ох*, *онобос*.

При этом якут. *ох* ‘боевая стрела для стрельбы из лука (бывает с железными и костяными наконечниками различных форм, обязательно имеет оперение, чаще всего из гусиных маховых перьев)’. Ср. др.-тюрк. *ох*, тюрк. *ок* ‘стрела’ [Бётлингк, 1990, с. 447]. Ср. орх-тюрк., др.-уйг., др.-кыпч., ср.-кыпч., чаг. *ох*, ср.-огуз. *ох*, гагауз. *ок*, тур. диал. *ок*, азерб. *ох*, туркм. *ох*, крым.-тат., кбалк., кум., ног. *ох*, тат., башк. *ух*, казах. *вох*, тув. *ох* и т.д. [СИГТЯ, 1997, с. 577–578; ЭСТЯ, 1974, с. 438].

Якут. *онобос* ‘стрела, применяемая, в основном, на охоте (часто на зайцев)’. Ср. тув., тоф. *согун*, хак. *собан*, алт. *согон* ‘стрела (для лука)’ + *-ш* = **собонош* > **обонош* > *онобос* (с метатезой) [Попов, 1986, с. 116]. Ср. также эвенк. *онгохос* ‘стрела с тупым концом’ – якутизм.

Якут. *бахах* ‘наконечник стрелы’. Сравняется с тюрк. *башак* ‘колос; головка; наконечник стрелы’, которое возводится к тюрк. *бас* ‘голова’ + *-ах* (уменьшительный аффикс). Обычно при разборе тюрк. *башак* якут. *бахах* не приводят [Радлов, 1963, с. 1551; Исхаков, 1962, с. 45; Егоров, 1964, с. 169–170; Räsänen, 1969, s. 64; Дмитриева, 1979, с. 185; Бирюкович, 1979, с. 103; Калужински, Этимологические..., с. 73; Левитская, 1976, с. 142].

Якут. *маалтаар ох* ‘стрела с тупым наконечником, предназначенная для добычи белок, не повреждая шкуры, томар’. О.Н. Бётлингк сравнил с письм.-монг. *мобулчар* ‘пригупленный, без острия’ [Бётлингк, 1990, с. 611], а Г.В. Попов с якут. *малтай* ‘иметь весьма широкое и жирное лицо’ < бур. *балдай* ‘становиться толстым, толстеть, тучнеть’ [Попов, 1986, с. 113]. Обе параллели верны и подходят к двум разным фонетическим формам – *малтаар* и *маалтаар*.

Кустук ‘срезень с топорovidной рабочей частью’. Ср. хак. фольк. *хоста* ‘волшебная стрела’ + *ох* ‘стрела’, туба кизи *kosty-ok* ‘радуга’ [Хак РС, 1956, с. 289; Räsänen, 1969, s. 283; Попов, 2012, с. 167].

Уостаах ох ‘срезень с V-образной вильчатой боевой частью’. Якут. *уос* ‘губы’, ДТС *абаз*, *абыз*, тат. *авыз*, уйг. *ебиз*, туркм. *агыз*, кум. *авуз*, алт. *оос* ‘рот, уста’ [ДТС, 1969, с. 17, 21; Тат РС, 1966, с. 19; Уйг РС, 1968, с. 147; Туркм РС, 1968, с. 24; Бётлингк. Словарь, 1990, с. 41; Пекарский, 1959, стб. 3047; Кум РС, 1969, с. 26].

Уостаах (муостаах) быыра ‘разновидность вильчатого срезня с жалами на кончиках вилок’. См. *быыра*, *уостаах* выше.

Муостаах ох ‘рогач – вильчатый стрезень’. Ср. др.-тюрк. *мүйүз*, *мүбүз*, тат. *мөгез*, уйг. *мүбүз*, [Бётлингк, 1990, с. 614; Бётлингк. Словарь, 1990, с. 150; ДТС, 1969, с. 352, 354; ТатРС, 1966, с. 389; УйгРС, 1968, с. 719; Räsänen, 1969, s. 347].

Сулумах ох ‘классический листообразный железный наконечник’. От якут. *сулуй* ‘обдирать, снимать; узнавать щупанием’ [Пекарский, 1959, стб. 2332]. Ср. ДТС *йул* ‘отнимать, захватывать’ [ДТС, 1969, с. 277], уйг. *сүлмэк* ‘отделять мясо от костей’ [Уйг РС, 1968, с. 526], кирг. *шылы* ‘обдирать, отделять мясо от костей; сре-

зять, отсекают наискось' [Кирг РС, 1965, с. 919]. Стрела с *судумах ох* заточена по всему телу боевой части, это как будто миниатюрный обоюдоострый кинжал, который при попадании в тело врага глубоко вонзается и парализует его. Ведь с такой стрелой в теле любое телесное движение наносит дополнительные внутренние раны острозаточенным наконечником стрелы. Как нам кажется, уйг. *сүлмэк* и является наиболее близкой параллелью.

Сылбарба (*сылбырба*) *ох* 'асимметрично-ромбический железный наконечник'. От якут. *сылбый* 'тончать телом' [Пекарский, 1959, стб. 2445]. Ср. казах. *шилбий* 'становиться сухошавым' [Казах РС, 1954, с. 402]. Здесь имеются в виду вытянутость и сужение боевой части к кончику. Также возможно имеется связь с *сылба* 'могучесть, мощь, сила' [Пекарский, 1959, стб. 2444].

Адыр 'железный квадратного сечения томар с Х-образным боевым торцом'. В данном наконечнике боевая часть состоит, как бы из четырех холмиков, расположенных крестообразно. Потому мы сравниваем с узб. *адар* 'холмы, холмистая местность, холмистая степь' [Узб РС, 1959, с. 4].

Сардаан (*сардаана*) *ох* 'железный или костяной томар с тремя или четырьмя выемками, образующими Х-образный торец; в отличие от *адыр*, боевой торец *сардаан ох* гораздо больше'. Название, вероятно, дано из-за схожести наконечника с бутоном цветка лилии: монг. *сараана* 'лилия тонколистная' [МОТ, 1957, с. 350]. Видимо, восходит к к ДТС *йарун* 'заря' [ДТС, 1969, 244], тюрк. *йарух* 'свет' [Антонов, 1971, с. 10].

Уостаах сэлэмэ бритвенноострый вильчатый железный наконечник'. См. *уостаах*. Видимо, ср. бур. *хула* 'недостаточно сильный'?

Чопчу быыра 'шестигранный броневой железный наконечник'. *Быыра* 'метательное орудие, которое разными информаторами и в записях фольклористов представляется то метательным ножом или кинжалом, то специальной стрелой, то метательным дротиком'. О.Н. Бётлингк и Э.К. Пекарский сравнивают с монг. *борухан*, *боруба* 'утолщение из рога на конце стрелы' [Бётлингк. Словарь, 1990, с. 136; Бётлингк, 1990, с. 597; Пекарский, 1959, стб. 620]. М. Ряснен выводит к тунг. *бер* 'лук' [Räsänen, 1969, с. 74]. Мы же считаем, что *быыра* связано с якут.

бырах, гагауз. *брак*, осм. *бырак*, крым.-тат. *бырак*, *бурак*, чув. *парах* 'бросить, метать' [Бётлингк. Словарь, 1990, с. 146; Stachowski, 1993, s. 25; Räsänen, 1969, s. 74; Гаг РС, 1973, с. 116; Тур РС, 1977, с. 25; Чув РС, 1982, с. 62]. Ср. тюрк. *допиу* 'сосок'.

Бүргэс ох 'трехгранный узкий броневой наконечник стрелы, насаживаемый на массивный томар'. Ср. каракалп. *биз* 'шило' [Каракалп РС, 1958, с. 104], бур. *бургы* 'сверло' [БРС, 1973, с. 573], бур. *бур* 'вертеть' [Хабичев, 1989, с. 56, 67; Stachowski, 1993, s. 64]. Как видим, фонетически слово монгольское, а семантика сохранилась тюркская.

Бэттиэмэ ох 'лопатообразный железный срезень'. Якут. *бэттиэмэ* 'луговой мятлик' ср. кирг. *бетеге* [Кирг РС, 1965, с. 132], казах. *бетеге* [Казах РС, 1954, с. 92] 'перистый ковыль'. Н.К. Антонов тоже приводит тюркские параллели [Антонов, 1971, с. 21].

Ытарбалаах быыра 'подтреугольной формы стрела с двумя жалами'. Ср. туркм. *ысырга*, узб. *исирбэ* 'серьга, серьги' [Туркм РС, 1968, с. 773; Узб РС, 1959, с. 186; Радлов, 1963, с. 1398; Räsänen, 1969, s. 167, 419].

Уостаах кустук 'железный наконечник в виде 1/3 луны'. Якут. *уос* 'губы', ДТС *абаз*, *абыз*, тат. *авыз*, уйг. *ебиз*, туркм. *агыз*, кум. *авуз* [ДТС, 1969, с. 17, 21; Тат РС, 1966, с. 19; Уйг РС, 1968, с. 147; Туркм РС, 1968, с. 24; Бётлингк. Словарь, 1990, с. 41; Пекарский, 1959, стб. 3047; Кум РС, 1969, с. 26; Ср. хак. фольк. *хоста* 'волшебная стрела', туба киж. *kosty-ok* 'радуга' [Хак РС, 1956, с. 289; Räsänen, 1969, s. 283; Попов, 2012, с. 167].

Уостаах тэлээн 'железный наконечник в виде 1/3 луны'. Якут. *уос* 'губы', ДТС *абаз*, *абыз*, тат. *авыз*, уйг. *ебиз*, туркм. *агыз*, кум. *авуз*, алт. *оос* 'рот, уста' [ДТС, 1969, с. 17, 21; Тат РС, 1966, с. 19; Уйг РС, 1968, с. 147; Туркм РС, 1968, с. 24; Бётлингк. Словарь, 1990, с. 41; Пекарский, 1956, стб. 3047; Кум РС, 1969, с. 26]. Якут. *тэлээн* сравнимо с якут. *тэлэй* 'открывать, раскрывать', *тэл* 'резать, разрезать вдоль' [Пекарский, 1959, стб. 2621, 2620] < монг. *тэлэх* 'расширять, растягивать' [МОТ, 1957, с. 438] < ДТС, тюрк. *тел*, *тэл* 'дырывать, пробивать; разрезать' [ДТС, 1969, с. 550, 560]. *Тэл* + -ээ + -н.

Ухуктаах муос онобос 'костяной сардаан ох с шипом'. См. соответствующие слова.

Бастаах кустук ‘срезень с выпуклой рабочей частью’. Ср. тюрк. *баслык* ‘имеющий голову, головку’ < тюрк. *бас* ‘голова’.

Түүлээх ох ‘узкий удлиненный листовидный железный наконечник стрелы’. Ср. др.-тюрк., тюрк. *түг, дүг* ‘волос, волосы; шерсть’.

Тимир ох ‘всякий железный наконечник стрелы’. Ср. общетюрк. *демир* ‘железо’.

Ырба ‘стрела-вилка; обыкновенно для само-стрела *айа*’. Ср. др.-тюрк. *йар* ‘рассекать’ [Попов, 1986, с. 136].

Харабалаах кустук ‘вильчатый железный наконечник с дополнительным полумесяцем, насаженным поперек плоскости основной части; у усть-янских якутов’. Ср. якут. *хараба* ‘кляпик, чекушка, застежка; засов’ [Пекарский, 1959, стб. 3333], орд. *гараха* ‘кольцо, звено, серьга’ [Kaluzynski, 1961a, s. 142].

Ытарбалаах кустук ‘вильчатый железный наконечник с жалами позади; М-образной формы’. Ср. туркм. *ысырга*, узб. *исирбэ* ‘серьга, серьги’ [Туркм РС, 1968, с. 773; Узб РС, 1959, с. 186; Радлов, 1963, с. 1398; Räsänen, 1969, s. 167, 419].

Одур онобос ‘стрела с цельновырезанным бочкообразным навершием; может служить томаром, либо переходником к насадному наконечнику’. Окающий вариант *адыр* (см.).

Бишлээн ‘плоский листообразный наконечник из металла’. Ср. якут. *биш* [Пекарский, 1959, стб. 452], ДТС *би*, уйг. *бис* ‘лезвие’ [ДТС, 1969, с. 97; ЭСТЯ, 1979, с. 130–131; Räsänen, 1969, s. 75; Уйг РС, 1968, с. 232]. Наблюдаем: *биш* + *-лээ* (аффикс глагола) = *бишлээ* ‘делать острым; выводить ковкой лезвие ножа; точить лезвие’ + *-н* (аффикс имени существительного) = *бишлээн* ‘острозаточенный наконечник стрелы’.

Мөнгүрүүөн ‘шестигранный бронебойный железный наконечник стрелы’. Возможно, информаторы А.А. Саввина ошиблись. Ведь якут. *мөнгүрүүөн* ‘довольно большой, крупный, огромный толстый’ [Пекарский, 1959, стб. 1612] < бур. *мөнгөрүн, мухэрээн, мухэрөөн* ‘круглый, шаровидный, округло-шаровидный; шар’ [БРС, 1973, с. 309; Пекарский, 1959, стб. 1601; Титов, 1926, с. 95]. Видимо, речь идет о стреле с утолщением на конце, по типу круглого томара, но вовсе не о шестигранном бронебойном наконечнике стрелы.

Моолчоор ох ‘обыкновенный томар; то же самое, что *маалтаар ох*’. Казалось бы это фонети-

ческий вариант *маалтаар ох*. Но нет. Мы ср. монг. *монцог* ‘бунчук’, *монцгор* ‘кусок, комок’ [МОТ, 1957, с. 242].

Ишиирэр ох ‘свистящая стрела; имеет костяной или бронзовый переходник между древком стрелы и наконечником, снабжен отверстиями, в силу которых в полете свистит’. Ср. ДТС *сыхыр* ‘свистеть’ [ДТС, 1969, с. 505; Попов, 1976 (3), с. 37], тюрк. *искир* ‘свистеть’ [Тенишев, 1990, с. 72].

Брыалаах ох ‘то же самое, что *ишиирэр ох*’. Ср. ДТС *ыр*, кирг. *жыр*, кум. *йыр, сарын* ‘песня’ [Räsänen, 1969, s. 166, 201; Пекарский, 1959, стб. 3823; ДТС, 1969, с. 219, 268; Кум РС, 1969, с. 160, 279].

Дьизэрбэнг ох ‘разновидность бронебойного наконечника стрелы’. Мы сравниваем с монг. *жирвийх* ‘быть узким и ровным’ [МОТ, 1957, с. 181] > якут. *дьэрбэй, дьизэрбэй* ‘вытягиваться’ [Пекарский, 1959, стб. 813] + *-н* (аффикс имени существительного).

Рассмотрены 31 лексема из которых 21 лексема имеет тюркские параллели, 10 – монгольские. Из них общие параллели имеют 7 лексем.

Заключение

В результате междисциплинарного взаимодействия на стыке компаративистики и этнографии удалось не только впервые столь подробно исследовать традиционную оружейведческую лексику якутов, провести параллели с родственными и неродственными языками, установить определенные древние связи, но и конкретизировать толкование тех или иных видов холодного оружия. Порой посмотреть свежим взглядом на давно устоявшиеся ошибочные представления в описании того или иного вида оружия, а также ввести в оборот новые, не учтенные прошлыми исследователями названия. Так, например, ранее *кылыс* считался длинным *батас*, однако нам удалось установить, что оный вид длинноклинкового оружия имеет S-образно изогнутый клинок и относится к типу ятаганов (клинков с вогнутым лезвием).

Оружие ближнего боя представлено следующими словами: *кылыс* ‘палаш и ятаган – в нескольких разновидностях’, *батас* ‘большая пальма с прямолинейно-угловатым абрисом клинка’, *батыйа* ‘средняя пальма с брюшистым

абрисом лезвия', *хотокоон* 'леворучная небольшая пальма с короткой рукоятью', *унүү* 'копье', *тайыы* 'рогатина', *үөрбэ* 'Т-образного сечения кинжал', *чомпо сүллүгэс* 'шестопёр', *быыра* 'дротик' etc. Всего 21 лексема, включая разновидности и описания вышеназванных видов холодного оружия.

В ходе статистического исследования выявлено, что 48% рассмотренной лексико-семантической группы относится к тюркскому пласту, 34% – монгольскому и 18% – тунгусо-маньчжурскому. В этимологиях нашли отражение и иноязычные параллели, опосредованно проникавшие в якутскую культуру и язык.

В статье рассмотрены более 30 названий, относящихся к разновидностям и конструктивным частям лука и стрел, состоящих в основном из двух слов. Проанализированы 39 лексем, из которых 28 лексем имеют тюркские параллели, 11 – монгольские. Из них общие параллели имеют 8 лексем.

В ходе статистического исследования выявлено, что 68% рассмотренной лексико-семантической группы относится к тюркскому пласту, 32% – монгольскому, тунгусо-маньчжурских и иных параллелей не выявлено. В результате междисциплинарного взаимодействия на стыке компаративистики и этнографии удалось не только впервые столь подробно исследовать традиционную оружейведческую лексику якутов, провести параллели с родственными и неродственными языками, установить определенные древние связи, но и конкретизировать толкование тех или иных видов холодного оружия.

Таким образом, проведённое исследование стало еще одним небольшим шагом к познанию одной из самых неразработанных областей этнографии – военной материальной культуры одного из сибирских народов – якутов.

Литература

- Антонов Н.К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1971. – 176 с.
- Антонов Н.К.* О якутских металлургических терминах // Полярная звезда. – 1977. – № 6. – С. 108–109.
- Башк РС* – Башкирско-русский словарь. – М., 1958. – 804 с.
- Бётлингк О.Н.* О языке якутов. – Новосибирск, 1990. – 646 с.
- Бирюкович Р.М.* Звуковой строй чулымско-тюркского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1979. – 202 с.
- БРС* – Бурятско-русский словарь. – М.: Наука, 1973. – 803 с.
- Бутанаев В.Я.* Вооружение и военное дело хакасов в позднем Средневековье // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – 230 с.
- Васильев Ф.Ф.* Военное дело якутов. – Якутск, 1995. – 224 с.
- Гаг РС* – Гагаузско-русско-молдавский словарь. – М., 1973. – 665 с.
- Даль* – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – 2-е изд.: в 4 т. – Т. I – СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. – 808 с.
- Дмитриева Л.В.* Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л.: Наука, 1979. – С. 135–191.
- ДТС* – Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 677 с.
- Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964. – 356 с.
- Зыков Ф.М.* Традиционные орудия труда якутов (XIX – начало XX века). – Новосибирск: Наука, 1989. – 144 с.
- Исхаков Ф.Г.* Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. 4. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 5–58.
- Казах РС* – Казахско-русский словарь. – М., 1954. – 574 с.
- Кайдаров А. Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке – Алма-Ата: Наука, 1986. – 326 с.
- Калужинский Ст.* Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Тр. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Вып. 3 (8). – Якутск, 1961а. – С. 5–21.
- Калужинский Ст.* Исследования по морфологии якутского языка (I) // Rocznik Orientalistyczny. – Т. 31. – Z. 2 – P. 107–119.
- Калужинский Ст.* Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (I–VIII) // Rocznik Orientalistyczny. – Т. 39. – Z. 2.
- Каракалп РС* – Каракалпакско-русский словарь. – М., 1958. – 892 с.
- Кирг РС* – Киргизско-русский словарь. – М., 1965. – 503 с.
- Кум РС* – Кумыкско-русский словарь. – М., 1969. – 408 с.
- Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. – М.: Наука, 1976. – 206 с.

- Малов С.Е.* Заметки о каракалпакском языке. – Нукус: Каракалпакия, 1966. – 46 с.
- МОТ* – Монгол-орос толь. – М., 1957. – 716 с.
- Нефёдкин А.К.* Военная культура чукчей (Середина XVIII – середина XIX в.). – СПб.: Лема, 2017а. – 456 с.
- Нефёдкин А.К.* Военное дело чукчей. Первая иллюстрированная книга. – М.: Яуза, 2017б. – 496 с.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. – 2-е изд. (фотомех.). – М., 1959. – 3858 стб.
- Попов В.Г.* К этимологии названий якутского традиционного длинноклинкового вида холодного оружия типа ятагана // Сборник научных докладов научно-практической конференции «Языковое разнообразие народов Якутии», посвящ. д.ф.н. Е.И. Коркиной. Электронная публикация. – Якутск: ИГИ-иПМНС СО РАН, 2018. – С. 183–187.
- Попов В.Г.* Лексика якутской мифологии в сравнительном плане. Индивидуальная НИР 2001–2003 гг., отдел грамматики и диалектологии якутского языка ИГИ АН РС (Я). – Якутск, 2003 (на правах рукописи). – 234 с.
- Попов В.Г.* Этимологический словарь якутского языка. – Ч. II. Буквы И-Л. – Якутск, 2012 (на правах рукописи). – 240 с.
- Попов В.Г.* Якутская батыя // Мир оружия: истории, герои, коллекции: матер. Междунар. науч.-практ. конф. 22–23 октября 2015 г. – Тула, 2015. – 352. – С. 105–112.
- Попов Г.В.* Слова «неизвестного происхождения» якутского языка: Сравнительно-историческое исследование. – Якутск, 1986. – 148 с.
- Попов Г.В.* Этимологический словарь якутского языка. – Ч. I. – Буквы А-Дь. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с.
- Радлов.* – Опыт словаря тюркских наречий. Т. II–IV. – 2-е изд. – М., 1963. – 2204 с.
- Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ, 1971. – 251 с.
- Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 116 с.
- РЭС* – Русско-эвенкийский словарь. – М., 1948. – 332 с.
- Саввин А.А.* Вооружение древних якутов // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. А.А. Саввина. Оп. 12. Д. 18. Л. 1–93.
- Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М., 1993. – 736 с.
- СИГТЯ* – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М., 1997. – 800 с.
- Степанов А.Д.* Дюпсинское погребение раннего железного века в Центральной Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1 (41). – С. 32–36.
- Тат РС* – Татарско-русский словарь. – М., 1966. – 866 с.
- Тенишев Э.П.* Уйгурский диалектный словарь. – М., 1990.
- Титов Е.И.* Тунгусско-русский словарь. – Иркутск, 1926. – 46 с.
- ТМС I* – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. – Л., 1975. – 672 с.
- ТМС II* – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. II. – Л., 1977. – 992 с.
- Тур РС* – Турецко-русский словарь. – М., 1977. – 967 с.
- Туркм РС* – Туркменско-русский словарь. – М., 1968. – 832 с.
- Узб РС* – Узбекско-русский словарь. – М., 1959. – 839 с.
- Уйг РС* – Уйгурско-русский словарь. – М., 1968. – 828 с.
- Хабичев М.А.* Именное словообразование и формообразование в куманских языках. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1989. – 218 с.
- Хак РС* – Хакасско-русский словарь. – М.: Наука, 1956. – 487 с.
- Чув РС* – Чувашско-русский словарь. – М., 1982. – 712 с.
- Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 276 с.
- ЭСТЯ* – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – Т. II. – М.: Наука, 1979. – 349 с.
- Gabain A.* Von Altürkische Grammatik. – Leipzig, 1950. – 357 p.
- Kaluzynsky St.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. – Warszawa, 1961b. – 245 s.
- Kaluzynski St.* Jakutische Wortforschungen. Einsilbige Stämme // CAJ. 1962. – Vol. 7 – N 3 (8) – P. 2–4.
- Kaluzynski St.* Einige jakutischen Etymologien // Studia Orientalia Edited by the Finnish Oriental Society Off-print from. Vol. 47. – Helsinki, 1977 – P. 121–130.
- Kaluzynski St.* Einige Tungusische Lehnwörter in Jakutischen // Acta Orientalia: Academiae Scientiarum Hungaricae. – T. 36 – fasc. 1–3. – 1963. – С. 261–269.
- Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Türkisprachen. – Helsinki, 1969. – 533 + 136 s.
- Stachowski Marek.* Geschichte des jakutischen Vokalismus. – Krakow, 1993. – 208 s.
- Suvarnaprabhasa* («Сутра золотого блеска») // Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. – М.; Л., 1952. – С. 145, 187.

V.G. Popov

The Names of Ancient Yakut Edged Weapons as an Object of Comparative Research

The article deals with the part of the thematic group “vocabulary of military material culture of the Yakuts”, namely “offensive edged weapons”. In this article, attention is paid to the comparative analysis of the lexemes denoting the traditional Yakut throwing weapons. The results of a comparative analysis of the frontal sample of lexemes on the desired topic are presented. The question of definition of these or those sources of lexemes is brought up. Special attention is paid to a comparative method. Etymological constructions are whenever possible given. The novelty of a research seems that within one article the frontal comparative research of lexicon relating to bladed and throwing types of cold weapon is conducted. It is considered that lexicon of Yakut in the comparative-historical relation is studied rather well. O.N. Betlink, G. Vambery, V.V. Radlov, E.K. Pekarsky, L.N. Kharitonov, E.I. Ubryatova, N.K. Antonov, G.V. Popov and others worked on this problem. However, separate theme groups of the Yakut lexicon still in comparative-historical and comparative plans are studied far not enough. Lexicon of traditional military culture of the Yakut people, including, in particular, lexicon of bladed and throwing edged weapons belong to such groups of the Yakut lexicon, for example. The relevance of a research consists in it. Definitions and interpretation of a subject of discussion – names of traditional throwing edged weapons are given. The author stops on the analysis of names of types and components of throwing weapon of ancient Yakuts. Classification of types of cold weapon is offered that it is reflected in structure of article. The author's etymology of the studied lexemes is presented. Experience of long-term work of the author on a subject is described.

Keywords: etymology, comparative, analysis, Turkic, Mongolian, Tungus-Manchurian, weapon studies, weapons, throwing, blade, bow, bowstring.

С.Е. Карманова (Ноева)

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.015.
УДК 821.512.157

«Выросшие из земли»: маскулинные / феминные роли персонажей в якутском хронотопе

В пределах данной статьи в контексте геопоэтического дискурса нами интерпретируются проблема маскулинности / феминности персонажей в романах В.С. Соловьева-Болот Боотура и В.С. Яковлева-Далана и ее реализация в пространстве города / села, которое рассматривается нами в качестве экзистенциальной границы человека. Как нам кажется, актуализация решения динамики ментального ландшафта в литературе создает необходимость обращения к новым методологическим проблемам, которые являются перспективами культурной антропологии XXI в. С целью выявления принципов анализа создана понятийная база по анализу якутского хронотопа, состоящая из бинарных образов неба / города и земли / аласа, границы (реки Лены), промежуточных топосов (городских улиц, дороги-пути), персонажей якутского тюелбэ («земельные» мужские образы, «воздушные» женские образы, фигура человеко-быка) и др.

Ключевые слова: геопоэтика, аласный хронотоп, образ земли, город, маскулинность, эволюция героя.

Будучи формой национальной художественной мысли, возникшей локально на Севере как автономная реальность, которая имеет совершенно оригинальные генетические, историко-культурные, поэтические параметры, «якутский» текст представляет собой художественную монолитность сложного структурного уровня, где включены в единое целое ландшафтные характеристики, образы природы, роль и место человека, и, конечно же, весь ментальный образ мира народа саха, которые в совокупности воспроизводятся через индивидуально-авторское, субъективно-личностное «Я» автора-якута, носителя национального самосо-

знания. И потому якутский локальный текст как единая художественно-культурная система вполне может претендовать на самодостаточность своей специфичностью на фоне других локальных текстов. В контексте северного геопоэтического дискурса наиболее целесообразно выделение темы отношений человека и родной земли. Проблема города / села, играющая определяющую роль в обозначении границ и рубежей ментального ландшафта, выступает в качестве одного из главных аспектов, структурирующих «якутский» текст, без которого невозможно построить целостную геопоэтическую картину якутского мира.

© Карманова (Ноева) С.Е., 2019

Актуализация путей решения проблемы человека в современной национальной литературе создает необходимость обращения к новым методологическим проблемам, которые являются перспективами культурной антропологии XXI в. На широкие возможности методологического подхода, предпринятого в данной статье, указывает все более расширяющийся интерес специалистов к теме геопоэтического в рамках литературоведческих, социологических, философских, этнографических исследований.

Творчество романистов В.С. Соловьева-Болот Боотура и В.С. Яковлева-Далана занимает особое место в якутской литературе. Геопоэтические образы, отраженные в их творчестве, наполняются новым фундаментальным содержанием в якутской романистике XX в. и выражают обновленный взгляд на проблему отношений человека и мира.

В пространственно-временной структуре романа-трилогии **В.С. Соловьева-Болот Боотура «Уһуктуу»** («Пробуждение», 1975–1987) можно выделить единую картину эволюции хронопоэтического сознания автора, в которой художественная реализация концепта «земля» получила новый характер – через маскулинные и феминные роли персонажей якутского туюлба.

Романы Болот Боотура отличает особое отношение к миру: а именно, к историко-культурным преобразованиям земли как базиса, определяющего мироощущение человека. Произведение посвящено отображению картин исторической действительности народа саха: условия жизни, быт, природное окружение, ландшафт определяют уникальные ментальные характеристики национального мира в период духовного перелома общества начала XX в.

В контексте якутского аласного хронопоэма весьма интересным становится осмысление и раскрытие метафорических образов концепта земли, позволяющих выявить специфику отношений человека-якута и мира. Восприятие глубины пространства осознается героем, когда он близок к земле, родному пространству. То есть характеристика окружающего мира вступает в прямую аналогию с внутренним миром человека, раскрытие которого является одной из авторских позиций. В этой связи уместно рассмотреть аспект отношения романских персонажей к земле.

Обнаруживает сильную знаковость деятельность, связанная так или иначе с землей: пахотные работы, сев, жатву можно трактовать как рождение, расцвет жизни. Отчетливо эти понятия воспроизведены через образы народа, наиболее близкие, как нам кажется, к земле.

В системе персонажей произведения центральное место занимает Даллакынов Николай-Иничит Ньюкулай, выступающий в качестве носителя эстетического идеала народа саха. Как мы отметили, прикрепленность, связь с землей являются индикатором избранничества, некоей внутренней силы персонажа, глубины, широты, простора его души. Герой, близкий к земле, наделен особым даром, ему передается животворящая сила земли. Иничит Ньюкулай, его жена Огдооччуйа, их сын Силис Куонаан (обратите внимание на «говорящее» имя Силис – досл. 'корень') представляют героев, наделенных хтоническими чертами. Через образы Ньюкулая, который может самостоятельно добыть, выплавить железную руду, обладает навыком изготовления посуды из меди, дерева, и его жены, матери большого семейства Огдооччуйи, мастерицы-гончарницы, ратифицируется понятие личности творца. Атрибуты, используемые ими, – железо, глина, дерево, береста, т.е. материалы, добываемые из лона земли, – олицетворяют земляное начало. Следует отметить, что в культуре народа саха гончарное дело занимает особое значимое место в комплексе сакральных ремесел и магических искусств наряду с шаманизмом и кузнечеством.

Как мастер кузнечного, гончарного дела, а также как талантливый певец, олонхосут, приобщенный к сакральному миру, Ньюкулай наиболее близок к создающему началу, что приближает данный образ к разряду культурного героя-демиурга.

Как подметил Ю.М. Лотман, «поведение персонажей в значительной мере связано с пространством, в котором они находятся, и, переходя из одного пространства в другое, человек деформируется по его законам» [Лотман, 1988, с. 278]. Так и понятие географического пространства получает различные контуры в зависимости от координат мира, менталитета народа, обживающего данную территорию.

Стоит обратить внимание и на функционирование бинарных позиций в отношении гендер-

ных ролей персонажей. Мужчины-персонажи в романе есть образы, в буквальном смысле «выросшие из земли». Они ассоциируются с неизменностью, мощью, силой, что присуще матери-земле, и могут являться ее персонификациями. Мужской сильной статуальностью наделены Томороон Ньукулай, Силис Куонаан, Сомофоллой Бүөтүр, Боһомо кулуба, Суон Бүөтүр, Сабардам Тэрэнтэй и др. В данном контексте интересны морфолого-семантические наблюдения над соотношениями имен, в которых закодированы монолитность, мощь, сила земли как первичной материи. Например, имена персонажей определяются так: **Боһомо** – «Ордук бөдөн, улахан, толору көстүүлээх» '*Особенно крупный, большой, видный*' или: '*большими кусками, глыбами, или: в большие куски, глыбы*'; **Сомофоллой** – от сомофо «арахсыспака, бытарыйбакка, бүтүннүү кэлим сылдыар (туох эмэ модьуну, кэлимсэни этэргэ)» '*цельный, неотделимый, нераздельный*' (о чем-л. крупном)); **Сабардам** – «туох эмэ улаханлык (устатынан, туоратынан уонна үрдүгүнэн бүтүннүү) сабардыыр кээмэйэ, тилэри киэбэ», от сабардаа – «киэн сири (улахан миэстэни) ыл, былдыаа» '*занимать собой много места, большую площадь, территорию*' [Большой толковый..., 2011].

Номинации персонажей с семантической нагрузкой «мощь» переводятся так: **Суон** – «туоратык төгүрүччү мээрэйинэн улахан» '*толстый*', «сүдү, сүнгэн, улахан» '*огромный, значительный*' [Большой толковый..., 2012]; **Томороон** – «модороон, салаг оноһуулаах» '*простой, лишенный изящества, топорный*', «нарына суох, улахан» '*грубый*', «модьу, толуу» '*большого размера, внушительный*' [Большой толковый..., 2013].

Номинативная конструкция **Силис Куонаан** (с як. «силис» 'корень'), где слово *корень* несет в своей основе значение укорененности (исконности, подлинности), представляет истинную сущность человека, хранящего многовековую культуру, быт, сознание своего народа. Этому персонажу в повествовании дается довольно красноречивая характеристика:

«Этэ-хаана ситэн, уңуобунан намыһах собуһун иһин, сиргэ чинник тирэнэн, үлэли тугарын көрдөххө, кырдык, киһи хараба туолар кизптээх. Чэ, этэнгэ сырыттабына харытыннан иттэр киһи буолаа ини. Оҕом “Силис” си-

лис курдук, сиригэр-буоругар көмүллэн, сиртэн ылар сиигиттэн-симэһиниттэн туһаммакка, атыттар умнастарын улаатыннара, лабааларын соното, сэбирдэхтэрин силигилэтэ, мутуктарын мунутата сылдыах бэйэтэ буоллаба...» [Соловьев-Болот Боотур, 1975, с. 25].

Понятия мощи, силы могут быть употреблены и по отношению к таким персонажам якутского түөлбэ, как Лис Бүөтүр, Үскэм Өлөксөй, Тайҕа Батараак.

Женщина занимает особое место в иерархии романских образов. В противоположность монументальности мужчин почти все персонажи женского пола в романе неуправляемы, непостижимы, независимы, сильны, эротизированы, хтоничны и могут предстать в аналогии со стихийным началом (воздух, ветер, огонь), а также луной. Ассоциация образа женщины со стихией огня может отсылать к культу богини-матери Умай и древним воззрениям о женщине-духе огня, получившим широкое распространение у многих народов Сибири [Алексеев, 1980; Данилова, 2011; Дыренкова, 1927; Токарев, 1964].

Здесь также можно усмотреть параллель с сюжетной линией женщины-удаганки. Частое использование ее образа в фольклорно-мифологических источниках было отмечено еще в наблюдениях Г.У. Эргиса [Эргис, 2008, с. 206]. Так, к inferнальным образам, в какой-то мере наделенным чертами удаганства, относятся образы Евдокии Кырбыдановой и, конечно же, удаганок Дыгыяа и Марии. Удаганские черты свойственны и другому женскому персонажу – Бианче (от нанайского Ый Кыһа 'дочь луны' как часть стихии неба, бинарно противопоставленная началу земли), возлюбленной Тайги Батрака, про которую в народе идет молва как о сильной удаганке Бэрт Бэйээнче. Как видим, женщины с сильным характером изображаются в романе-трилогии в образах удаганок, женщин-лидеров, обольстительниц, женщин иной национальности. Это татарка Фатихатта, соблазняющая Григория Тумару, госпожа Агриппина Кушнарера, умеющая талантливо управлять как торговлей, так и мужчинами, горожанка Екатерина Саввишна и др. Они, как ни странно, не соответствуют образу типичной якутской женщины XIX–XX вв.

Женщина — потенциально сильный, самодостаточный образ, регулирующий идейную на-

правленность произведения. В этом случае включенное в проекцию текста повествование о девушке-удаганке Болугур Айыгыта усиливает смысловую одномерность романа: данный нарратив, подчеркивающий редкий доминантный характер, неподчинение женщины законам общества, поддерживает идейный алгоритм женских романских характеров. Ее история в какой-то мере является протосюжетом основной сюжетной конструкции — судьбы Евдокии.

Инфернальности Евдокии Кырбийдановой, в народе именуемой как Дьэллэм Дьэбдьэй («дьэллэм» — досл. пер. с якут. яз. — 'общительный, с открытой, щедрой душой'), сопутствует, как следует из текста, особая стихийность: данный образ имеет прямую ассоциацию с мотивом огня, т.е. с понятием тревоги, паники, беспорядка, хаоса (вспомним сновидение Терентия Сабардама, которое создает прямую аналогию Евдокии с образом огня):

«*Туох муода түүлэй? Бэйи, хайдах-хайдах этэй? Туоллана хотонноох балаҕаныгар баарга дылы. Иннигэр Дьэбдьэй Кырбийдаанаба турар. Кыһыһыбыт көрүнгээх, тымныытык батары көрөр, кытаанахтык чангыначчы сангарар: “Хотон тымныйда, киһилин-сүөһүлүүн бары тонгон өлөөрү гынныбыт, сылытыахха”, — диир, эргиллэ биэрээт, сыгыннах илиитинэн оһохтон икки умайа турар хардаҕаһы харбаан ылар уонна хотон диэки дьулуруйар. Оһонньор хаһыра түһэр: “Туох буоллун, иирдин дуо?!” диэт, экирэтэн баты-аккалыыр. Ол икки ардыгар хотон ортоугар кутаа кытыастар, бокуойа суох, өрө күлүбүрээт тахсан өһүөлэри салыыр. Ыыс-быдаан иһигэр, мөхсө-мөхсө, сүөһүлэр орулаһаллар. Оһонньор: “Сизхсиит!” — диэн үөгүлээбитинэн, Дьэбдьэй баттаҕар түһэн эрдэбинэ, холлоҕос саҕа уот төлөнө сирэйигэр сабыта биэрэр. “Умайдым! Өллүм!” — диисанаануһуутаабыт хаһыытыттан уһуктан кэлбитэ, сүрүбэ бүллүргэччи тэппит, көлөһүнэ “сарт” түспүт» [Соловьев-Болот Боотур, 1979, с. 19–20]. («... и первое, что ему привиделось во сне, была Туолланга, выстуженный хотон, в дверях которого стоит Евдокия. Вдруг она кидается к камельку, выхватывает оттуда две горящие головни и швыряет их в хворост, сваленный кучей посреди хотона. Сухой хворост мгновенно вспыхивает, пламя взметывается до крыши, и через минуту весь коровник*

окутывается яростным вихрем огня. С ревом мечутся коровы, тоскливо мычат быки. С воплем “пожар! пожар!” Сабардам очнулся и присел на краешек орона. ... Сон напугал Сабардама. “От усталости чего не приснится,” — успокаивал он себя, но тревога не проходила, сердце колотилось» (пер. с якут. яз. — В. Кочетков) [Соловьев-Болот Боотур, 1984, с. 5].

Стихийность, чувственность определяют характер Евдокии. Недаром свое стремление ехать в беспокойный город она поясняет непреодолимой, необъяснимой тягой к новому, неизведанному:

«*Оттон эмискэ, айдаан турбут сураҕын истээт, Дьэбдьэй тоҕо эрэ олус өрүкүйбүтэ, наһаа тэһииккээбитэ. Биир кыараҕас балаҕанна олорон тыына-быара хаайтарыах, тэһийиэ-тулуйуо суох курдук буолбута, өйө-санаата, кута-сүрэ курдаттыы ханна эрэ ыраахха, **туох эрэ** улаханна тардыспыта, дьалхааннаах киэн сир, далааһыннаах күргүөм олох, киһи-сүөһү угуйарга **дылыта**. Дьэ, ол иһин, хайаан даҕаны куоракка киһэрэр биһир бигэ санааны ылыммыта» [Соловьев-Болот Боотур, 1987, с. 397]. («Вдруг, прослышав о забастовке политссылных, Евдокия почему-то сильно заволновалась. Стало тесно в балагане, ее мысли, душа потянулись куда-то вдаль, к чему-то неизведанному. Широкие дали, бурлящая жизнь как будто манили ее») (пер. наш. — С.Н.).*

Несвойственные женщине ее социального положения острый язык, незаурядный ум, красота сильно пугают и одновременно восхищают мужчин разных сословий: богача Терентия Сабардама, его сына купца Суон Бүөтүра, конокрада Халлай Хабырылла, улусного голову Боһомо, авантюриста Наай Батарина, политссылных и др. Вдовый статус Евдокии, предполагающий полную автономность ее личности, самостоятельность в действиях, только усиливает и концентрирует внимание на ее свободолобивом, независимом характере.

На женскую власть как на источник хаоса указывает еще один образ — удаганки Марии, сюжет о которой поддерживает в романе идею стихийности, одухотворяющую связь человека и мира. Ее вещий сон о духе-иччи озера, песнь-кутуруу на берегу озера Халангатта, странное видение у озера указывают на тонкую грань в восприятии человеческим сознанием окружаю-

щего мира. Именно ее сновидение послужило толчком к народному волнению, недовольству касательно спуска озера Халангатта.

Женщина выражает хтоническую силу, нарушающую сложившуюся иерархию общества. В связи с этим вполне понятна натура Тумары Григория, выражающаяся в эмоциональности, сумбурности характера, как проявлений антимаскулинных черт, которая полностью поглощена и управляема сильной женщиной Евдокией Кырбыйдановой. О слабых чертах характера мужа напрямую высказывается Евдокия, которую одолевают противоречивые мысли о причастности Тумары к бунту политически активных:

«Кини курдук куттас киһи оннукка-манныкка кыттыа суохтаах этэ» или «Төрүт чэпчэки киһи туюхха эмэтэ умньаспытта чуолкай», «Оттон Киргизэлэй куттабас муннаах, саа тутан кыргызпатабын иһин тугунан эмэтэ кинилэргэ көмөлөспүт буолуохтаах» («Уж не бог весть какой он храбрец, а полез в какие-то темные дела... Ему ли лезть в политику!», «Все-то у него не как у людей») (пер. наш. – С.Н.).

Предопределен особый романтический статус Ньургун Кырбыйданова, к которому от «сильной» героини Евдокии переходит жизненная, магическая сила, зарождающаяся в нем как новом субъекте: собственно происходит трансформация жизненной энергии (пассивной женской – в активную мужскую, старой – в молодую, ненормальной, противоестественной – в ожидаемую). По сути Ньургун — есть буквально новорожденный, качественно новый герой. Неслучаен факт описания его рождения в самом начале романного повествования, который обеспечивает его максимальную значимость в конфигурации текста.

Наконец, говоря о народном понятии святой земли, необходимо остановиться и на идее избранничества, органически вытекавшей из вопроса об архетипической символике земли. Изгнанники с Большой земли, политически ссыльные, широко представленные в романе, – Курнатовский, Лев Теслер, Кудрин, Розенталь, Никифоров, Теплов, Жук, Лейба и др., открывают горизонты нового края, Якутии, некогда считавшейся ими «страной вечной мерзлоты», «тюрьмой без решеток», края, где они претерпевают духовное возрождение, выявляют свои новые возможности для основания нового

мира. В романе подробно описываются внешность, манеры, идейно-нравственные установки, внутренний конфликт политических ссыльных, детально повествуется о днях забастовки в доме Романова.

Утрата связи с землей может рассматриваться двояко: как преодоление своих возможностей и открытие новых способов связи с миром, что показано в характере деятельности политически активных, или наоборот, как потеря связи, отчуждение от мира, в данном случае речь идет о сектантах-скопцах (аттаки). Введение в ткань повествования материала о скопцах-аттаке раскрывает противоположную реакцию на разрыв с землей, отделение от материнского лона: деградацию человеческого характера, отчуждение человека от мира. При описании персонажей-аттаки автором намеренно подчеркивается женоподобность мужчин (их внешность, жесты, манера говорить), бинарно противопоставленная мужчинам из якутского түүлбэ – Силис Куонаану, Томороону, Сомоголлою, Суон Петру и др.:

«Сорох эр дьоннор дьахтар курдук тутталлар-хапталлар, бытыктара суох, баттахтара ньалбаарыччы тарааныллыбыт. Биһир дьахтарга маарынныыр, уһун, ньылбаархай кубаҕай сирэйдээх, култайбыт истээх үрдүк киһи, сымнаҕастык күөгэдьийэн кэлэн киһирбит дьонно: – Эһиги, баһаалыста, итиннэ сыбарыйын, – диэт, муннук диэки ыйда уонна аан аттыгар туран, адыас уончалаах оҕо хаһытаан эрэринии, кэһиэбирбит күөмэйинэн ньаабынаата (...)» [Соловьев-Болот Боотур, 1979, с. 114–115] (*«Мужчины все как один безусые и безбородые, с вялыми женскими лицами. ...Стоя у двери, он вдруг запищал тонким фальцетом»*) (пер. – В. Кочетков) [Соловьев-Болот Боотур, 1984, с. 82–83].

Разрыв с плодоносящей матерью-землей утверждается также в обычае этих сектантов-аттаки, согласно которому им категорически запрещается иметь детей. Неумение Тумары Киргизля пахать землю, тяга к городскому пространству – в какой-то мере есть черта персонажа без корней, маргинальной личности. То есть потеря связи с землей, отдаление от нее трактуются как признак слабости, утраты жизнеспособности героя. Разрешение земельного вопроса не в пользу Терентия Басардама можно трактовать также как утерю утвержденной ранее власти.

Здесь внимание может привлечь тот факт, что писателем намеренно создаются образы «перевернутых миров», которые кардинально отличаются друг от друга: это пространство аласа и города, расположенных по обе стороны реки Лены, которая в свою очередь несет функцию разделяющей границы, усиливая тем самым контраст мировоззрений, образа жизни.

Помимо высокой степени определенности и конкретизации (географической, топографической, бытовой) в системе романов получают развитие конкретные общественно-социальные отношения, экономические, социально-политические аспекты жизни Якутского края начала XX в. В данном аспекте особо наглядно предстает антагония между рожденными землей и потерявшими землю людьми, между бедными, богатыми, революционерами, белогвардейцами, что раскрывается через отношение к земле, через установление ее границ.

Земля становится организующей силой, определяющей иерархические порядки в обществе. Поэтому через призму данного вопроса зарождается еще один аспект проблематики романа – социальный. Принадлежность к территории обозначает наличие земельной собственности, своей территории, страны, Отчизны. В итоге в романе-трилогии «Пробуждение» романная идея от, казалось бы, частной, на первый взгляд, проблемы расширяется до национальной проблематики.

Писатели интуитивно чувствуют, что приближаются времена, когда основа жизни будет разрушена, вывернута в результате глобальных преобразований современности: будут сломаны вековые устои восприятия мира, окончательно переиначены отношения между человеком и его средой. И это, по всей вероятности, стало основанием для создания ими бинарной системы «небо / город» и «земля / алас», когда мир оказывается буквально разделен на две противоположные части и перевернут. Художественное произведение превращается в целостный знак, выражающий высокую степень мироощущения автора.

Яркое и глубокое воплощение пространственных характеристик получают также в романах В.С. Яковлева-Далана «До́боруом, дабай күөх сыырдаргын» («Друг, взойди на высокий холм», 1991), «Кынаттаах ыралар» («Крылатые мечты», 1990) образы Якутска и

наслега Кытыы, где бинарная оппозиция *верх / небо* и *низ / земля* наполняется глубоким онтологическим смыслом. Создается интересная бинарная позиция между Якутском как городом света, ассоциирующимся с университетом, наукой, Сергеляхом, и наслегом Кытыы как топологической реалией, гармонично расположенной в глухой природной среде.

В романе город предстает в положительном аспекте как олицетворение новой светлой жизни и, помимо понятия центра, включает в себя следующие ассоциативные ряды со смысловой нагрузкой *верха (неба)*: *Сергелях, многоэтажные дома, студенчество, молодость, наука, свет, огни Якутска, просторы* и пр. В противоположность ему по отношению к наслегу Кытыы формируются такие смысловые элементы периферийного хронотопа с содержанием *низа / земли*, как *алас, старчество, традиционный быт, глубь, глушь* и др.:

«Улахан Сэргэйдэх нэһилиэктэрэ, ааттыын Кытыы нэһилиэк, кырдьык, оройуон нэһилиэктэриттэн барыларыттан түгэххэ, дыаба баһыгар, үс үрэх төбөтүгэр олороро» [Яковлев-Далан, 1991, с. 52–53].

Город способствует реализации внутреннего потенциала героя романа, студента исторического отделения пединститута, молодого интеллектуала Ньургун Туласынова, активно «восходящего на высоты» жизни и «окрыленного» духом советского абсолютизма в городе света (молодости, радости, учебы) вместе со своими друзьями Уолан Уйгуровым, Леной Соболевой, Евстафием Отчуновым, Колей Никитиным и др. Окрыленный высокими идеалами и далекими устремлениями, Ньургун Туласынов постепенно отдаляется от своих земляков, родного Кытыы: он теперь мечтает об аспирантуре, научной деятельности, браке с Леной. Этой динамике героя способствует городская атмосфера – жизнь в студенческом городке Сергелях, университетские лекции профессора Кынтаярова, светлые просторы Якутска.

Улахан Сэргэй, отец Ньургун Туласынова, в структуре романного пространства исполняет одну из главных ролей, он противопоставлен бинарно сыну Ньургуну, вырвавшемуся из своей среды и прикрепленному к новому пространству. Персонаж Улахан Сэргэя наделяется функцией концентрической – он аккумулирует в своем об-

разе и перво-время, и начальное место в абсолютном для него мире, каким представляется его родная местность Кыты (досл.: край, периферия). Основной акцентный характер имеет нарратив об Улахан Сир (досл.: 'Большая Земля') и о первопредке Улахан Огонньор (досл.: 'Большой Старик'), в котором достаточно выпукло проявляется эсхатологическая роль земли в измерении данной романной среды, где алас Большая Земля становится прообразом центра Земли как основного понятия в экзистенциальных представлениях якута-земледельца и Большого Старика как хранителя этой земли:

«Былыр бу кини кирибит Улахан Алааһа (алаас былыргы аата Тылбаада диэн этэ да, Улахан Сэргэй алаас иһигэр кириэн баран, ол ааттыырын туһунан саныан даҕаны куттанара) – кини төрүттэрин алааһа. Саамай көстүүлээх хоту тумулга Улахан Огонньор (эмиз аата ааттаммат, оннук суостаах этэ) эмээксининээн сыталлар» [Там же, с. 145].

Улахан Сэргэй продолжает линию основателя их рода Улахан Огонньор 'Большого Старика', буквально культурного первопредка, могила которого установлена в местности Улахан Алас 'Большой Алас'. Титанический образ Улахан Огонньор, крепкая фигура Улахан Сэргэя интенсифицируют утверждающую роль земли в зарождении человека-саха, который вырос из глубин своего аласа.

Как мы знаем, в построении героической эпики олонхо широко описывается путь героя-богатыря, где человеку айыы на коне открываются все возможные границы пространства (нижнего, среднего, верхнего). И в этом пути, разрывающем земное притяжение, основополагающая роль отводится симбиозу человека и животного-медиатора, объединяющего пространства. Данная мифологическая схема «человек – конь» по-новому осмысливается в романе В.С. Яковлева-Далана в модели отношений эсхатологического животного, быка, и его хозяина Улахан Сэргэя, составляющих единый организм, конструкт, утверждающий естественную монолитность человека (саха, укороенного в своем аласе) и природы:

«Аҕатын кунана суох кини сатаан санаатыгар онгорон көрбөт, иккиэннэрин араарбакка биш курдук өйдүүр. Обуһа суох аҕатын тас көрүңэ, олобун ис хоһооно даҕаны ситэтэ суох буолуо этэ» [Там же, с. 287];

«Улахан Сэргэй бэйэтэ көрөн улаатыннарбыт, бэйэтэ айааһабыт, күнүн айыы миһинэр кунаныныын быһыылара-майгылара хайдах эрэ биридинги этэ: кинилэр иккиэн олус истигээнэрэ, олус улгумнара» [Там же, с. 250].

Роль медиатора-быка, который подобно мифическому кентавру крепко стоит на своих четырех ногах-столпах и «несет» на себе весь якутский мир, в восприятии всей романной идеи преисполнена глубоким смыслом. Амбивалентная природа якутского быка (кунан оҕус), неразлучного со своим хозяином, несет соединяющую функцию: он подчеркивает исходную жизненную позицию земледельца-якута, крепко связанного со своей землей, – в итоге создается монументальный образ старика на быке как центральной фигуры якутского хронотопа.

Соединенному, скрепленному через тело своего быка с хтонической землей, Улахан Сэргэю отводится культурная роль – важная функция продолжателя рода Туласыновых (тулааһын – 'столп'). В его стремлении, также остальных родственников женить Ньургуну по старинке (*былыргылыы илии охсуһуннаран*) на девушке из их села, угадывается древний сакральный ритуал брака с землей.

Однако желание представителей рода связать сына с родиной (с землей), тем самым прикрепив ему функции *тулааһын* – основоположника рода, остается невыполненным: Ньургун коренным образом меняет свою природную сущность, полюбив русскую (городскую!) девушку Лену Соболеву, он выбирает чужой язык, иную культуру, другой образ жизни.

Кардинальные отличия городского и сельского образов жизни наиболее четко выделены в беседе, когда Ньургун встречает своих земляков, приехавших в город и остановившихся у них на ночлег. Вид спорта, которым любит заниматься студент, девушка, которую он полюбил, – все воспринимается как чуждое для его земляков. К примеру, гости (хоһоһо), приехавшие из родного наслега Ньургуну, интересуются его личной жизнью, просят его во что-нибудь сыграть:

*« – Доҕоор, туохха эмэ оонньоон көрөбүң дуо?
– Волейболга оонньоубун.
– Ол тугуй?
– Мээчиккэ, огонньор, – Уйбааскы быһаарар.
– Мээчик буолан, – Дьөгүөссэ огонньор аан-*

нья ахтыбаттыы сангарбыта. – Оттон тустан, мас тардыһан көрбөккүн дуо?

– Суох.

– Былыр Тулааһыттар улахан күүстээх дьон этилэр. Ама, кинилэртэн, төрүттэргиттэн, туох да хаалбатах мунга буолуо дуо?» [Там же, с. 231–232].

В словах земляка, которого покорило отсутствие навыков у Ньургунна играть в якутские игры (перетягивание палки, борьбу хапсагай), слышится укор, что парень, перебравшись в город, позабыл свои традиции, и ему уже больше не стать настоящим Туласыновым. Беспокойство из-за того, что молодой Туласынов постепенно превращается в «чужого», усиливается, когда парень пишет письмо своим родителям с отказом от предстоящей женитьбы на «своей» девушке из «своих» краев:

«– Нуучча кийиити сэнтэритэн таһаарара дуу?

– Оттон биһиги кыргыттарбыт? – Уйбааскы үөннээхтик харабынан имнэнэр. – Онно эйигин күүтэр кыргыттар бааллар ээ» [Там же, с. 232].

Изменение топологической реалии, к которой прикреплен герой, неизменно влечет за собой трансформацию его внутренних ориентиров – человек, меняя свою среду, меняется сам внутренне, и в первую очередь это касается его внешнего облика. Теме одежды в качестве одного из первичных маркеров прикрепленности человека к городской реалии отводится в романном тексте достаточное внимание. Здесь надо упомянуть художественные эпизоды о покупке обуви, о ткани, купленной сестрой и отложенной на костюм для брата:

«Уу тунгуй оҕоһоос бэйэтин билиниитэ, бэйэтин улахан киһилии сананыыта туохтан сабаланара эбитэй? Бастаан киһилии танас танныытыттан – бачыынка, көстүүм, хаалтыс кэтиититтэн?» [Там же, с. 96].

Заслуживают отдельного внимания акцентированные автором отдельные предметы гардероба (ботинки, костюм, галстук), которые указывают на социальную принадлежность их носителя – человека-интеллигента, образованного городского жителя. В желании студента одеться в интеллектуальную одежду или, как сам Ньургун уточняет, «одеться, по-человечески» (улахан киһилии сананыы; киһилии танас танныы),

можно увидеть сильную тягу к модификации собственного «Я» героя, которая в какой-то мере эквивалентна одеванию маски, то есть стремлению к слиянию с городом.

Противостояние ментальных ландшафтов, отражающих отрицание различных сознаний, усматривается в неприятии переезда Улахан Сэргэя в поселок Нэлэгэр (досл.: открытая местность), где урбанизация происходит с каждым днем все сильнее. Сюжетная линия Ньургунна Туласынова продолжается во второй части романа «Крылатые мечты». Однако путь данного героя постепенно ассимилируется, он теряется в романе, что находит вполне логическое подтверждение тому, что герой из якутского тюелбэ, «теряя» под ногами родную землю, не может в принципе обрести столп (тулааһын) в жизни. В романе В.С. Яковлева-Далана город предстает в качестве промежуточного пространства, меняющего сущностные характеристики человека, вступившего на его территорию, – урбанизация общества, предполагающая изменение основ традиционного устройства народа, начинает рассматриваться писателем как безжалостный механизм, отторгающий и отчуждающий человека от родных корней, от исконной модели жизни.

Таким образом, можно заключить, что проблема идентификации личности, вступающей в новое историческое время, находит специфическое выражение в национальном романе XX в., где пространственные реалии «город / село» становятся индикаторами экзистенциональной границы человека, трансформирующего пространство вокруг себя и самого меняющегося в этом пространстве. В инициативе человека видоизменить себя и окружающую реальность предугадывается процесс преобразования ментального образа человека, рожденного из земли и отрывающегося от нее, в этом и заключается аксиологическая роль романов якутских писателей – акцентуализация и оформление характера нового героя наступающей эпохи, предчувствие его дальнейшей судьбы в новом мире.

Литература

Алексеев А.Н. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 317 с.

Большой толковый словарь якутского языка. Т. II. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.

Большой толковый словарь якутского языка. Т. VIII. – Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с.

Большой толковый словарь якутского языка. Т. IX. – Новосибирск: Наука, 2012. – 630 с.

Большой толковый словарь якутского языка. Т. X. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с.

Данилова Н.К. Традиционное жилище народа Саха: пространство, дом, ритуал. – Новосибирск: Гео, 2011. – 121 с.

Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеут: сб. ст. // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. VI. – Л., 1927. – С. 63–78.

Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – 348 с.

Соловьев В.С.-Болот Боотур. Уһуктуу: роман. 1 кн. – Якутск: Кн. изд-во, 1975. – 376 с.

Соловьев В.С.-Болот Боотур. Пробуждение: роман. Кн. 2 / авториз. пер В. Кочеткова. – М.: Современник, 1984. – 319 с.

Соловьев В.С.-Болот Боотур. Уһуктуу: роман. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – Кн. 2. – 400 с.

Соловьев В.С.-Болот Боотур. Уһуктуу: роман. – Якутск: Кн. изд-во, 1987. – Кн. 3. – 640 с.

Токарев С.А. Религия в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1964. – 559 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – Якутск: Бичик, 2008. – 400 с.

Яковлев В.С.-Далан. Доһоруум, дабай күөх сыыр-даргын: роман. – Дьокуускай, 1991. – 424 с.

S. E. Karmanova (Noeva)

“Grown out of the Land”: Masculine / Feminine Roles of Characters in the Yakut Chronotope

In this article, in the context of geopoetic discourse, we interpret the problem of masculinity / femininity of characters in the novels by V.S. Solovyov-Bolot Bootur and V.S. Yakovlev-Dalan, its implementation in the space of the city/ village, which we consider as an existential human boundary. It seems to us that the actualization of the the dynamics' solution of the mental landscape in the literature makes it necessary to address new methodological problems that are the prospects of cultural anthropology of the XXI century. The aim of identifying principles of analysis established conceptual base for analysing the Yakut chronotope, consisting of binary images of the sky / the city and the land / alas, borders (Lena River), intermediate locations (city streets, road-ways), personalauthor, tuelbe (“the land” male images, “air” women images, the figura of bull-man) etc.

Keywords: geopoetika, alas chronotope, the image of the land, the city, the masculinity, evolution of a hero.

Ю.Н. Столяров

DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.014.

УДК 801.81:398.22

Олонхо: роль знаков и письменности в установлении мирового порядка

Впервые специально освещается тема знаков и письменности в якутском народном эпосе – олонхо. Показано, что олонхо – синкретический вид устного народного творчества, сочетающий мифы, сказки, религиозные воззрения, героический и духовный эпос и отражающий отдельные современные реалии бытовой жизни. Воспроизводя главным образом древние представления народа саха (якутов) о сотворении мира и якутской народности, демонстрируя её высшие духовные и моральные ценности, олонхосуты (народные сказители) обращают

© *Столяров Ю.Н., 2019*

внимание на то, что самые существенные факты, события, предназначения записаны на материальном носителе и сохраняются вечно. Объясняют они и происхождение материальных знаков, свидетельствующих о самой важной социальной информации: материальном состоянии хозяина, осуществлённых жертвоприношениях и т. п. Статья написана на основании изучения основных изданий олонхо, сосредоточенных в фонде научно-исследовательского центра книжных памятников Национальной библиотеки Республика Саха (Якутия).

Ключевые слова: истоки книжной культуры; якутская традиционная культура; олонхо; «Мюльджю Бёгё»; Книга Судеб.

Олонхо – синкретический феномен

К настоящему моменту установлены четыре истока книжной культуры: мифы, фольклор, религиозные представления со всеми ответвлениями от них, героический и духовный эпос [Столяров, 2017]. Имеется, однако, и уникальный синкретический исток – олонхо – древнейшее эпическое повествование якутов (саха), занимающее центральное место в системе якутского фольклора. Термин «олонхо» обозначает как эпическую традицию в целом, так и название отдельных сказаний. Как считают олонховеды, с самого начала в содержании олонхо мифологическое переплетается с реальным, а макрокосм эпического мира неотделим от микрокосма создателей олонхо [Кузьмина, 2014, с. 11]. Олонхо явно повлияло на сказочные сюжеты, но и последние стали позднейшими напластованиями на основные сюжеты олонхо. Так, мотив женитьбы богатыря на женщине-оборотне – результат влияния волшебной сказки на олонхо [Там же, с. 54]. Неразличимость в ряде случаев мифов и олонхо, олонхо и сказок проявляется, например, в названии книги П.А. Ойунского «Якутская сказка (олонхо), её сюжет и содержание [2013], целиком посвящённой анализу не сказок, а олонхо.

Олонхо возникло в период оформления и развития родоплеменного общественного сознания сахалар, складывания их верований и религий. Со становлением общественных отношений, возрастанием объёма знаний и уровня самосознания человека на протяжении столетий олонхо обогащается новыми образами, новым содержанием, отражая и реалии времени его конкретного создания. Появляется общая типологическая сюжетно-композиционная структура олонхо, но строго соблюдаемых канонов нет. Каждый исполнитель (олонхосут) создаёт свой сюжетно-композиционный строй, свою мифо-

логию, свои образы. Репертуар в значительной степени зависел от дара импровизации, коммуникативных способностей, эпического интеллекта олонхосута. Почти во всех известных олонхо присутствуют фрагменты сказок, религиозные взгляды (подчас включающие элементы православия или – реже – других религий), отражены реалии современности, приметы времени создания олонхо. Эти обстоятельства и делают олонхо синкретическим жанром с преобладанием мифологического мировоззрения.

Ареалом первоначального распространения олонхо принято считать обширный тюрко-монгольский мир в его границах VI–XI вв. н.э. В последующем олонхо сопровождало своего носителя на всём протяжении его долгого и трудного пути. К началу массовой письменной фиксации эпических сказаний в первой половине XX в. культура олонхо широко распространилась практически во всех якутских улусах и районах с преобладающим якутским населением на современной территории Республики Саха (Якутия) [См.: Говоров, 2010, с. 10]. С момента первой записи в середине XIX в. и особенно в первой половине XX в. олонхо были документированы практически все доступные и дошедшие до наших дней памятники эпического наследия и переложены на различные письменные носители [Там же, с. 12]. Распространение фиксированной формы позволило сохранить в подробностях сюжеты многих памятников эпического наследия. Вместе с тем переход на письменные носители сопровождался упадком устной культуры олонхо и стал одной из причин забвения устной формы эпического творчества. Вместо вольной импровизации по сюжетам исходного текста, что, по сути, и является главным в искусстве олонхосута, новые сказители стали следовать записанному, готовому тексту. Живое слово олонхосута постепенно заменялось «мёртвым» текстом, вдохновенное

творчество – обычным заучиванием. Так исчезла возможность сравнивать его с живым сказанием, а вместо *слушателей* живого олонхо появилась иная аудитория: *читателей* эпического текста. Письменный текст олонхо предполагает наличие между олонхосутом и читателем скрытых посредников – переписчика и редактора [Там же, с. 12–13].

Общее представление о содержании олонхо

В олонхо наиболее полно отражены общие представления якутов о сотворении мира. Наиболее основательно они изучены А.И. Гоголевым во многих его монографиях и статьях [Столяров, 2018]. Олонхо берет начало с глубокой древности, с родового общества и на протяжении веков меняется, дополняется и расширяется. Олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» начинается с краткого изображения эпического времени. Далее следует описание сотворения Вселенной. Согласно этому олонхо, начальная Мать-Земля была размером с пятку серой белки и уха двухгодовалой важенки. Затем она постепенно расширялась, увеличивалась. По мифологическим представлениям, мир начинается с маленькой точки, и эта точка постепенно разворачивается, увеличивается, расширяется, в конечном счёте образуется Вселенная [Кузьмина, 2014, с. 93].

Есть и другие представления, в которых большая роль отводится мировому дереву – берёзе или лиственнице, мифической птице или рыбе и др.

Народ саха исходит из того, что всё сущее бытует в трёх мирах: Верхнем, Среднем и Нижнем. Нижний мир (дьявольский) расположен внизу не в пространственном, а в духовном смысле. Верхний мир имеет божественный ранг, Средний – человеческий (промежуточный). Особое место в олонхо занимает Восток: оттуда приходят боги, прежде всего, Айыысыт и Иэйиэхсит (богини Созидательница и Охранительница).

В начале эпохи «олонхо» существовали три великих объединения племён. Они жили смешанно, на общей территории. Стремясь обладать лучшими странами мира, однажды они столкнулись. Война была страшная и упорная. Впервые она разгорелась в Верхнем мире, но от её разрушительных действий дрожали и мета-

лись все три мира, стонали, истекая кровью, как живые существа. Близился конец света.

Тогда непримиримые воюющие стороны решили кончить борьбу. Они разделили между собой всю Вселенную, создав три мира. Бесчисленные племена «Престарелого Белого Господина» заселились в трёх нижних странах Верхнего мира; 39 племён «Возвеличиваемого Великого старца» заселились в шести верхних юго-западных и северо-западных странах Верхнего мира; 36 племён «Бедового, Сильного Старца» заселились в Нижнем мире, где зияющая преисподняя стала служить им неприступною твердыней. С этого момента – момента раздела мира на три страны – начинается героическая эпоха «олонхо» – эпоха древнего якута – «урангхай-саха» и его представление о добрых и злых началах.

Чтобы следить за соблюдением мирного договора, были избраны должностные лица всех трёх миров. Первыми из них упоминаются Чингиз-хан, Одун-хан и Господин Джилга. Фактически их функции сливаются, все эти лица почти одно и то же. Это может быть объяснено тем, что они были ханами один вслед за другим и последним был Джилга. В олонхо чаще всех встречается Джилга как распорядительная и исполнительная власть в трёх мирах.

На этой стадии, согласно некоторым олонхо, появляется необходимость записывать происходящие события. *Писцом* всех трёх миров избран Уот Дьурантаайы, то есть «Огонь Джурантая» из племён «Возвеличиваемого Великого Господина». Имена, начинающиеся с «уот» – «огонь», являются именами злых начал. Итак, первым грамотным лицом стал сын злого начала из Верхнего (но, возможно, и из Нижнего) мира, что указывает на более высокую культуру древних «урангхай-саха» перед другими племенами.

Все три народа пришли к единогласному решению заселить Средний мир тридцатью пятью племенами, в числе которых был древний якут (очевидно, одно племя), являющийся младшим сыном «Белого Престарелого Господина». Остальные относятся к другим племенам из Верхнего и Нижнего миров. Эти племена, более культурные, оседлые, чем древние якуты, явились в Средний мир в лице «иччи», т.е. духов, покровителей разных отраслей хозяйства и промыслов [Ойунский, 2013, с. 9–11].

Срединный мир является родиной не только урангхайцев-саха, но и других народов. Батор Полтора* и богатырь Кырадымыан – герои других народов земли. Во многих олонхо, в соответствии с древним родовым менталитетом, Срединный мир населяли только якуты. Представители Нижнего и Верхнего миров, олицетворявшие зло, считались их противниками.

Основная тема олонхо – это судьба эпического союза племён айыы аймага, налаживание мирной, счастливой и богатой жизни в предназначенном племенам айыы Среднем мире. В олонхо повествуется о жизни урангхай-саха, взаимоотношениях членов семьи, рода и племени, об их борьбе со злом. Структура сюжета якутского героического эпоса одинакова во всех олонхо и состоит из следующих компонентов: 1) экспозиция, где описываются мир, в котором живёт герой, священное дерево, жилище, богатство, портрет героя; 2) завязка сюжета, в которой раскрывается причина конфликтной ситуации сказания; 3) развитие сюжета: богатырский поход, преодоление препятствий; 4) кульминация, когда сюжетное движение достигает апогея в сценах единоборства героя со своими противниками; 5) развязка сюжета: возвращение богатыря на родину, преодоление трудностей пути и козней побеждённых врагов и их родственников; 6) заключительная часть – традиционное завершение всех событий победой героя, свадебным ысыахом и установление мирной, созидательной жизни на Земле [Кузьмина, 2014, с. 9–10].

Во многих олонхо главные герои имеют высокое небесное, божественное, происхождение или являются отпрысками большого старинного рода. Все богатыри – сироты. Это люди независимые, строптивые, не признающие авторитетов. Особое место среди них занимает космический кузнец Суодайа Хара. Он возник в центре верхнего бесконечного неба в начале времени сам по себе, поставил сквозную трубу девяти небес, для Тартара выковал якорь, когда делали землю, и забил центральную ось-скобу. В своём горне девятикратного огня он выковал четырёх самых выдающихся богатырей Вселенной: дьявола Бюгюстяна Хара, тунгуса Арджамана-Джарджамана, горца Батора Полтора, урангхай-

саха Мюльджю Бёгё. Космический кузнец представляет собой материальное творческое начало в мире, тогда как его сестра, небесная шаманка – духовное творческое начало.

Олонхо «Мюльджю Бёгё»

Среди многих олонхо, известных со слов и пения олонхосутов, как по архаичности и множественности сюжетных мотивов, оригинальности трактовки эволюции эпической обрядности, богатству лексического фонда и высокой художественности языка оригинала, так и по весьма сложной судьбе произведения после его издания в 1938 г., особое место занимает олонхо Д.М. Говорова «Мюльджю Бёгё» [Говоров, 2010]. Анализ и оценку этого произведения осуществил А.Н. Жирков, из статьи которого [Жирков, 2010] взяты основные сведения об этом памятнике якутского народного творчества. «Мюльджю Бёгё» относится к числу крупных по размерам опубликованных олонхо. Общий объем произведения при стихотворном сложении составляет порядка 19500 строк. Отличительный момент этого произведения состоит в частом использовании русизмов, включении в олонхо русских и мировых сюжетов, а также эпических персонажей. Олонхо «Мюльджю Бёгё» оказалось в числе наиболее изученных памятников эпического творчества народа саха. (Далее в тексте ссылки на это произведение указаны в тексте в круглых скобках по номерам строк (стихов)).

Знак, метка

О том, что информация может быть передана отдельными знаками, в том числе знаками-предметами, а также предтечей письменности – системой иконических знаков, или изобразительным текстом – говорилось в статье «Тема письменности в якутских народных сказках» [Столяров, 2018]. Свидетельства наличия праписьменности и её первоначальных видов – надписей – содержатся и в олонхо.

Подтверждение обещаний сопровождается клятвой с оставлением долговременного знака, к которому можно обращаться в случае необхо-

*Имя Батор Полтора означает, что он в полтора раза сильнее обычного земного богатыря.

димости. Так, в уста девушки вложены слова: «Дам клятву кровью – прокушу свой левый мизинец, на семи черных деревьях сделаю кровавые метки» (стих 7320). Поразмыслив над её словами, Мюльджю Бёгё говорит: «”Выслушал просьбу твою, согласен. Покажи на семи чёрных деревьях свои кровавые метки”. Понравились ему *клятвенные метки*. “Пусть будет видна дорога твоя туда, а дорогу назад, – сказал, – никогда пусть не увижу! На расстояние *метки* отойди. На одну ступню удались! Пусть страна отца призовет, страна матери примет тебя. Твоя доля – там. Моя судьба – другая!”» (стихи 7340–7350).

Жертвенные знаки

В других олонхо повествуется о зримых свидетельствах жертвоприношений героев. Они приносят жертвы только 1) по случаю победы, когда победитель приносит духам четырёх дорог и войны часть тела убитого, сжигая всё остальное, и 2) когда жертва приносится великим кузнецам рогатым скотом как вознаграждение за труды и взятые орудия борьбы.

Великие богатыри из племени урангхай-якутов истребили всех богатырей Верхнего и Нижнего миров и тем вызвали их месть и проклятия, выразившиеся в ниспослании на урангхай-якутов разных заболеваний. Духи Верхнего мира послали болезни, разрушающие верхнюю часть тела урангхай-якута, а духи Нижнего мира – нижнюю часть тела. От этих болезней стали откупаться тоже путём жертвоприношения. Так как нужно было откупаться от болезней из Верхнего и Нижнего миров, то стало необходимым зримо отмечать эти откупы, т.е. понадобились вещественные свидетельства исполнения акта жертвоприношения. Иными словами, понадобился знак-предмет. В результате появились «кэрэх» (священное дерево) и его «куочай». По «куочай» можно узнать, кому принесена жертва: если куочай острым концом обращён на юг и направлен вверх, то жертва принесена верхним духам, а если он острым концом направлен на север с наклоном вниз – то духам Нижнего мира. «Кэрэх и куочай, являвшиеся как бы документами, свидетельствующими об уплате, должны быть особо охраняемы и оберегаемы» – подчёркивает П.А. Ойунский [2013, с.

11]. Постепенно эти деревья стали священными и стали использоваться как предметы, атрибуты обряда. Жертвоприношение и его атрибуты – «кэрэх» и его «куочай» легли в дальнейшем в основу религиозного культа в виде шаманизма.

Изображения и надписи

В представлении об устройстве мира большая роль отводится двумерным и трёхмерным изображениям, конкретизирующим абстрактные идеи. Изображений этих много, они сопутствуют каждой излагаемой наиболее значимой мысли. Так, на бескрайнем просторе «создана такая земля, где человек стоящий имеет *девять образов* разнообразных; лежащий человек – *семь видов* преходящих» (стихи 4680–4690).

Рисунки служили украшением, особенно предметов, принадлежащих женщинам: Кэкэ Буурай на крылатом коне поднялся на небо к серебряной горе, «подлетел к золотой юрте, с серебряным звоном вращающейся на оси. <...> Пришлось ему ладонями тяжёлыми сдвинуть шире косяки. Вошёл, наконец, и не видит, куда бы можно сесть. Видна только кровать с цветным изголовьем резным, с краинами, с *рисунками*. Источающее белый свет, ложе женское там <...>» (стихи 9450–9490); «Владыка девяти небес Светозарный Господь Юрюнг Аар тойон имеет роскошные тройные серебряные *образа*» (стих 13260).

Имеется в олонхо свидетельство о трёхмерном документе. Для того, чтобы следить за исполнением установленных и записанных законов, кузнец Суодайя Хара сделал «*девять богатырей*» (стих 3160). Аналогично «ставший зеницей Глядящего ока, – Бюгюстяна Хара, ставший серой в его чутком ухе, мудрый выразитель его дум сокровенных, верный переводчик его слов мудрёных, самый надёжный из посыльных быстрееших, девятью великими шаманками Верхнего мира колдовскому искусству обученный, а душа семью сильнейшими шаманками Нижнего мира воплощена в *идол медный, огнедышащий*» (стих 2010).

Наглядным доказательством (т.е. документом по определению) существования высших духовных сил служит также стоящий на востоке четырёхгранный *каменный столб с нарисованными на каждой грани обликами духов и, воз-*

можно, надписанными их именами (стих 3250). Действительно, подошедший к столбу с западной стороны увидел *изображение*: «Остриё лобное притупится о лицо, лезвие закалённое отскочит от глаз, Две ноги, как большие деревья в зимнем лесу, упёрлись крепко в землю ступнями огромными, как лодки берестяные<...> [и т.д.] (стих 3300).

О сопровождении изображений надписями (даже указано, что они находились выше изображения, т.е. являются именно надписями, а не подписями) свидетельствуют стихи 3480–3500 («Стоит тунгус удалой. Сверху *надпись* гласит: “Посланный бродить по каменным поясам девяти широких морей неизменной великой Срединной земли, отмеченной сверху ясным солнцем – глазом, волшебной луной, снизу имеющей дном море глубокое <и т. д.>»). Тексты надписей, как можно судить по этому примеру, довольно обстоятельные.

Этот вывод подтверждается стихами 3570–3580, из которых явствует, что на восточной стороне стоит «созданный в иных краях, выросший в странах чужедальних где-то из чистой меди человек [неукротимый Батор Полтора], а также его *портрет*». Над ним «записан сказ о том, кто он и откуда». Безграмотный якут Д.М. Говоров из далёкого захолустья в своём олонхо рассказывает о древних стелах с надписями. Древнетюркские памятники (каменные фигуры) VIII в. с руническими надписями были открыты в конце XIX в., первые широкие публикации были сделаны проф. С.Е. Маловым в 1951 г. Д.М. Говоров о таких научных открытиях знать не мог, но по памяти донёс до современников информацию, идущую из глубин тысячелетий.

Как уже отмечалось, олонхо – жанр своеобразный. В эпическое описание доисторических времён легко вплетаются современные реалии: загадочный человек «держит в правой руке бич-кнут тройной – Огненную молнию, на груди обширной *семь медалей* блестят. Подобно лежащим в ряд пегим лягушкам, на плечах *эполеты* [из] розового камня. Высокого облака гребень – треугольную шляпу – положил на голову набекрень, на ней ржавым пятном светится *кокарда*» (стихи 12380–12440). Дальше появляются: «семь *символов* кровавых сурового закона тут же поставлены в жуткий ряд. Семеро чёрных секретарей, обученных семидесяти хитрым

приёмам крючкотворства, сидят. У стола, что пруд большой, четверо чёрных судей четырьмя большими копнами, запорошёнными снегом, сидят мрачно в ряд. Перед собой положили *Синодники*, подобные бурым медведям. А рядом положили особые *бумаги* с законами *записанными*» (стихи 12450–13050).

Эти и множество подобных современных деталей – всего лишь художественный приём сказителя, при устном выступлении рассчитанный на усиление эффекта для малосведущей аудитории. Знакомые реалии призваны с большей силой убедить слушателя в истинности основного, глубинного содержания. Тот же, кому неведомы, например, эполеты, будет впечатлён их уподоблением пегим лягушкам на плечах. Это звучит странно и завораживающе, тем более, что в один ряд поставлены эполеты из розового камня (виданы ли таковые в Якутии?!) и пегие лягушки.

Видом живого письма – живописи – являются *портреты*. Часто они снабжены поясняющими *надписями*. Так, в одном из эпизодов на северной стороне герой увидел собственное *изображение* «от ступней до макушки высотой в десять сажень». Выполненное без изъянов, оно описано во всех деталях: «Обозрел внимательно образ свой: одет в тройную железную броню, не похож на человека Мира подсолнечного, видом суровым внушает робость. Выглядит как абаасы. Видно: твёрдо ступает, широко шагает, силой большой обладает» (стихи 3630–3640).

Это изображение тоже сопровождается надписью: «Под сиянием солнца на светлой стороне, когда наступит беда на уранхаев-саха, когда: аджараев восьминогих, дышащих студёной бурей, злые силы тёмные захотят покорить, встанет на битву смертельную <и т. д.>», т.е. и эта надпись весьма обстоятельная.

Надпись «Будьте осторожны» воспроизведена в стихе 3640.

Выдержавший испытание Суджулу удостоился того, что его *портрет* был представлен на обозрение на «столбе судьбы» (стих 10510).

Портреты помогают идентифицировать образ соответствующего персонажа, но в отдельных случаях они могут и сознательно вводить в заблуждение: «Великого неба Всесильный дух Уот Чолбоодой шаманка, Высочайшая мать моя, закаляла в неземном огне – искупала в Огненном море. Что же она, неужели, на столбе судь-

бы, на первой, западной, стороне показала *ложный портрет*» (стих 4170).

Запись, надпись

Саха убеждены, что в прежние времена «на неизменной, неподвижной Срединной земле <...> был послан свыше, *записан в указе, занесён в золотой Синодик* священный семи грозных богов с назначением прямым укрепить и множить благо центра Вселенной. Был поставлен судьбой, Одун Ханом направлен на Срединную землю Кюн Сыралыман тойон с женой Аан Дархан хатын, чтобы возглавить весь род уранхаев-саха – коренастых, тщедушных, с согбенным станом» [стихи 1710–1740]. Под синодиком понимается судьба, записанная в небесной *Книге Судеб*. Олонхосут позаимствовал слово из русского христианства, где существует слово «синодик» с иным значением.

Есть и варианты такого представления. Например: «Под небом высоким, над морем глубоким есть Срединный мир с глазом – сияющее солнце; на его счастливым средоточии особой полосой обосновался народ уранхай-саха. Неиссякаемой прорубью ему был поставлен *указ* Самого Одун-бога» (стих 6190).

Указания на запись всех значимых событий в древнем архиве содержатся в стихах 2690 («Был поставлен отцом защитой надёжной уранхайцам-саха, заселившим лоно Срединного мира, чтобы длинное укоротил, короткое удлинил [т. е. сохранил равновесие сил в мире], чтобы из проруби Изобилия накормил [всех голодных я сирых]»); 3160 («Восседающий на славе немеркнущей Юрюнг Аар тойон так определил, в законе своём *записал*: “Создать защитника Срединного мира”»); 4470 («Занесённый в иных архивах, записанный в указе Одун Хана...»); 11610 («Если отпустим тебя без пользы, впустию, наше имя славное будет опозорено. По слухам о тебе в *письменах* Девяти айы *записано*: не отступать перед опасностью любой, не дрогнуть перед бедой, – занесён ты в *архивах* Восьми высоких богов») и других.

«*Записан* в указе Одун айы и занесён в *Книгу Судеб* Высочайших айы Светозарный Господь Юрюнг Аар тойон» (стихи 13270–13280).

Письменно зафиксированы самые существенные предписания: «Если явится кто с на-

мерением злым осквернить эту страну, разрушить счастье её, я должен отогнать. Если нужно, уничтожить. С таким назначением поставлен небом Чынгыс, был *записан в указе* Одунбога великого» (стихи 5570–5580); «Во имя Срединной земли спасти погибающего, поднять утопающего – был *записан в архивах* Восьми высших божеств, была назначена судьба Великим богом-отцом, был включён в *список* Богини всей земли» (стихи 6450–6460).

Записан и другой закон небес: «<...> пернатые все, высиживая яйца в гнезде, обогащают мир живой; Тревожная жизнь животных зарождается в лоне самки, умножает изобилие лесов; Имея жену, двуногий зажигает священный огонь, продолжает жизнь в трудах – таков закон небес, *записанный в архивах* святых Восьми высоких айы, Девяти великих богов» (стих 9770).

Записано и тем предопределено свыше всё самое значимое для судеб народа саха: «Слушай, Арджаман-Джарджаман. Ты не создан для мира уранхайских родов. Твоё назначение, *записанное* в высоком указе, – не топтать зелёный дол, ютиться по горам, прятаться за скалами, с луком со стрелами бегать на лёгких лыжах по снежной целине, добывать зверя в лесах, быть охотником отменным» (стихи 11460–11470).

О факте записи известно многим героям первого ряда. Так, семеро кузнецов сообщают двум борющимся богатырям равной силы о том, что они «оба *записаны в указе* Чынгыс Хана, назначены Одун Ханом. Не простые богатыри, мы слышали. Мюльдью бёгё был занесён в *списки* всех богов-покровителей человеческого рода быгь надёжном щитом, верным защитником Срединной матушки-земли» (стихи 11440–11450).

Книга

В рассматриваемом олонхо содержится указание на наличие священной книги, в которую заносятся самые значимые события, решения, клятвы, присяги. Например, «Юрюнг Аар тойон принял от меня присягу – ты видела сама. Неуклонный свой указ записал в *святую книгу* из серого серебра. Когда снизу [из Нижнего мира] начнёт огнём меня жечь, поклялся не отойти. Так *занесено в архив*» (стихи 8700–8710); «Юрюнг Аар тойон собрал прославленную на

восьми небесах высокую команду свою, призвал к себе всех именитых девяти небес, старейшин мудрых. Раскрыли заветную *Книгу законов и судеб* из серого серебра, толстую, как будто сложена из слоёв сосновой заболони. «Посмотрите, – сказал, – каково определение свыше судьбы этих богатырей?» Выяснили, что верховным главой всех аджараев во всей вселенной является Арсан Дуолай тойон, живущий в преисподней» (стихи 9030–9050).

«Отец восьми небес, властитель девяти небес поднял *Книгу Судеб*, изучил он старинные архивы – *надписи на бересте, письма на шёлковых листах*, пришёл к заключению: по законам верховным, по желанию духа-хозяина Срединной цветущей страны дети айыы – люди земные, не назначены аджараям, аджараи их трогать не должны» (стихи 12830–12840). Как отмечено в примечании 256 к этому олонхо, в подлиннике буквально сказано: «Берестяные слои разобрал, шёлковые швы проследил». Здесь подразумеваются древние архивы со старинными письмами на бересте (на Севере) и на шёлковых (торго) полотнах в странах Дальнего Востока. Древние предки якутов сюнну (хунну) в течение многих веков имели близкие отношения с Древним Китаем.

Арджаман знает о своей участи, записанной в *Книге Судеб*: «травой-сеном не запасаться, не питаться изобилием белым, скитаться на скалах, вечного огня не разводить, уютного жилья не знать, тучный скот не содержать, счастливого богатства не иметь. Об этом он заявляет судьям» (стих 13120).

В отличие от хозяйки, которая «родилась на особенной земле, занесена в указ другой», Мюльджю Бёгё «был создан стать защитой непоколебимой, как скала, как твёрдый гранит, уранхайцам-сахы, обитающим островками на Срединной земле». Это предопределение «в *Книгу Судеб записал Отец всех девяти небес Светозарный Господь Юрюнг Аар тойон*» (стихи 9600–9610).

Богатырь Батор Полтора знает о том, что предназначение каждого богатыря занесено в небесную *Книгу Судеб* (стихи 9950–9960). В *списки* занесены и их суженые (стих 9990). Знает об этом и Сыралыман Куо: «Верный мой спутник, мой суженый друг Суой-бэйи! Погоди, остановись! Пойми мои слова, благородной ду-

шой внимай! Стоящий перед тобой вступивший в борьбу Батор Полтора и ты сам Одун Ханом созданы с одинаковым назначением, в один указ занесены. Если даже всю жизнь будете биться, пытаясь над другим верх взять, ничего не получится, никто не одолеет. Таково решение богов» (стихи 10170–10180).

В *Книге Судеб* содержится предостережение, о котором люди забыли: «Всё, что захватил Тунгус Арджаман, не пытайтесь вернуть, только горя хлебнёте» (стих 13380). Судьи вернулись к тексту, снова *листают Книгу Судеб*. Оказалось, одну *страницу* пропустили. Обнаружили *запись*: «Если Арджаман захватил, не надейтесь вернуть, [он] никогда не признается, только муки умножите». И дальше *читают*: «Что украл Арджаман, то пропало для вас. Только несчастный горемыка возьмётся преследовать его по остывшим следам» (стихи 13380–13400). Этого, однако, судьям показалось мало, и они привлекли семерых «тощих чёрных секретарей». Обученные семидесяти хитросплетениям, они «вытащили на стол девяносто Законов суровых. Начали рассматривать, изучать. Наконец, они положили перед судьями решение по делу Арджамана Мюльджю Бёгё». Выяснилось, что он «был создан Святым духом богов, Богиней милосердия был выпестован для Срединной земли, возникшей по соизволению Юрюнг Аар тойона для уранхайцев-сахы. Был создан, чтобы короткое удлинить, узкое расширять». Всё это «*записано* в небесном указе. Стало быть, он не лжёт, – решили судьи» (стихи 13640–13660).

Тем не менее они решили: «...мать-душу твою, дающую мощь, отобрать. Душа-земля – источник хитростей роковых уже погибла, из трёх душ двумя отныне не владеешь, лишь душу-воздух оставляем тебе. С этой только душой ты станешь уязвимым для холода и ветров, для болезней и хвори всякой. Мозги твои станут жидкими, думы длинные станут короткие, спина широкая – узкой, В обмене будешь готов уступать одну пятую часть самой ценной добычи. С радостью большой будешь отдавать за мелочи тому, кто тебя назовёт приятелем-другом. Такое назначение-судьбу заносим в *архив небесный*» (стихи 13870–13890).

Выражение «архив небесный» вряд ли правомерно понимать как термин, т.е. в букваль-

ном, современном смысле слова; самое значимое в этом слове – указание на факт фиксирования и сохранения наиболее важных фактов, связанных с историей народа саха.

К Книге Судеб обращаются и для решения спорного вопроса о предназначении духовной матери главного героя. Она обратилась «прямо к господину девяти небес, отцу восьми небес, имеющему три серебряных образа, Юрюнг Аар тойону, окропляющему вселенную белой благодатью». В связи с этим «подняли великий *свод небесных законов – Книгу Судей Мировых* [ещё один вид книги?]. Оказалось, там записано, что женщина эта была создана для жизни на Срединной земле, в семье уранхайца-саха, хозяина медной горы» (стихи 14950–15000).

В Книге Судеб изложена история появления людей. Обладающий неиссякаемой мощью Батор Полтора создал человека из чистой меди, однако не имеющего «тела и крови человеческой. Было определено ему не иметь жены, не вкушать пищи живой, не знать человеческого счастья – чтобы стал родоначальником хозяев гор мировых. Такое решение *записано* на Скрижалях Небес» (стихи 15010–15020). Однако Батор Полтора пожелал насильно присвоить счастье Срединной земли, ввергнув мир в несчастье. Он нарушил небесный *указ* и заплатил за это собственной участью (стих 15020).

Олонхо других исполнителей

Олонхо других исполнителей, интересные и чрезвычайно познавательные сами по себе, в рассматриваемую здесь тему вклад вносят весьма скромный. Это относится к якутскому героическому эпосу «Могучий Эр Соготох», представленному в академическом издании [Могучий Эр Соготох, 1996], олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» [Ядрихинский, 2011], «Якутской сказке, её сюжету и содержанию» П.А. Ойунского [2013]; «Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы» [Кузьмина, 2014], с которыми ознакомился автор настоящей статьи.

В них имеются отдельные эпизодические включения, связанные преимущественно с предметными знаками, несущими значимую информацию. В олонхо «Девушка-богатырь

Джырыбына Джырылыатта» даётся ссылка на «письмо берестяное восьмьярусного неба жёлто-белого, из *архива берестяного семьярусного бродячего неба просвечивающего*» (стихи 2050–2060). В этом письме содержатся «предписания» и «предначертания», сведения о жребии, «на землю выпавшем, с краю разорванным», т.е. имеющем, по всей видимости, письменный вид (стихи 2060–2080).

Там же можно получить сведения о поставленных рядами девяти коновязях толстых с *зарубками* выпуклыми, семи коновязях с *рисунками ритуальными* (стихи 8140–8150).

Информационное значение коновязей раскрывается в книге П.А. Ойунского «Якутская сказка (олонхо) её сюжет и содержание» [2013, с. 45–46]. Видные издали коновязи – «сэргэ» – очень важный знак, несущий сведения о хозяине и позволяющий путнику решать: стоит ли его посещать. Отсутствие коновязи возле юрты – признак бедноты и безымянности, а также признак негостеприимства, неприветливости. Три главные коновязи – «сэргэ» – стоят во дворе или в изгороди, окружающей юрту. На них имеются вырезанные *изображения*: небесного орла, медведя, кукушки. Каждый гость останавливается у соответствующей его положению коновязи, считаясь с положением и именитостью хозяина. Этим объясняется, что не все знаменитые богатыри останавливаются у первой коновязи.

Заключение

Олонхо являются своеобразным жанром устного творчества народа саха, они характеризуются богатством оригинальных мировоззренческих представлений. С течением времени содержащиеся в них сведения находят научное обоснование и подкрепление, поэтому их философская актуальность будет непрерывно возрастать. Своеобразный, подчас причудливо-фантастический вид олонхо свидетельствует, что знаковой форме закрепления информации якуты всегда придавали очень большое значение, это нашло отражение в ритуальных сооружениях, украшениях жилища, одежды, оружия. Имеются сведения о наличии у древних якутов письменности, и с этой точки зрения к олонхо должно быть приковано внимание олонховедов и научной общественности

вообще. Вклад якутов в мировую письменную культуру бесспорен и нуждается в дальнейшем углублённом изучении.

Литература

Говоров Д.М. Непобедимый Мюльдзю Бёгё = Мүлдү Бөҕө: олонхо: в 2 кн. / Дмитрий Говоров; [сост. А.Н. Жирков; худож.: А.П. Мунхалов, Дь. А. Бойтунов]. – Якутск: Бичик, 2010. – Кн. 1: Мүлдү Бөҕө / бастакы кинигэ А. Ф. Бояров сурукка түһэриитэ; [бэчээккэ бэлэмнээтэ, лат. графикааттан сахалыы алфавикка көһөрдө А. Н. Жирков]. – 480 с.; Кн. 2: Непобедимый Мюльдзю Бёгё / пер. с якут. Е.С. Сидорова; сост., общ. вступ. ст. А. Н. Жиркова. – 320 с.

Жирков А.Н. Олонхо Дмитрия Говорова «Мүлдү Бөҕө» / А. Н. Жирков // Говоров Д. М. Непобедимый Мюльдзю Бёгё = Мүлдү Бөҕө: олонхо: в 2 кн. / Дмитрий Говоров. – Кн. 1. – Якутск, 2010. – С. 5–20.

Кузьмина А.А. Олонхо Виллойского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы / А.А. Кузьмина; отв. ред. В.В. Илларионов. – Новосибирск: Наука, 2014. – 160 с.

Могучий Эр Соҕотох: якутский героический эпос = Модун Эр Соҕотох: олонхо / [Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии; сказитель В.О. Каратаев; пер.: П.Е. Ефремова и др.; вступ. ст.: Н.В. Емельянова, С.П. Рожнова; музыковед. ст. Э.Е. Алексеева]. –

Новосибирск: Наука, Сиб. Изд. фирма РАН, 1996. – 437, [2] с. : ил., нот. + 1грп. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / [редкол.: А.П. Деревянко (гл. ред) и др.]; т. 10).

Ойунский П.А. Якутская сказка (олонхо), её сюжет и содержание / П.А. Ойунский; [редкол.: В.Н. Иванов (отв. ред.) и др.]. – Якутск: Сайдам, 2013. – 96 с.: ил., портр.

Столяров Ю.Н. Истоки книжной культуры / Ю.Н. Столяров; под ред. В. Я. Рушанина; отв. за вып. Т.Ф. Берестова. – Челябинск: ЧГИК, 2017. – 500 с.

Столяров Ю.Н. Книга о происхождении якутов и их традиционной культуры / Ю.Н. Столяров // Обсерватория культуры. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 358–363.

Столяров Ю.Н. Тема письменности в якутских народных сказках // Вестник Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). – 2018. – №2.

Ядрихинский П.П. Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка богатырь Джырылыатта: олонхо / Прокопий Ядрихинский-Бэдьээлэ; запись со слов олонхосута П.Н. Дмитриев-Туутук; [пер. на рус. яз.: Ю. Борисов и др.; редкол.: В.Н. Иванов (отв. ред.) и др.; авт. предисл.: Т.И. Петрова, П.Н. Дмитриев-Туутук]; Сев.-Вост. федер. ун-т им. М.К. Аммосова, Науч.-исслед. ин-т Олонхо, Ин-т яз. и культуры народов Сев.-Вост. РФ, Каф. стилистики якут. яз. и рус.-якут. перевода. – Якутск: Сайдам, 2011. – 448 с. : ил., портр.

Yu.N. Stolyarov

Olonkho: the Role of Signs and Writing in Establishing World Order

For the first time, the theme of signs and letters in the Yakut folk epic, - olonkho, was specially highlighted. It is shown that olonkho is a syncretic type of oral folk art, combining myths, fairy tales, religious beliefs, a heroic and spiritual epic and reflecting some modern realities of everyday life. Reproducing mainly the ancient ideas of the Sakha people (Yakuts) about the creation of the world and the Yakut nationality, demonstrating its higher spiritual and moral values, the olonkhosuts (folk narrators) pay attention to the fact that the most significant facts, events, and designs are recorded on a tangible medium and persist forever. They also explain the origin of material signs testifying to the most important social information: the owner's material condition, made sacrifices, etc. The article is based on the study of the main olonkho publications, which are concentrated in the collection of the book collection of the National Library of the Sakha Republic (Yakutia).

Keywords: sources of book culture, Yakut traditional culture, olonkho, “Myuldzhyu Byotyto”, “The Book of Fate”.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Валерий Егорович – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии, ИГиПМНС СО РАН, valera305@mail.ru

Грачев Игорь Александрович – м.н.с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), lugavka@mail.ru

Григорьев Степан Алексеевич – к.и.н., н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики, ИГиПМНС СО РАН, detample@yandex.ru

Жукова Людмила Николаевна – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии, ИГиПМНС СО РАН, zjukova@mail.ru

Карманова (Ноева) Саргылана Еремеевна – к.ф.н., н.с. отдела фольклора и литературы, ИГиПМНС СО РАН, nosaer37@yandex.ru

Курилова Самона Николаевна – к.ф.н., с.н.с. отдела северной филологии, ИГиПМНС СО РАН, samonakur@mail.ru

Никитина Саргылана Егоровна – к.и.н., н.с. отдела истории и этносоциологии Арктики, ИГиПМНС СО РАН, Sarg_Nik.ykt@mail.ru

Озонава Айяна Алексеевна – к.ф.н., с.н.с. сектора языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, ajanao@mail.ru

Попов Владимир Гаврильевич – м.н.с. отдела якутского языка, ИГиПМНС СО РАН, vladp@mail.ru

Роббек Лия Витальевна – н.с. отдела якутского языка, ИГиПМНС СО РАН, robbek@mail.ru

Саввинова Антонина Николаевна – к.г.н., доцент эколого-географического отделения, Институт естественных наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», sava_73@mail.ru

Столяров Юрий Николаевич – д.пед.н., г.н.с., ФГБУН «Научный и издательский центр «Наука» РАН», yn100@yandex.ru

Тюнтешева Елена Валерьевна – к.ф.н., с.н.с. сектора языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, tyunteshvae@mail.ru

Ушницкий Василий Васильевич – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии, ИГиПМНС СО РАН, voma@mail.ru

Федина Наталья Никитовна – к.ф.н., н.с. языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, natfedina@mail.ru

Филиппова Виктория Викторовна – к.и.н., с.н.с. отдела истории и этнографии Арктики, ИГиПМНС СО РАН, filiprovav@mail.ru

Хусаинова Ляйля Мидхатовна – к.ф.н., доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, lejla_kh@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфазовна – к.ф.н., с.н.с. отдела языкознания, Институт истории, языка и литературы Уфимского ФИЦ РАН, Республика Башкортостан, г. Уфа, rishrinat@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vasilyev Valery Egorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, valera305@mail.ru

Grachev Igor Alexandrovich – Junior Research Fellow of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (St. Petersburg, Russia), lugavka@mail.ru

Grigoryev Stepan Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, detample@yandex.ru

Zhukova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, zjukova@mail.ru

Kurilova Samona Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow of the Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, samonakur@mail.ru

Nikitina Sargylana Egorovna – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of the Department of History and Ethnosociology of the Arctic, of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sarg_Nik.ykt@mail.ru

Karmanova (Noeva) Sargylana Eremeevna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Folklore and Literature, of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, nosaer37@yandex.ru

Ozonova Aiyana Alekseevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow of the Department of Languages of the Peoples of Siberia, the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, ajanao@mail.ru

Popov Vladimir Gavrilovich – Junior Research Fellow of the Department of Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, vladp@mail.ru

Robek Liya Vitalievna – Research Fellow of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, robbek@mail.ru

Savvinova Antonina Nikolaevna – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Ecology and Geography Department of the Institute of Natural Sciences, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, sava_73@mail.ru

Stolyarov Yuriy Nikolayevich - Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Reserch Fellow of the Scientific and Publishing Center “Science” Russian Academy of Science, yn100@yandex.ru

Tyuntешеva Elena Valerievna – Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow of the Department of Languages of Peoples of Siberia of the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, tyunteshvae@mail.ru

Ushnitsky Vasilii Vasilievich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Fellow of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, voma@mail.ru

Fedina Natalya Nikitovna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Languages of Peoples of Siberia of the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, natfedina@mail.ru

Filippova Victoria Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow of the Department of History and Ethnography of the Arctic of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, filippovav@mail.ru

Khusainova Lyailya Midkhatovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Sterlitamak Branch of the Bashkir State University, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, lejla_kh@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow of the Department of Linguistics of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre, Republic of Bashkortostan, Ufa, rishrinat@mail.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»

В журнале публикуются статьи по историческим наукам, социологии, филологическим наукам. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–36 страницы (20000–60000 знаков). Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А4 через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman или Times Sakha, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – не менее 2 см, справа – не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (не менее 150 слов). В конце аннотации – ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. В заголовке "Аннотации" сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подписи под рисунками не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка. На полях рукописи должны быть указаны места желательного размещения иллюстраций.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Библиографическое описание публикации в списке литературы включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Авторам после текста необходимо указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Необходимо дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи указывается индекс УДК, а также присваивается номер DOI (Digital object identifier – идентификатор цифрового объекта), который позволяет безошибочно находить произведение в сети Интернет.

Статьи, поступающие в редакцию, проходят проверку на антиплагиат (допускается наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 30% от общего объема рукописи), рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 307. 8(4112) 36–49–67

Электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

Для заметок

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70425 от 20 июля 2017 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 18.03.2019. Дата выхода в свет 25.03.2019

Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л.17,5. Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35–68–69
